

ПОУЧЕНИЯ СЛОВА, УСТАВ И ЖИТИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

Имея возможность сегодня сделать какое-либо добро, не отлагай, любезная душа моя, на завтрашний день святого покаяния, потому что не знаешь, что породит сегодняшний день или какая беда случится с тобою в эту ночь; ибо не знаешь, что тебе принесет день или ночь: долгая ли жизнь тебе предстоит или вдруг неожиданно подучишь бедственную и скорую смерть?

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
СВЯТООТЕЧЕСКИЕ СЛОВА
ПИСЬМА

СНЮПСИЪ

ПОУЧЕНИЯ, СЛОВА,
УСТАВ И ЖИТИЕ
СТАРЦА
ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

СИНОПСИЪ

Москва

2021

УДК 2523
ББК 86.372
В 27

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-102-3042

Составитель Е. Носкова

Величковский Паисий

В27 Поучения, слова, устав и житие старца Паисия Величковского. —
М.: «Синописи», 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-6044855-9-0

Сборник, включающий в себя наиболее полное святоотеческое наследие молдавского старца, преподобного Паисия Величковского, которого называли «отцом русского старчества». Именно преподобный Паисий Величковский возродил умное монашеское делание — молитву Иисусову. С духовным наследием Паисия связана история старчества в Оптиной, Глинской пустынях и других монастырях русской Церкви. Первые оптинские старцы — преподобные Лев (Леонид), Макарий, Моисей — были прямыми учениками учеников преподобного Паисия, а их учеником явился святой Амвросий Оптинский.

УДК 253
ББК 86.372

ISBN 978-5-6044855-9-0

© Синописи, 2021
© ИП Носкова, макет, 2021

Поучения старца Паисия

Поучение об умной или внутренней молитве

Предисловие старца Паисия

Дошел слух до меня последнего, что некоторые из монашеского звания* дерзают хулить Божественную, принопамятную и Боготворную Иисусову, умом в сердце священнодействуемую молитву, созидая таковое свое языкоболие на песце суемудрия без всякого свидетельства. Вооружает их, дерзаю сказать, на это враг, чтобы их языками, как своим орудием, опорочить это пренепорочное и Божественное дело и слепотою их разума помрачить это мысленное солнце. Поэтому, оплакав такое зломудрие этих, *заблуждающих от чрева и глаголющих лжу* (Пс. 57, 4), и опасаясь, чтобы кто-нибудь из неутвержденных в разуме слыша такие их баснословия не впал в подобный им ров злохуления и смертно не согрешил пред Богом, похулив учение премногих Богоносных отцов наших, свидетельствующих и учащих о сей Божественной молитве из просвещения Божественной благодати, к тому же и не терпя более слышать хульные речи на это пренепорочное делание, и в добавок убеждаемый просьбою ревнителей этого душеспасительного делания, — решился я хотя это и

* Во времена старца Паисия особенным хулителем умной молитвы явился некоторый суетный философ-монах, пребывавший в Лошенских горах в Молдавии. Против него в особенности и написан этот «Свиток», так назвал старец Паисий свою статью.

превышает немощный мой ум и слабые силы, призвав на помощь сладчайшего моего Иисуса, без Которого никто не может что-нибудь делать, в опровержение лжеименного разума пустоумных и на утверждение Богоизбранного стада о имени Христовом собравшихся, в нашей обители братьий, написать мало нечто о Божественной умной молитве выписками из учения святых отцов, для твердого, непоколебимого и несомненного о ней удостоверения.

Будучи прах и пепел, преклоняю мысленные колена сердца моего пред неприступным величеством Твоей Божественной славы и молю Тебя, всесладчайший мой Иисусе Единородный Сыне и Слове Божий, сияние славы и образ ипостаси Отчей! Просвети помраченный мой ум и помысл и даруй Твою благодать окаянной душе моей, чтобы этот труд мой послужил во славе пресвятого Твоего имени и в пользу тем, кои хотят чрез умное и священное делание молитвы, умно прилепляться Тебе, Богу нашему, и Тебя, бесценного бисера непрестанно носить в душе своей в сердце и на исправление тех, которые по крайнему своему неведению дерзнули похулить это Божественное делание!

ГЛАВА I

Против хулителей умной молитвы. О том, что умная молитва есть делание древних святых отцов, и против хулителей этой священной и пренепорочной молитвы

Пусть будет известно, что это Божественное делание священной умной молитвы было непрестанным делом древних Богоносных отцов наших, и на многих местах пустынных, и в общежительных монастырях, как

солнце просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима, и просто сказать — на всем Востоке, в Цареграде, на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христоваго — и в Великой России. Этим умным вниманием священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов, разжегшись серафимским пламенем любви к Богу, и по Боге к ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих и, очистив свои души и сердца от всех пороков ветхого человека, удостоились быть избранными сосудами Святого Духа. Исполнившись Его различных Божественных даров, они явились по своей жизни светилами и огненными столпами для вселенной и, соделав бесчисленные чудеса, делом и словом привели неисчетное множество человеческих душ ко спасению. Из них-то многие, подвигшись тайным Божественным вдохновениям, написали книги своих учений об этой Божественной умной молитве, по силе Божественных Писаний Ветхого и Нового Завета, исполненные премудрости Святого Духа. И это было по особенному Промыслу Божию, чтобы как-нибудь в последние времена это Божественное дело не пришло в забвение. Из этих книг многие, Божиим грехов ради наших попущением, истреблены сарацинами, покорившими греческое царство; некоторые же по смотрению Божию сохранились до наших времен. На помянутое Божественное умное делание и хранение сердечного рая никогда никто из правоверующих не дерзнул произнести хулы; но всегда все относились к нему с великою честью и крайним благоговением, как к вещи, исполненной всякой духовной пользы. Но начальник злобы и супостат всякого благого дела — диавол, — видя, что наи-

более через это делание умной молитвы монашеский чин, избирая благую часть, сидит неотторжною любовью у ног Иисусовых, преуспевая в совершенство Его Божественных заповедей, и через то делается светом и просвещением миру, — начал таять завистью и употреблять все свои козни, чтобы опорочить и похулить это душеспасительное дело и, если можно, совершенно истребить с лица земли. И то, как сказано выше, через сарацин, во всем ему подобных, истреблял книги: то в чистую и небесную этого делания пшеницу насеивал свои душетленные плевелы, чтобы посредством безрассудных нанести на это спасительное дело хулу тем, что самочинники, касавшиеся этого делания, ради своего возношения вместо пшеницы пожинали терние, и вместо спасения находили погибель. И этим еще диавол не удовольствовался, но нашел в итальянских странах калабрийского змия, предтечу антихристового, гордостью во всем подобного диаволу, еретика Варлаама и, поселившись в нем со всею своею силою, подвиг его хулить нашу православную веру, как об этом подробно пишется в Постной Триоди, в синаксаре второй недели святого Великого Поста. Между прочим дерзнул он различно, и языком и рукой, хулить и отвергать и священную умную молитву, как пишет об этом в своей священной книге, в главе 31-й иже во святых отец наш Симеон, Архиепископ Фессалонитский, которого и подлинные слова предлагаю здесь, говорящего так:

«Этот окаянный Варлаам многое хулил и писал и на священную молитву, и на Божественную, что на Фаворе (Мф. 17:5), благодать и осияние. Не поняв, и даже неспособный понять (да как и постигнуть это тому, кто умом осуетился, и в мечтании мысли с гордым соединен?), что значат слова: *непрестанно молитесь* (1Сол. 5:17) ни того, что значат слова: *помолюся духом,*

помолюся же и умом (1Кор. 14:15); также: воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви (Кол. 3:16); и что посла Бог Духа Сына Своего, то есть благодать; в сердца ваша, вопиющая: Авва, Отче (Гал. 4:6); также: хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком (1Кор. 14:19), — он отверг и умную молитву, или лучше, призывание Господне, которое есть и исповедание Петра, исповедовавшего: Ты еси Христос, Сын Бога живаго (Мф. 16:16), и предание самого Господа, говорящего в Евангелии: еже аще что просите от Отца во имя Мое, даст вам (Ин. 15:16); так же: Именем Моим бесы ижденут (Мк. 16:17), и прочее. Ведь имя Его есть живот вечный: сия же, говорит, писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его (Ин. 20:31); и Духа Святого преподает призывание Христово: никтоже может реши Господа Иисуса, точию Духом Святым (1Кор. 12:3), да и тысячекратно об этом сказано».

Что же успел своим начинанием началозлобный змей с сыном погибели, треклятым еретиком Варлаамом, которого, как я сказал, научил он на хуление против священной умной молитвы? Возмог ли его хулением помрачить свет этого умного делания и, как он надеялся, до конца истребить? Никак. Но болезнь его обратилась на главу его. В то время великий поборник и предстатель благочестия, пресветлый между святыми отец наш Григорий, Архиепископ Фессалонитский, Палама, который в совершенном послушании и непрестанном священном упражнении умной молитвы, как солнце, просиял на святой Афонской Горе дарованиями Святого Духа, еще прежде возведения на архиерейский престол этой церкви, в царствование божественнейшего царя Андроника Палеолога в царствующем граде во именитом великом храме Премудрости Божией. На

соборе собравшемся против вышепомянутого еретика Варлаама, исполнившись Духа Божия, облекшись в непреоборимую силу свыше, отверстыя на Бога уста того заградил и в конец посрамил, и хвастные его ереси и все его хуления огнедыхновенными словами и писаниями сжег и в пепел обратил. И всею Соборною Божиею Церковью этот Варлаам еретик с Акиндином и всеми своими единомышленниками трижды предан анафеме. Но и доныне тою же Церковью ежегодно в Неделю Православия, вместе с прочими еретиками, он проклинается так: Варлааму и Акиндину и последователям и преемникам их — анафема трижды.

Глядите здесь, други, дерзающие хулить умную молитву, и рассмотрите, кто был первый ее хулитель: не еретик ли Варлаам, трижды Церковью преданный анафеме и имеющий проклинаться во веки? Не приобщаетесь ли и вы вашим злохулением этому еретику и его единомысленникам? Ужели не трепещете душою вашею подпасть подобному им церковному проклятию и быть отчужденными от Бога? Восставая на священнейшее дело и соблазняя вашим злохулением души неутвержденных в разуме ближних ваших, ужели не ужасаетесь страшной за это в Евангелии Божией грозы? Разве не боитесь, по слову апостольскому: *страшно есть впасть в руце Бога живаго* (Евр. 10:31), подпасть за это, если не покаетесь, и временной и вечной казни? Какую благовидную причину изобрели вы, чтобы, похулить эту пренепорочную и блаженнейшую вещь? Совершенно недоумеваю. Призвание ли имени Иисусова, думается вам, бесполезно? Но и о ином ком нет возможности, токмо о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым действуется молитва, порочен? Но это невозможно. Ведь Бог создал человека по образу Своему и по подобию: образ же Бо-

жий и подобие это — душа человека, которая, по созданию Божию, чиста и непорочна: значит и ум, будучи начальнейшим душевным чувством, как и в теле зрение, также непорочен. Но не сердце ли, на котором как на жертвеннике ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы, заслуживает хулы? Никак. Будучи создание Божие, как и все человеческое тело, оно — прекрасно. Если же призывание Иисусово — спасительно, а ум и сердце человека суть дело рук Божиих, то какой порок человеку воссылать из глубины сердца умом молитву к сладчайшему Иисусу и просить от Него милости? Или не потому ли вы хулите и отвергаете умную молитву, что вам думается, будто Бог не слышит тайной, в сердце совершаемой молитвы, но слышит только ту, которая произносится устами? Но это хула на Бога: ведь Бог сердцеведец и в точности знает все самые тончайшие сердечные мысли, и даже будущие, и знает все как Бог и Всеведец. Да и Сам Он требует, как чистой и непорочной жертвы, именно такой тайной молитвы, воссылаемой из глубины сердца, заповедав: *Ты же егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, иже втайне, и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6:6); что Христовы уста, всемирное светило, вселенский учитель, святой Иоанн Златоуст, в беседе девятнадцатой на Евангелие от Матфея, Богоданною Святого Духа премудростью относит не к той молитве, которая произносится одними только устами и языком: но к самой тайной, безгласной, из глубины сердца посылаемой молитве, которую он учит совершать не действиями тела и не криком голоса, но усерднейшим произволением, со всякою тихо-стью, с сокрушением мыслей и внутренними слезами, с душевною болезнью и затворением мысленных дверей. И приводит в свидетельство об этой молитве из Бо-

жественного Писания — Боговидца Моисея, и святую Анну, и праведного Авеля, говоря так. Но болезнуешь ли душой? не можешь и не вопить, потому что молиться и просить так, как я сказал, свойственно очень болезнующему. И Моисей, болезнуя, так молился и болезнь его слышалась, почему и говорил к нему Бог: *что вопиеш ко Мне?* (Исх. 14:15). И Анна, опять, исполнила все, что хотела, а глас ее не слышался, потому что вопияло ее сердце. Авель же не молча ли, и, даже скончавшись, молился? и кровь его испускала глас, превосходнейший гласа трубы. Стени и ты так же, как и святой Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не ризы. Из глубины призови Бога: *из глубины*, говорит, *воззвах к Тебе, Господи*. Снизу, из сердца привлеки глас; сделай молитву твою таинством. И ниже: «ведь не человекам молишься, но Богу вездесущему, слышащему прежде голоса, и знающему мысли произнесенные: если так молишься, получишь великую мзду». Отец твой, говорит, *видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6:6). И ниже: «Так как Он невидим, то хочет, чтобы и молитва твоя была такою же». Видите ли, друзья, что по свидетельству непреодолимого столпа православия, есть другая, кроме произносимой устами тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как чистую жертву приемлет Господь в воню благоухания духовного, радуется о ней и веселится, видя, что ум, который по преимуществу должно посвящать Богу, соединяется Ему молитвою. Зачем же на эту молитву, свидетельствуемую Христовыми устами, святым говорю, Иоанном Златоустом; вооружаете хулою свой язык, хуля, злословя, ненавидя, ругаясь, отвергая и отвращаясь, как от какой вещи скверной, и трепет объемлет меня по причине такого бессловесного вашего начинания.

Но и еще, изыскивая причины вашей хулы, спрашиваю вас: не потому ли хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, случилось вам видеть или слышать, что кто-нибудь из делателей этой молитвы иступил ума, или принял какую-нибудь прелесть вместо истины, или потерпел какой-нибудь душевный вред, и потому возмнилось вам, будто умная молитва служит причиною такого вреда? Но нет, нет! На самом деле это вовсе не так. Священная умная молитва, по силе писаний Богоносных отцов, действуемая Божией благодатью, очищает человека от всех страстей, возбуждает к усерднейшему хранению заповедей Божиих, и от всех стрел вражиих и прелестей хранит невредимым. Если же кто дерзнет действовать эту молитву самочинно, не по силе учения святых отцов, без вопрошения и совета опытных, и, будучи надменен, страстен и немощен, живет без послушания и повиновения, и к тому же гоняется единственно за пустынножитием, которого, за свое самочиние, он и следа видеть не достоин: таковой, воистину, и я утверждаю, удобно впадает во все сети и прелести дьявольские. Что же? Молитва ли эта причиною такой прелести? Никак. Если же вы за это порочите мысленную молитву: то пусть будет для вас порочен и нож, если бы случилось малому ребенку, играя, по причине неразумия, заколоть себя им. Также, по-вашему, нужно запретить и воинам употребление воинского меча, который они принимают против врагов, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя своим мечом. Но как нож и меч не служат причиною ни одного порока, но только обличают безумие зажавших себя ими: так и меч духовный, священная, говорю, умная молитва неповинна ни одному пороку; но самочиние и гордость самочинников служат причиною бесовских прелестей и всякого душевного вреда.

Но к чему еще, как будто недоумевая доселе, спрашиваю у вас причины вашего злохуления на эту самую существенную причину вашего языкоболия! Причины эти следующие: 1-е, не по заповеди Божией, то есть, не с испытанием, ваше чтение Священных Писаний; 2-е, недоверие учению святых отцов наших, учащих о сей Божественной умной молитве Богоданною им премудростью Духа, по силе Священных Писаний: 3-е, наконец, ваше крайнее невежество: вы или никогда, может быть, не видели и не слышали о ней в писании Богоносных отцов наших; или, если не это, то силы Богомудрых их слов вы отнюдь не разумеете — вот самая существенная причина такого вашего зломудрия.

Если бы вы со страхом Божиим и крепким вниманием и несомненною верою с трудолюбным испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, приличествующие наиболее к чтению одним монашествующим, содержащие в себе весь разум жительства Евангельского — отеческие, говорю, книги, которые также необходимы монахам для душевной пользы и исправления и для стяжания истинного, здорового, непрелестного, и смиренномудрого разума, как для составления телесной жизни необходимо дыхание; если бы вы так читали эти книги: то никогда не попустил бы вам Бог впасть в такой ров злохуления. Более: через это делание Он разжег бы вас Своею Божественною благодатию в неизреченную Свою любовь, так что и вы с апостолом вопияли бы: *кто ны разлучит от любви Христовы* (Рим. 8:35), в которую вы сподобились бы достигнуть мысленным деланием этой молитвы? И вы не только не хулили бы ее, но и душу свою усердствовали бы положить за нее, ощутив от этого умного внимания самым делом и опытом неизреченную душам своим пользу. А как вы книг преподобных отцов наших

с несомненною верою не прочитываете, или и, читая, не доверяете, как это показывают плоды вашего хуления, или совсем пренебрегаете читать: то и впади вы в такое Богопротивное мудрование, что, как бы никогда не слышавшие христианских писаний, вы хулите и отвергаете эту священную молитву, свидетельствуемую, по Богомудрому объяснению святых отцов, всем Священным Писанием.

А чтобы избавиться вам, и всем, сомневающимся о ней, от такого душевного вреда, не нахожу другого приличнейшего врачевства, кроме того, что постараюсь, сколько Господь мне Своею благодатию поспешит и поможет, указать, что Богоносные отцы наши, просвещенные Божественною благодатию, утверждают здание душеполезного своего учения об этой всесвященной, умом в сердце тайнодействуемой молитве на недвижимом камени Священного Писания. Вы же, увидев сами явно и ясно, при содействии тайно коснувшейся душам вашим благодати Божией, истину учения святых отцов, и исцелившись от этого душевного вашего недуга, принесите Богу о вашем поползновении искреннейшее покаяние — и сподобитесь Его Божественной милости и совершенного прощения вашего согрешения.

ГЛАВА 2

Откуда эта Божественная умная молитва имеет начало, и какие свидетельства Богоносные отцы приводят о ней из Священного Писания

Прежде чем указать, откуда эта Божественная молитва имеет самое первое начало, нужно предложить к сведению следующее: пусть будет известно, что по писанию святых и Богоносных отцов наших, есть две

умные молитвы: одна новоначальных, принадлежащая деянию, а другая совершенных, принадлежащая видению; та — начало, а эта — конец, потому что деяние есть восхождение видения. Должно же знать, что по святому Григорию Синаиту, первых видений — восемь, которые пересчитывая, он говорит так: «Говорим, что имеются восемь первых видений. Первое — видение Бога безвидного, безначального и несозданного, причину всего, единой Троицы и пресущественного Божества. Второе — чина и устройства умных сил. Третье — устройства чувственных тварей. Четвертое — смотрительного снисхождения Слова. Пятое — всеобщего воскресения. Шестое — второго и страшного пришествия Христова. Седьмое — вечного мучения. Восьмое — Царствия Небесного, не имеющего конца». Предложив это, извещаю по мере худости моего немогущего разума, в какой силе должно разуметь деяние и видение. Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение, и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди, на совершенное душою и телом по Богу повиновение, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти: весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием: но никак не видением. Если же таковой умный подвиг молитвы и назывался бы где в писании святых отцов зрением: то это по обыкновенному наречию, потому что ум, как душевное око, называется зрением.

Когда же кто Божию помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных: тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням в вышесказанные духовные видения, открывая ему, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, от которой — ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог, и благодатию Своею введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения: тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом (Григ. Синаит гл. 130). Таково рассуждение о деятельной и зрительной молитве. Но уже время показать, откуда Божественная умная молитва имеет свое начало.

Пусть будет известно, что, по неложному свидетельству Богомудрого, преподобного и Богоносного отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю, Самим Богом дана первозданному человеку умная Божественная молитва, приличествующая совершенным. Святой Нил, научая молившихся усердно — мужественно хранить молитвенный плод, чтобы труд их не был напрасен, говорит так: «Помолившись как должно, ожидай того, чего не должно, и стань мужественно, храня плод свой. Ведь на это определен ты сначала: делать и хранить. Потому, сделав, не оставь труд нестрогом: в противном случае ты не получишь никакой пользы от молитвы» (гл. 49).

Объясняя эти слова, российское светило, преподобный Нил пустынный Сорский, как солнце просиявший в Великой России умным деланием молитвы, как это явствует из его Богомудрой книги, говорит так: «Этот святой привел это из древности, чтобы делать и хранить, потому что Писание говорит, что Бог, сотворив Адама, поместил его в раю делать и хранить рай». И здесь святой Нил Синайский делом райским назвал молитву, а хранением — соблюдение от злых помыслов по молитве. Также и преподобный Дорофей говорит, что первозданный человек, помещенный Богом в раю, пребывал в молитве, как он пишет в первом своем поучении. Из этих свидетельств явствует, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости, делать сады бессмертные, то есть мысли Божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, по святому Григорию Богослову. И это есть не что иное, как только то, чтобы он, как чистый душою и сердцем, пребывал в зрительной, одним умом священнодействуемой, благодатной молитве, то есть в сладчайшем видении Бога, и мужественно как зеницу ока, хранил ее, как дело райское, чтобы она никогда в душе и сердце не умалялась. Велика поэтому слава священной и Божественной умной молитвы, которой край и верх, то есть, начало и совершенство, даны Богом человеку в раю: оттуда она имеет свое и начало.

Но несравненно большую стяжала она славу, когда более всех святых святейшая, честнейшая Херувимов, и славнейшая без сравнения Серафимов, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения и сподобилась быть пространним селением невместимого всю тварю, ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова и от Нее, человеческого ради спасения,

бессеменно родившегося, как это свидетельствует непреодолимый столп православия, иже во святых отец наш Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский в слове на Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Он говорит, что Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святаго Святых и уразумев совершенно из Священного Писания, читаемого каждую субботу, о погибели через преслушание человеческого рода, и исполнившись о нем крайнего сожаления, приняла от Бога умную молитву о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Предлагаю здесь и самые слова этого Святого Григория, достойные ангельского разума, немногие из многих: «Эта Богоотроковица Дева, слыша и видя, приняла сожаление общего рода и рассматривала, как бы найти исцеление и врачевание, равносильное такому страданию. Вскоре Она нашла — обратиться всем умом к Богу, и восприняла от Него эту молитву, чтобы понудить Непонужденного и скорее привлечь Его к нам, чтобы Сам Он истребил из среды клятву, остановил огонь, растлевающий пагубу души, и привязал к Себе создание, исцелив немощное. Таким образом, Благодатная Дева, усмотрев Себе приличнейшее и свойственнейшее во всяком естестве, полагала умную молитву, как чудную и преславную и лучшую всякого слова. Изыскивая же, как бы художественно и свойственнее побеседовать к Богу, Она приходила к Нему, Саморукоположная, или лучше — Богоизбранная молитвенница». И ниже: «Не видя же ничего из существующего лучше ее для человека — простирается со тщанием крепко к молению, новотворит большее и совершеннейшее, и изобретает, и действует, и последующему за этим преподаст деяние, как высочайшее восхождение к видению: видение же столько большее пред вышесказанным,

сколько истина выше мечтания. Но, собравшись все в себя и очистив ум, услышите уже величие таинства: я хочу сказать слово, пользующее хотя все Христоименитое собрание, но наиболее относящееся к отрекшимся мира. Вкусивший уже ради отречения что-нибудь из тех будущих благ, которые и становится с Ангелами, и стяжавает жительство на небесах: этот да возжелает подражать по силе своей первой и единой от младенчества отрекшейся для мира міра, Приснодевственной Невесте». И ниже: «ища же, что нужнее всего молитвенникам для собеседования, чем приходит молитва, Дева находит священное безмолвие, — безмолвие ума, далекость мира, забвение дольного и таинника горних разумений, предложение на лучшее: это деяние, как поистине восхождение к видению поистине Сущего, или лучше, сказать справедливее, к Боговидению, есть как бы краткое указание для души стяжавшего его (деяние) поистине. Всякая другая добродетель есть как врачевание, применительно к душевным недугам и вкоренившимся через уныние лукавым страстям: Боговидение же есть плод здравствующей души, как некоторое конечное совершенство и образ Богодеяний, и потому человек Боготворится не словами или рассудительною умеренностью относительно видимого — все это земное, низкое, человеческое; но пребыванием в безмолвии, потому что этим мы отрешаемся и отходим от дольного, и восходим к Богу. Претерпевая молитвами и молениями день и ночь в горнице безмолвного жительства, мы приближаемся как-то и приступаем к этому Неприступному и Блаженному Естеству. Претерпевающие таким образом, очистившие сердца священным безмолвием и срастворившиеся им неизреченно Тому, Кто выше чувства и ума Свят — в себе, как в зеркале, видят Бога. Итак, безмолвие есть скорое и сокра-

щенное руководство, как успешнейшее и соединяющее с Богом, особенно для держащихся его во всем вполне. А Дева, которая от мягких, так сказать, ногтей пребывала в нем, что — Она? Она, как безмолвствовавшая превышеестественно с такого самого детского возраста, потому Одна из всех и породила неискусомужно Богочеловека Слово». И ниже: «Поэтому и Пречистая, отрекаясь самого, так сказать, житейского пребывания и молвы, переселилась от людей, и, избежав виновного жития, избрала жизнь никому невидимую и необщительную, пребывая в неведомых. Здесь, разрешившись всякого вещественного союза и оттрясши всякое общение и любовь ко всему и превзойдя самое снисхождение к телу, Она собрала весь ум в одно с Ним соображение и пребывание и внимание в непрестанную Божественную молитву. И ею, быв Сама в Себе и устроившись превыше многообразного мятежа и помышления, и просто — всякого вида и вещи, Она совершала новый и неизреченный путь на Небо, который есть, скажу так, мысленное молчание. И к этому прилежания и внимая умом, прелетают все создания и твари, и гораздо лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, и назирет Божественную благодать, не подлежащую нисколько силе чувства, это благодатное и священное видение нескверных душ и умов, причастившись которому, Она по Божественным песнопевцам, бывает светлый облак живой, поистине, воды, и заря мысленного дня и огнеобразная Колесница Слова» (Св. Григорий Палама).

Из этих слов Божественного Григория Паламы, имеющий ум может яснее солнца понять, что Пречистая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою возшла на крайнюю высоту Боговидения и отречением для мира от мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием, собранием ума в не-

престанную Божественную молитву и внимание, и восхождением чрез деяние к Боговидению — подала Сама Собою Божественному монашескому чину образец внимательного жительства по внутреннему человеку, чтобы монахи, отрекшиеся мира, взирая на Нее, усердно тщились, сколько по силе, Ее молитвами, быть в вышесказанных монашеских трудах и потах Ее подражателями, и кто возможет по достоинству похвалить Божественную умную молитву, делательницею которой, в образ пользы и преуспeyания монахов, наставляемая руководством Святого Духа, как сказано, была Сама Божия Матерь?

Но в утверждение и несомненное удостоверение сомнящихся о ней, как бы о вещи несвидетельствованной и недостоверной, наступает уже время показать, какие свидетельства Богоносные отцы, писавшие из просвещения Божественной благодати, приводят о ней из Священного Писания.

Непоколебимое основание Божественная умная молитва имеет в словах Господа нашего Иисуса Христа: *ты же егда молишися, вниди в клеть твою, и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже втайне: и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6:6).

Эти слова, как уже сказано в первой главе, всемирное светило, святой Иоанн Златоуст, Богоданною премудростью объясняет относительно безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитвы, приводя в свидетельство из Священного Писания — Боговидца Моисея и святую Анну, мать Самуила пророка, и праведного Авеля и кровь его, вопиющую от земли, — что они в молитве своей, не испустив ни одного гласа, были услышаны Богом. Этот великий учитель вселенной, Христовы уста, святой Иоанн Златоуст и особенно еще изложил в трех словах, учение об этой Божественной

молитве, как пишет об этом неложный свидетель, блаженнейший Симеон, архиепископ Фессалонитский, в 294 главе своей книги*, которую вся святая соборная Восточная Церковь имеет в великом почитании как столп и утверждение истины.

Огненный же столп и огненные Духа Святого уста, церковное око Василий Великий, объясняя изречение Божественного Писания: *Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих* (Пс. 33:2), прекрасно научает об умных устах и умном действии, приводя свидетельства из Священного Писания, которого и самые слова, исполненные Божественной премудрости, представляю следующие: «Выну хвала Его во устех моих. Кажется, что пророк говорит невозможное: как может быть хваление Божие в устах человеческих всегда? Когда человек говорит о обыкновенных житейских вещах, тогда он не имеет в устах хвалы Божией: когда спит, молчит, конечно: да и когда ест и пьет, то как уста его могут возносить хвалу? На это отвечаем, что есть некоторые мысленные уста внутреннего человека, коими он питается, причащаясь Слова животного, которое *есть хлеб, сшедый с небес* (Ин. 6:33). Об этих-то устах сказал пророк: *уста моя отверзох и привлекох Дух* (Пс. 118:131). К этому и Господь побуждает нас, чтобы мы эти уста имели пространными, для достаточного приятия истинной пищи, говоря: *разшири уста твоя, и*

* Когда старец Паисий писал это, то он сам, может быть, еще не видал этих слов св. Иоанна Златоуста об умной молитве; потому что Свиток этот писан еще в Драгмирском монастыре, т.е. вскоре по переселении старца с Афона в Молдавию. Но впоследствии блаженный старец перевел эти слова на славянский язык, и они напечатаны, в числе прочих статей об этом предмете, отдельною книгою под названием: «Восторгнутые классы». Также и другие отеческие книги, упоминаемые здесь переведены им и изданы в собрании, названном «Добротолюбие».

*исполню я (Пс. 80:11). Поэтому, и однажды начертанная, и утвердившаяся в разуме души мысль о Боге может именоваться хвалою Божиею, всегда находящеюся в душе. И по апостольскому слову, тщательный может все творить во славу Божию, так что всякое дело, и всякое слово, и всякое действие умное, имеет значение хвалы. *Аще бо яст праведный, аще ли пьет, аще иное что творит, вся во славу Божию творит (1Кор. 10:31). У такого и у спящего сердце бдит. Так говорит святой Василий. Из слов же его явствует, что и кроме телесных уст имеются умные уста, и есть умное действие, и хваление, бывающее всегда мысленно во внутреннем человеке.**

Тезоименитый блаженству, египетское, или лучше сказать, всемирное солнце, просиявший неизреченными дарованиями Святого Духа, человек небесный, Великий Макарий, в небесных своих словах об этой святой молитве говорит так: «Христианин должен всегда иметь память о Боге, потому что написано: *Возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего (Мф. 22:37)*. Не только тогда он должен любить Господа, когда входит в молитвенный храм: но, и ходя, и беседа, и вкушая, и пия, пусть имеет память о Боге, и любовь, и желание; потому что Он говорит: *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6:21)* и прочее.

Преподобный и Богоносный древний святой отец, Исаия Отшельник, о сокровенном поучении, то есть Иисусовой молитве, совершаемой мыслью в сердце, приводит в свидетельство слова Божественного Писания: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь (Пс. 38:4)*.

Преподобный Симеон, свидетельствуемый в вышеупомянутой книге блаженнейшего Симеона Фессалонитского, который среди царствующего града, как солнце просиял умною молитвою в неизреченных дарованиях

Святого Духа и поэтому всю Церковь наименован Новым Богословом — этот в своем Слове о трех образах молитвы пишет об умной молитве и внимании так: «Святые отцы наши, слыша Господа, говорящего, что от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы, и та суть скверняющая человека (Мф. 15:19–20): и опять слыша, что Он *научает очистить внутреннее стекла ницы, да будет и внешнее чисто* (Мф. 23:26), оставили всякое другое дело и подвизались только в этом хранении сердца, зная наверно, что вместе с этим деланием они удобно приобретут и всякую другую добродетель. Без этого же делания невозможно приобрести и удержать ни одной добродетели. Эти слова преподобного ясно показывают, что вышесказанные слова Господа Божественные отцы положили себе свидетельством и основанием хранения сердца, то есть мысленного призывания Иисуса. Этот преподобный приводит еще во свидетельство Божественной умной молитвы и другие изречения Священного Писания. Говоря об этом, говорит и Екклесиаст: *веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путях сердца твоего непорочен, и отстави ярость от сердца твоего* (Екк. 11:9–10), и: *аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави* (Екк. 10:4): местом же называет он сердце, как и Господь сказал: *от сердца исходят помышления злая* (Мф. 15:19). И опять: *не возноситеся* (Лк. 12:29), то есть, не расточайте ума вашего туда и сюда. И опять: *тесная врата и прискорбный путь вводяй в живот* (Мф. 7:14); также: *блаженни нищии духом* (Мф. 5:3), то есть не имеющие в себе ни одной мысли этого века». И апостол Петр говорит:

* В этом именно смысле объясняет, нищету духа и святой Василий Великий, говоря: «Сокрушение сердца есть погубление человеческих помыслов: кто презрел настоящее, и самого себя

трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш дивол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1Пет. 5:8). И апостол Павел ясно пишет к ефесеям о сердечном хранении, говоря: несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6:12).

Преподобный Исихий пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской церкви, друг и собеседник преподобного и богоносного отца нашего Евфимия Великого, написавший богомудро из просвещения Божественной благодати, об этом священном мысленном призывании в сердце Иисуса, то есть об умной молитве, книгу в двести глав, приводит об этом свидетельства Священного Писания следующие: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5:8); также: внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония (Втор. 15:9); также: во утрии предстану ти, и узриши мя (Пс. 5:4); также: блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень (Пс. 136:9); также: воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззакония (Пс. 100:8); также: уготовися, Израилю, призывати имя Господа Бога твоего (Ам. 4:12). И апостол: непрестанно молитесь (1Сол. 5:17); и Сам Господь говорит: без Мене не можете творити ничесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга (Ин. 15:5-6); также: от сердца исходят помышления*

посвятил Слову Божию, и разум свой устроил в помышлениях Божественных и превосходящих человека, тот действительно имеет сердце сокрушенное, сотворив его жертвою, непрезираемою Господом, потому что *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50:19)*... Кто не имеет никакого надмения, не гордится никакою человеческою вещью, тот и сокрушен сердцем и смирен духом... Таковых и Господь, убажает, говоря: *“блажени нищи духом”*» (Беседы на Псалмы 33).

злая: убийства, прелюбодеяния, та суть сквернящая человека (Мф. 15:19): также: еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех, и закон Твой посреди чрева моего (Пс. 39:9), и прочая, который по множеству оставляю. Божественный и Богоносный отец наш Иоанн Лествичник приводит об этой священной молитве и истинном безмолвии ума свидетельство Божественного Писания, говоря: «Великий великой и совершенной молитвы делатель сказал: *хочу пять словес умом моим рещи* (1Кор. 14:19), и прочее; и опять: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое* (Пс. 56:8); также: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5:2); также: *воззвах всем сердцем моим* (Пс. 118:145), то есть телом и душою и проч.

Божественный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятой Богородицы, что на Синае, составивший о мысленном хранении сердца малую книжицу глав — бесценных маргаритов Божественной премудрости, преисполненных неизреченной небесной сладости Святого Духа, полагает в непоколебимое основание своих слов изречения Священного Писания: *во утрии избивах вся грешныя земли* (Пс. 100:8), и прочие; также: *Царствие Божие внутрь нас есть* (Лк. 17:21); и: *уподобися Царствие Небесное зерну горушичну, и бисеру, и квасу*; и опять: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5); также: *всяким хранением соблюдай твое сердце* (Притч. 4:23); и: *очисти внутреннее сткляницы, да будет и внешнее ее чисто* (Мф. 23:26); и: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6:12); также: *трезвитесь, бодрствуйте: зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити, емуже противитися тверди верою* (1Пет. 5:8–9); также: *соуслаждаюся закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон противу во-*

ющ закону ума моего, и пленяющ ми (Рим. 7:22–23); и проч.

Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский, свидетельствованный в книге вышепомянутого святителя Христова Симеона Фессалонитского, полагает своим словом, исполненным духовной премудрости, коих в Божественной его книге находится сто глав, об умной Иисусовой, в сердце священнодействуемой молитве следующее основание из Божественного Писания: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12:3); и из Евангельской притчи о купце, ищущем добрые бисеры, приводит следующими словами: это — многоценный бисер, который может приобрести тот, кто продаст имение свое и об обретении его будет иметь неизглаголанную радость и прочее.

Преподобный отец наш Никифор Постник, свидетельствуемый в той же книге вышеупомянутого святителя Симеона, в слове своем о хранении сердца, преисполненном духовной пользы, уподобляет это Божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу, сокровенному на селе, и называет светильником горящим, приводя изречения Священного Писания: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17:21), и: *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. 6:12); также: *чтобы делать и хранить* (Быт. 2:15), и прочее.

Блаженный и Богоносный отец наш Григорий Синаит, который деланием этой Божественной молитвы взошел в крайнее Боговидение и как солнце просиял дарованиями Святого Духа в святой Афонской Горе и на прочих местах, составивший «Троичны», поемья всякую неделю после троичного канона в святой Соборной Восточной Церкви по всей вселенной, также и канон Животворящему Кресту, обнявший писания всех духоносных отцов, составил книгу, исполненную

всякой духовной пользы, в которой более всех прочих святых в тонкости учит об этой Божественной, умом в сердце священнодействуемой молитве, и приводит в подтверждение своих слов из Священного Писания следующее: *Помяни Господа Бога твоего выну* (Втор. 8:18); также: *в заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставяет рука твоя* (Екк. 11:6), и прочее; также: *еще молюся языком, то есть, устами, дух мой помолится, то есть, глас мой* (знай, что уста и язык, и дух и глас — одно и то же); *а ум мой без плода есть; помолюся убо духом, помолюся же и умом, и: хочу рещи пять словес моим умом* (1Кор. 14:14, 19), и прочее, приводя в свидетеля и Лествичника, относящего эти слова к молитве. Также: *нуждно есть Царствие Небесное, и нуждницы восхищают е; также: никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1Кор. 13:3), и прочее. Апостольским стопам последователь, непреборимый столп православной веры, огненным Духа мечом и истиною православных догматов уничтоживший на Флорентийском соборе, как паутинные сети, духоборные ереси латинян, Марко, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший, митрополит Ефесский, в начале толкования церковного последования, пишет о Божественной Иисусовой молитве, совершаемой тайно умом в сердце, употребляя свидетельства Божественного Писания, которого и самые Богомудрые слова предлагаю следующие: «Следовало бы, по повелевающей заповеди, непрестанно молиться, и духом и истиною возносить поклонение Богу; но прилежание о помыслах житейских и узы попечений о теле отводят многих и отстраняет от Царствия Божия, находящегося внутри нас, как возвещает Слово Божие, и препятствует пребывать при умном жертвеннике, и приносить от себя духовные и словесные жертвы Богу, по Божественному

апостолу, говорящему, что — мы храм Бога, живущего в нас, и Дух Его Божественный живет в нас. И нет ничего удивительного, если это обыкновенно так бывает со многими, живущими во плоти; когда видим, что некоторые из монахов, отрекшихся мирских вещей, по причине мысленной брани от предприятия страстей и восстающего оттого большого мятежа, помрачающего словесную часть души, еще не могут достигнуть чистой молитвы, хотя и сильно этого желают. Усладительна чистая в сердце и непрестанная память Иисуса, и бывающее от нее неизреченное просвещение».

Преподобный отец наш российский, святой Нил Сорский, составивший свою книгу о мысленном хранении сердца из учения Богоносных отцов, а в особенности из Григория Синаита, употребляет из Священного Писания свидетельства такие: *от сердца исходят помышления злая, а те сквернят человека* (Мф. 15:19); *и: очисти внутреннее стекланицы* (Мф. 23:26); также: *духом и истиною подобает кланяться Отцу*; также: *аще молюся языком, и прочее; и: хочу пять словес умом моим рещи, нежели тмы словес языком* (1Кор. 14:14, 19), и прочее.

Российское светило, святитель Христов Димитрий, митрополит Ростовский, духовным мечом Слова уничтоживший, как паутинные сети, заблуждения раскольников и их богопротивный, растленный, и Священному Писанию противный разум, написавший многие учения на пользу святой Церкви, исполненные премудрости Святого Духа, и составивший Слово о внутреннем мысленном делании молитвы, преисполненное духовной пользы, употребляет из Священного Писания свидетельства следующие: *ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и прочее; также: тебе рече сердце мое: Господа взыщу: взыска Тебе лице мое: лица твоего, Господи, взыщу; также: Царствие Божие внутри нас есть, также:*

всякою молитвою и молением молящися на всяко время духом, и: аще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть: помолюся духом, помолюся же и умом, воспую духом, воспую и умом и прочее. Эти слова он, согласно с святым Иоанном Лествичником, Григорием Синаитом и Нилом Сорским, понимает об умной молитве.

Да и самый устав церковный, печатанный в царствующем великом граде Москве, предлагая церковное законоположение о поклонах и молитве, приводит и об этой Божественной молитве изречения Священного Писания следующие: *Бог есть дух: духом и истиною кланяющихся Ему ищет* (Ин. 4:24). Также: *аще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть. Что убо есть помолюся духом, помолюся и умом, воспую духом, воспую же и умом?* (1Кор. 14:14–15). И опять: *хощу, говорит, в церкви пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком* (1Кор. 14:19). И приводит в свидетельство святых отцов: св. Иоанна Лествичника, св. Григория Синаита и святого Антиоха, и отчасти их Божественные учения об этой умной молитве, и, наконец, говорит: «И этим здесь мы заканчиваем слово о священной и приснопамятной умной молитве». А затем уже говорит и о святой, всем общей молитве, совершаемой по церковному чиноположению.

Вот благодатию Божиею показано, что Богоносные отцы, умудренные просвещением Святого Духа, основание своего учения о мысленном священнодействии молитвы, тайно совершаемое во внутреннем человеке, полагают на недвижимом камени Божественного Писания Нового и Ветхого Заветов, заимствуя оттуда, как из неисчерпаемого источника, так много свидетельств.

Кто же из правоверующих христиан, видя это, мог бы хоть мало усумниться об этой Божественной вещи?

Разве только повинующиеся духу нечувствия, которые слышат и видят, а понять и узнать не хотят. Но те, кои имеют страх Божий и здравый разум, видя такие свидетельства стольких свидетелей, единодушно признают, что это Божественное дело, преимущественно пред всеми монашескими подвигами, свойственное и приличнее ангельскому монашескому чину. Об этом делании вышеупомянутые и многие другие Божественные отцы наши в своих писаниях предлагают многие достослышанные, паче меда и сота сладчайшие, исполненные духовной премудрости слова, научая внутреннему, мысленному против мысленных врагов подвигу: как должно обращать на них этот духовный меч и пламенное непобедимое оружие имени Иисусова, охраняющее сердечные врата, то есть: как должно эту Божественную Иисусову молитву священнодействовать умом в сердце.

Об этом священнодействии сей священной молитвы, особенно же о самых ее начатках, и о том, как опытом должно новоначальным обучаться ей, я последний, по силе моего немощного ума, при помощи Божией должен хоть что-нибудь немного написать из учения святых отцов. И, во-первых, нужно изъяснить о том, что эта Божественная молитва есть духовное художество; потом — какое для занятия ею, по учению святых отцов, требуется предуготовление.

ГЛАВА 3

О том, что эта священная умная молитва
есть духовное художество

Да будет известно, что Божественные отцы наши называют это священное мысленное делание молитвы —

художеством. Святой Иоанн Лествичник в слове 27-м о безмолвии, уча о таинстве этой умной молитвы, говорит: «Если ты основательно изучил это художество, то не можешь не знать, что говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если только умеешь, и тогда увидишь: как, когда, и откуда, и сколько, и какие тати приходят, чтобы войти и украсть твои грозды. Страж этот, утомившись, встает и молится; потом опять садится и мужественно принимается за прежнее делание».

Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: «Трезвение есть духовное художество, совершенно, с помощью Божиею, избавляющее человека от страстных помыслов и слов, и лукавых дел» (гл. 1).

Святой Никифор Постник, уча о ней, говорит: «Придите, и объявлю вам художество, или лучше — науку, вечного, лучше же — небесного жительства, вводящую делателя своего, без труда и безопасно в пристанище бесстрашия».

Художеством же святые отцы, как показано, называют эту святую молитву, думаю, потому, что как художеству человек не может научиться сам собою без искусного художника: так и этому мысленному деланию молитвы, без искусного наставника, навыкнуть невозможно. Но дело это, по святому Никифору, и многим, или даже и всем, приходит от учения; редкие же без учения, болезненностию делания и теплотою веры, прияли его от Бога. Церковное правило по уставу и священным церковным книгам, которое православные христиане, мирские и монахи, должны ежедневно, как дань, приносить Небесному Царю, может всякий грамотный устно читать и совершать без всякого учения. А умом в сердце приносить Богу таинственную жертву

молитвы, так как это духовное художество, без научения, как выше указано, невозможно.

Будучи же духовным художеством, оно составляет и непрестанное делание монахов; чтобы не только отречением от мира и яже в мире, переменою имени при пострижении, особенностью одежды, безбрачием, девством, чистотою, самопроизвольною нищетою, отдельностью пищи и места жительства; но и самым мысленным и духовным по внутреннему человеку вниманием и молитвою, монахи имели отменное и превосходнейшее пред мирскими людьми делание.

ГЛАВА 4

Какое нужно предуготовление тому, кто желает проходить это Божественное делание

Насколько эта Божественная молитва больше всякого другого монашеского подвига, которая, по святым отцам, есть верх всех исправлений, источник добродетелей, тончайшее и невидимое во глубине сердца делание ума: настолько и тончайшие, невидимые, едва постижимые для человеческого ума, распростираются на нее невидимым врагом нашего спасения сети многообразных его прелестей и мечтаний. Поэтому, усердствующий обучаться этому Божественному деланию, должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя душою и телом в послушание, согласное со Священным Писанием: то есть предать себя в полное отсечение своей воли и своего рассуждения человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его Божественных заповедей и не неопытному в этом мысленном подвиге, могущему, по писанию святых отцов, показать повиную-

щемуся незаблудный путь ко спасению — путь умного делания молитвы, тайно совершаемой умом в сердце. Это необходимо для того, чтобы истинным послушанием в разуме он мог соделаться свободным от всех молв и попечений и пристрастий этого мира и тела. Как же и не быть свободным тому, кто всякое попечение о душе своей и теле возложил на Бога и, по Боге, на своего отца. Смирением же, рождающимся от послушания, по свидетельству Святого Иоанна Лествичника и многих святых отцов, возможен он избежать всех прелестей и сетей дьявольских и тихо, безмолвно, без всякого вреда, постоянно упражняться в этом мысленном деле, с великим душевным преуспеянием.

Если же бы кто предал себя и в послушание, но не нашел бы в отце своем самым делом и опытом искусного наставника этой Божественной умной молитвы (в нынешнее время — увы! достойно многого плача и рыдания — совсем исчезают опытные наставники этого делания): то не должен он поэтому приходить в отчаяние. Но, пребывая в истинном послушании по заповедям Божиим (а не самочинно и особенно, самовольно, без послушания, чему обыкновенно последует прелесть), возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим, пусть вместо истинного наставника, верую и любовью повинуется учению преподобных отец наших, изложивших до тонкости учение об этом Божественном делании из просвещения Божественной благодати, и отсюда пусть заимствует наставления об этой молитве. И, во всяком случае, благодать Божия, молитвами святых отцов, поспешит и вразумит — как, без всякого сомнения, научиться этому Божественному делу.

ГЛАВА 5

О том, что такое эта священная Иисусова молитва по качеству своему и действию

Положив твердым и непоколебимым основанием этой Божественной молитвы такое предуготовление, то есть блаженное послушание, — время уже показать из учения святых отцов: что такое эта священная молитва по качеству своему и действию. И это для того, чтобы желавший обучиться ее духовному деланию видел, к какому великому и неизреченному преуспеянию во всяких добродетелях возводит она подвижника, и этим поощрился бы в желании с большим усердием и Божественной ревностью прилепиться священному деланию этой мысленной молитвы.

Святой Иоанн Лествичник в Слове «О молитве», в начале говорит: «Молитва, по качеству своему, есть общение и соединение человека с Богом: а по действию — утверждение мира, примирение с Богом, мать и опять дочь слез, очищение грехов, мост проводящий через искушения, стена против скорбей, уничтожение браней, ангельское дело, пища всех бесплотных, будущее веселие, беспредельное делание, источник добродетелей, причина дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира на отчаяние, доказательство надежды, прекращение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение раздражительности, зеркало преуспеяния, показание меры, обнаружение состояния, указание будущего, знаменование славы. Молитва для истинно молящегося есть Судилище, Суд и Престол Господень, еще прежде будущего Суда».

Святой Григорий Синаит, в главе 113-й говорит: «Молитва в новоначальных есть как огонь веселия, издава-

емый сердцем; в совершенных же — как действующий свет благоухающий». Или опять: «Молитва есть проповедание апостолов, действие веры, или лучше — непосредственная вера, уповаемых извещение, действующая любви, ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, благовествование Бога, извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, образование святости, познание Божие, явление крещения, очищение купели, Духа Святого обручение, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение христианства, примирения Божия явление, благодать Божия, Премудрость Божия, или лучше — начало самопремудрости, явление Божие, дело иноков, жительство безмолвников, причина безмолвия, знамение жительства ангельского».

Блаженный Макарий Великий говорит: «Глава всякого благого тщания и верх всех исправлений есть то, чтобы претерпевать в молитве, которою мы можем приобрести, через испрошение у Бога и все прочие добродетели. Молитвою достойнее приобщаются святости Божией и духовного действия, и соединения ума с Господом неизреченною любовью. Кто всегда понуждает себя претерпевать в молитве, тот духовною любовью возгорается в Божественное рачение и в пламенное желание к Богу, и приемлет, в известной мере, благодать духовного освятельного совершенства» (Беседа 40, гл. 2).

Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, говорит: «Светородным и молниеродным, и светоиспускательным, и огненосным пусть прилично и тезоименно называется хранение ума. Превосходит оно, сказать поистине, все бесчисленное множество телесных добродетелей. Итак, эту добродетель должно называть

самыми честными наименованиями по причине рождающегося от нее светозарного света. Возлюбив ее, грешные, непотребные, мерзкие, неразумные, несмысленные и неправедные могут соделаться праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными о Христе Иисусе. И не только это, но и зреть Божественные таинства, и богословствовать. И, став зрительными, переплывают к этому чистейшему и бесконечному Свету, и касаются Его неизреченными прикосновениями, и с Ним живут и пребывают, так как они вкусили *яко благ Господь* (Пс. 33:9), то и исполняется явно в таких первоангелах это Божественное Давидское слово: *обаже праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139:14). Воистину, одни эти истинно призывают и исповедаются Богу, и с Ним любят беседовать всегда, любя Его» (гл. 171).

Святой Симеон, архиепископ Фессалонитский, об этой священной молитве говорит: «Эта Божественная молитва, это призывание нашего Спасителя: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”, есть и молитва и моление, и исповедание веры, и подательница Святого Духа, и дарователь Божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус-Христово, и источник духовных мыслей и Божественных помышлений, и избавление от грехов, и врачевание душ и телес, и податель Божественного просвещения, и источник милости Божией, и дарователь смиренным откровений Божественных таин, и самое спасение; потому что есть ношение спасительного имени нашего Бога. Это-то самое и есть наречение на нас имени Иисуса Христа, Сына Божия» (гл. 296).

Точно так и прочие Богоносные отцы, повествуя об этой священной молитве, своим, исполненным Божией премудрости учением, изъявляют о ее действии, о про-

исходящей от нее неизреченной пользе и о преуспевании через нее в Божественных дарованиях Святого Духа.

Кто же, видя, что эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не разжжется ревностью Божиею ко всегдашнему деланию молитвы, чтобы ею постоянно содержать в душе и сердце Всесладчайшего Иисуса, поминая в себе непрестанно Его вседражайшее Имя, и этим распалиться к неизреченной Его любви? Разве только тот, кто, прилежа к житейским помыслам, связался узою телесных попечений, отводящих многих и отстраняющих от Царствия Божия, находящегося внутри нас. Тот только разве не возусердствует коснуться мысленного делания мысленной молитвы, кто самым делом и опытом не вкусил душевною гортанию неизреченной Божественной сладости этого полезнейшего делания, и не знает, сколько эта вещь имеет внутри себя сокровенную духовную пользу. А желающие быть любовью соединенными со сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты этого мира, все наслаждения и самый телесный покой, ничего другого не захотят иметь в этой жизни, как только постоянно упражняться в райском делании сей молитвы.

ГЛАВА 6

О том, как должно в начале обучаться действию умом в сердце этой Божественной молитвы

В древние времена это всесвятое делание умной молитвы воссияло на многих местах, где только имели пребывание святые отцы. Потому тогда и учителей этому духовному деланию было много. По этой при-

чине и святые отцы наши, говоря о нем, изъявляли только происходящую от него неизреченную духовную пользу, не имея, как я думаю, нужды писать о самом опыте этого делания, приличествующем новоначальным. Если же где несколько и писали об этом, то и это только для знающих опыт этого делания — очень ясно; а для незнающих вовсе непонятно. Некоторые же из них когда увидели, что истинные и непрелестные наставники этого делания начали совсем умаляться, и опасаясь, чтобы не утратилось истинное учение о начале этой мысленной молитвы, написали и самое начало и опыт, как должно обучаться новоначальными, и входить умом в страны сердечные, и там истинно и непрелестно действовать умом молитву. Этих-то отцов самое Божественное учение об этом предмете нужно представить на среду.

Святой Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: «Истинное и непрелестное внимание и молитва состоит в том, чтобы во время молитвы ум хранил сердце и пребывал бы постоянно внутри его, и оттуда, то есть, из глубины сердца, воссылал молитвы к Богу. И когда внутри сердца вкусит, яко благ Господь, и усладится, то не будет уже исходить из места сердечного. И вместе с апостолом скажет и он: *добро есть нам, zde быти* (Мф. 17:4). И, осматривая непрестанно сердечные места, он изобретает некоторый способ прогонять все, всеваемые там, вражеские помыслы». И ниже еще яснее говорит он об этом так: «Едва только ум найдет место сердечное, немедленно видит то, чего никогда не видал: видит он среди сердца воздух и себя всего светлым и полным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни показался помысл, прежде, нежели он войдет и изобразится, немедленно прогоняет его и уничтожает призыванием Иисуса Христа. Отселе ум, получив памятозлобие к

бесам, двигает против них естественный гнев, гонит и низлагает мысленных супостатов. И прочему научишься с помощью Божиею посредством блюдения ума, держа в сердце Иисуса» (Слово о трех образах молитвы).

Преподобный Никифор Постник, научая еще яснее о входе умом в сердце, говорит: «Прежде всего, пусть будет жительство твое безмолвно, беспопечительно и со всеми мирно. Потом, войдя в клеть твою, затворись, и сев в каком-нибудь углу, сделай, что я тебе скажу. Знаешь, что дыхание, которым дышим, есть этот воздух; выдыхаем же его ничем иным, как только сердцем. Оно-то причина жизни и теплоты тела. Привлекает же сердце воздух, чтобы посредством дыхания выпустить вон свою теплоту и доставить себе прохладу. Причина этого действия, или лучше сказать — служитель, есть легкое, которое будучи создано Создателем — редким, как насос какой, удобно вводит и выводит окружающее, то есть, воздух. Таким образом, сердце, привлекая посредством воздуха холод, и испуская теплоту, совершает непрестанно то отправление, ради которого оно устроено к составлению жизни. Ты же вместе, и собрав ум свой, понудь войти в сердце вместе с дыханием. Когда же он войдет туда, то последующее за сим будет уже не невесело и не нерадостно». И ниже: «Поэтому, брат, приучи ум не скоро выходить оттуда: потому что сначала он очень скучает от внутреннего затвора и тесноты».

Когда же приобыкнет, то уже не терпит скитаться вне, потому, что Царствие Небесное находится внутри нас: его-то, когда рассматриваем там и взыскуем чистою молитвою, то все внешнее делается мерзким и ненавистным. Если сразу, как сказано, войдешь умом, в сердечное место, которое я показал тебе: то воздай благодарение Богу, и прославь, и взыграй, и держись этого делания постоянно, и оно научит тебя тому, чего

ты не знаешь. Надо же знать тебе и то, что ум, пребывая там, должен не молчащим или праздным стоять, но эти слова: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!” иметь непрестанным делом и поучением, и никогда от этого не переставать. Это, содержа ум не высящимся, сохраняет его неуловимым и неприступным для прилогов вражьих и возводит его повседневно в любовь и желание Божественное. Если же, потрудившись, брат, много не сможешь войти в страны сердца, как мы тебе повелели: то сделай, что скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Известно тебе, что словесность каждого человека находится в персях: здесь, внутри персей, и при молчании уст, мы говорим и рассуждаем, и произносим молитвы и псалмы и прочее. Этой-то словесности, отняв от нее всякий помысл (можешь это, если захочешь), дай говорить: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”, — и понудься это, вместо всякой другой мысли, постоянно взывать внутри. Когда же ты это поддержишь некоторое время, то этим отвержется тебе и сердечный вход, как мы тебе написали, без всякого сомнения, как мы и сами узнали из опыта. И придет к тебе, с многовожделенным и сладким вниманием, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие».

Божественный Григорий Синаит, уча также, как должно умом действовать в сердце спасительнейшее призывание Господа, говорит: «Сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум от владычественного в сердце, и держи его в нем. И преклонившись с трудом, и ощущая сильную боль в груди и плечах и вые, непрестанно зови умно или душевно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Потом, если, быть может, ради тесноты и болезненности и от частого призывания она сделается тебе несладостна (что бывает не от од-

нообразности снеди Троиименного, часто ядомой, ибо *ядущии Мя*, сказано, *еще взалчут* — (Сир. 24:23): то переменяв ум в другую половину, говоря: «Сыне Божий, помилуй мя!» И многократно произнося эту половину, не должен ты по лености часто переменять их: потому что деревья, часто пересаживаемые, не вкореняются. Удерживай же и дыхание легкого, чтобы тебе не дерзостно дышать; ибо дыхание духов, происходящее от сердца, развеивает мысль и помрачает ум и, возвращая его оттуда, или предает пленником забвению, или заставляя вместо одного поучаться другому, и оказывается он нечувствительным в том, в чем не должно. Если ты увидишь нечистоты лукавых духов, то есть помыслы, возникающие или изображающие в уме твоём, то не ужасайся: но если и добрые разумения о некоторых вещах являются тебе — не внимай им: удерживая же по возможности дыхание, и ум заключая в сердце, и действуя постоянно и часто призывание Господа Иисуса, ты скоро сокрушишь и истребишь их, уязвляя невидимо Божественным именем, как говорит и Лествичник: «Иисусовым именем бей ратников, потому что нет оружия, более крепкого, ни на небе, ни на земле»».

И опять тот же святой, уча о безмолвии и молитве, как должно в нем сидеть, говорит: «Иногда должно сидеть на стульце ради труда; иногда и на постели немного до времени, для отрады. В терпении же должно быть твое сидение, ради сказавшего, что в молитве должно терпеть (Лк. 18:1), и не скоро вставать, малодушествуя по причине трудности болезни и умного взывания и частой напряженности ума. Так вещает и пророк: *болезни объяша мя аки раждающая* (Иер. 8:21). Итак, поникши долу и ум собирая в сердце, если отверзлось тебе твое сердце, призывай в помощь Господа Иисуса. *Боля же раменами, часто болезнующая головой, терпи то усиленно*

и ревностно, взыскуя в сердце Господа: нудящимся принадлежит Царство Небесное, и нуждницы восхищают е (Мф. 11:12)», и прочее. И еще, как должно произносить молитву, говорит: «Отцы сказали так: иной говорит: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — все: иной же — половину: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! — и это удобнее, по причине немощи еще ума и младенчества. Не может же никто сам собою, без Духа, тайно именовать Господа Иисуса — чисто и совершенно, точию Духом Святым (1Кор. 12:3): но, как немощствующий младенец, совершить ее членами еще не может. Не должен же он по лености часто переменять призывания имен; но редко — для удержания. Опять: иные учат произносить ее устами, другие же — умом; а я допускаю и то и другое. Иногда ум изнемогает, соскучившись говорить; иногда же — уста. Поэтому должно молиться — и устами и умом; однако безмолвно и несмущенно должно взывать, чтобы голос, смущая чувство и внимание ума, не препятствовал, пока ум, обывнув в деле, преуспеет и примет от Духа силу — крепко и всячески молиться. Тогда уже не нуждается он говорить устами, и даже не может, будучи в состоянии творить делание совершенно одним умом».

И так вот вышеупомянутые святые отцы, как показано, представляют очень ясное учение и опыт обучения умному деланию для новоначальных. А от этого учения можно уразуметь и учение прочих святых об этом делании, изложенное более прикровенно.

Богу премилостивому слава, честь, поклонение и благодарение в бесконечные веки. Аминь.

Как мирянину можно спастись?

Советую вам прилежнее читать Божественное Писание и учение святых и Богоносных отцов наших, которым дано благодатью Пресвятого Духа разуметь тайны Царствия Божия, то есть истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении вы найдете все, что нужно ко спасению. И я грешный, по скудости моему, отвечаю на вопрошение ваше: Бог Премилосердый соделывает наше спасение православною верою, добрыми делами и Своею благодатью. Православная вера есть та, которую содержит единая святая, Соборная и Апостольская Церковь Восточная; без сей веры православной никак нельзя никому спастись. Добрые дела — это Евангельские заповеди, без исполнения которых, как и без веры, также невозможно никому спастись. Вера православная без добрых дел мертва, и дела добрые без веры также мертвы. Желаящему спасения необходимо иметь и то и другое вместе: и веру православную с добрыми делами, и дела добрые с верою православною, и тогда, при помощи благодати Божией, споспешествующей добрым делам его, он спасется по слову Христа, рекшаго: «без Мене не можете творити нечесоже». И должно знать, что Христос Спаситель, Истинный Бог наш, Который хочет всем человеком спастися, поставил в закон добрые дела, то есть Свои спасительные заповеди Евангельские, равно всем православным христианам, как монахам, так и мирянам, живущим с женами и детьми, и требует от

всех православных христиан самого прилежного их исполнения, потому что Его святые заповеди не требуют больших трудов телесных, а одного доброго произволения души: «иго бо» святых Его заповедей «благо и бремя» делания их «легко есть». Святые заповеди Христовы, при помощи благодати Божией, легко может исполнять всякий православный христианин, какого бы он ни был звания, пола и возраста: и старый и юный, и здоровый и в немощи лежащий, лишь бы было к тому расположение души. Посему-то те, кто преступает их и не кается, в Страшное Второе Пришествие Христово будут осуждены вместе с бесами на муку вечную. — Святые заповеди Евангельские, наипаче же главные, столь необходимы для спасения, что если одной какой-либо не достает у человека, то и спасения души не бывает. Таковы заповеди о любви к Богу и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и терпении, о том, чтобы от сердца прощать ближнему обиды, никого не осуждать, не иметь ненависти, любить врагов, творить по силе милостыню и душевную и телесную, и понуждать себя со всем усердием исполнять все прочие заповеди Христовы, во святом Евангелии написанные. А больше всего любить Бога всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею крепостью своею, и всем помышлением своим, и ближнего своего как самого себя, и, подражая кротости Христовой, до крови подвизаться противу страсти гнева. А жить в мире со всеми столь необходимо, что Господь счел нужным не раз повторить Своим святым ученикам и апостолам: «Мир вам; мир оставляю вам; мир Мой даю вам». И где мир Христов, там и Сам Христос; а если в душе нет мира, то нет там и Христа. И терпение необходимо для спасения. Христос говорит: «В терпении вашем стяжите души ваша»; терпеть надобно не до известного только време-

ни, а до самой смерти: «претерпевши до конца той спасен будет». Кто от всего сердца прощает ближнему согрешение его, тому и Бог прощает согрешения его. Кто не осуждает ближнего, тот и сам не будет осужден от Бога. И все прочие заповеди Евангельские желающий спасения должен блюсти как зеницу ока. Смирение, которое есть основание всем заповедям Евангельским, так необходимо для спасения, как дыхание для жизни: как без дыхания нельзя жить, так без смирения невозможно спастись. Различным образом спасались святые Божии, но без смирения никто из них не был спасен, да и невозможно это. Посему, кто хочет спастись, тот от всего сердца должен считать себя пред Богом за грешника, самого грешного из людей, хуже всякого создания Божия, вменять себя за прах и пепел и в тайне сердца своего укорять себя за все, и винить только себя одного во всяком согрешении своем. Исполняя таким образом в смирении сердца все заповеди Евангельские, часто молясь Богу с сокрушением сердца о прощении грехов своих, человек сподобляется милости Божией и прощения грехов, и посещает его благодать Божия, и спасается он милостью Божиею несомненно. — Кроме того православный христианин должен соблюдать еще и заповеди церковные, изложенные в книге «Православное Исповедание». Они также необходимы для спасения. — Таинство покаяния состоит в том, чтобы раскаяться пред Богом в своих грехах, бросить их и положить твердое намерение при помощи Божией к ним не возвращаться. Потом пред отцом духовным, как пред Самим Богом исповедать все свои согрешения и получить от него разрешение в них. Приготовлять себя к Причащению Божественных Таин должно постом, умилением, чистосердечным исповеданием грехов, совершенным примирением со всеми, выслушанием

в назначенное время по обычаю христианскому всего правила церковного, а приступать ко святому Причащению со страхом и трепетом, с верою и любовью, с поклонением, единому Богу подобающим.

О том, как вести себя в семействе, равно и о других обязанностях христианских самое полное наставление можно найти в богодухновенных писаниях святого Иоанна Златоустого и других святых мужей, читая их книги со страхом Божиим и должным вниманием.

Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания

Предисловие

В библиотеке русского Свято-Ильинского скита на Афоне имеется рукопись, писанная на полуславянском наречии (подобно наречию Четий-Миней св. Димитрия Ростовского), церковнославянскими буквами. Об этой рукописи сохранились следующие устные сведения. В двадцатых годах прошедшего столетия молодой послушник одного из российских монастырей (крестьянин Орловской губернии) перешел в Немецкий монастырь в Молдавии, славившийся тогда высокою духовною жизнью своих иноков и аскетическими сочинениями бывшего в нем игумена — знаменитого старца Паисия Величковского, скончавшегося в нем в 1794 году. Этот послушник, принявши на новом месте жительства монашеский постриг с именем Софрония, долго пребывал в монастыре, в коем застал многих учеников великого старца Паисия, и в том числе инока краснописца Платона, переписывающего еще при жизни старца Паисия его сочинения и переводы с греческого языка. Краснописец Платон, по расположению к иноку Софронию за искусное его пение на клиросе, подарил ему переписанную собственной рукою означенную рукопись и при этом высказал, что помещенные в ней 45 аскетических слов, проникнутых строго святоотеческим подвижническим духом, составлены старцем Паисием.

В 1836 году инок Софроний, оставив Молдавский Немецкий монастырь, поступил на жительство в Свято-Ильинский скит на Афоне, основанный старцем Паисием Величковским во время его жительства на Святой Горе. В этом скиту инок Софроний скончался в 1867 году, на 72 году жизни, оставив в сей обители принесенную им означенную рукопись, о которой выше объясненное он сообщил многим братьям скита.

По содержанию мыслей, проникнутых строгим святоотеческим духом, по характеру изложения, отличающегося простотою и в высшей степени убедительностию, рукопись весьма напоминает известные в печати сочинения старца Паисия, ревнителя словом и делом внутренней духовной монашеской жизни, что и служит подтверждением достоверности означенных библиографических устных сообщений о ней. Но нельзя положительно утверждать: принадлежит ли рукопись к самостоятельным произведениям отца Паисия или к переводным, или даже к простой выписке из святоотеческих писаний, ибо всем этим он занимался, и все это можно заметить в рукописи, которую в переводе на русском наречии и издает Свято-Ильинский скит для душевной пользы всех монашествующих, особенно ревнующих об уединенной аскетической жизни; а некоторые слова в ней весьма полезны и для светских лиц.

СЛОВО I

Краткое изложение мыслей,
располагающих к покаянию

Вспомни душа моя, ужасное и страшное чудо, что твой Творец ради тебя стал человеком, изволил пострадать ради твоего спасения. Его Ангелы трепещут, Херуви-

мы ужасаются, Серафимы страшатся и все небесные непрестанно славословят, а ты несчастная душа остаешься в лености; хотя от сего времени восстань и не отлагай, душа моя любезная, святого покаяния, сердечного сокрушения и удовлетворения (епитимии) за твои грехи. Отлагая же год за годом, месяц за месяцем, день за днем, совсем не захочешь от сердца покаяться и не найдешь сострадающего себе; о, с каковым терзанием начнешь каяться, но без успеха. Имея возможность сегодня сделать какое-либо добро, не отлагай, любезная душа моя, на завтрашний день святого покаяния, потому что не знаешь, что породит сегодняшний день или какая беда случится с тобою в эту ночь; ибо не знаешь, что тебе принесет день или ночь: долгая ли жизнь тебе предстоит или вдруг неожиданно получишь бедственную и скорую смерть? Ныне, любезная душа моя, время терпения; ныне — время скорби терпеть; ныне — время хранить заповеди и добродетели исполнять; ныне — время плача сладостного и слезного рыдания. Если истинно хочешь спастись, душа моя, возлюби скорби, стенания, как прежде любила покой; живи как бы ежедневно умирая; скоро пройдет жизнь твоя, как обычная тень пред солнцем и останешься без вести; дни нашей жизни как бы на воздухе разливаются; не уступай и пред самую тяжелую скорбь. В отношении к людям, не говоря уже о неразумной, но и в разумной скорби, не предавайся печали, не смущайся, не убегай; но считай себя как за прах под ногами их. Без этого не можешь спастись и избежать вечной муки. Ибо скоро жизнь наша оканчивается, как один день проходит. Если человек не сокрушит себя благочестно чрез добродетели или не пожертвует своею жизнью для исполнения заповедей Божиих и отеческих преданий, не может спастись.

Итак, любезная душа моя, вспомни всех святых пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных и праведных, юродивых и всех от века благоугодивших Богу. Где ты нашла святых, которые не покорили бы плоть духу, или не пострадали бы в тяжелых бедствиях и жестоких скорбях? Они принимали тьмы бед, терпели алкание и жажду, совершая бдение и молитву днем и ночью, имели смирение и сокрушение сердечное, детское незлобие и всякое милосердие, помогали другим во всякой скорби и нужде, творили различные подаяния и милостыню по силе возможности; чего себе не хотели и чего ненавидели, того и другому не делали, с послушанием, как купленные рабы, работая не как человеку, но как Богу, с мудрою простотою, — являясь не мудрыми, ничего не знающими, но только внимающими своему спасению. О, человек! смерть предстоит тебе; если подвизаешься, то вечною жизнью почтен будешь в будущем веке. Всяческим понуждением себя приобретается добродетель. Поэтому, если хочешь победить страсти, то отсеки сласти; если же гоняешься за пищею, то будешь проводить жизнь в страстях; не смирится душа, если плоть не лишится хлеба, невозможно избавить душу от гибели, оберегая тело свое от неприятности. Посему обратимся к первому; если хочешь, душа моя, спастись, пройти прежде указанный тот прискорбный путь, войти в Царство Небесное, получить жизнь вечную, то утончи плоть свою, вкуси вольную горечь, понеси тяжелые скорби, как все святые вкусили и потерпели. Когда же человек приготовится и положит себе завет претерпеть Бога ради все находящие на него скорби, тогда легкими и безболезненными показываются для него скорби и все неприятности и нападение от бесов и людей; не боится он смерти, и ничто не может разлучить

такового от любви Христовой. Слышала ты, любезная душа моя, о том, как проводили свою жизнь святые отцы! Ах, душа моя! Хотя немного подражай им: не были ли у них слезы? Ох, горе, душа моя! Не были ли они печальны, худы и измождены телом? Ох, горе, душа моя! Не были ли у них телесные болезни, большие раны и душевное со слезами сетование? Ох, горе, душа моя! На такими ли, как и мы телом немощным обложены они были? Ох, горе, душа моя! Не было ли у них пожеланий прекрасного, сладостного и легкого в мире сем и всякого телесного покоя. Да, желали; и тела их поистине болели; но они изменяли пожелания на терпение и скорби на будущую радость. Они раз и навсегда все отрезали, почли себя за мертвых, нещадно мучили сами себя в духовном подвиге. Видишь ли, душа моя, как трудились святые отцы, не имея покоя во всяком злострадании, покорили плоть духу, исполнили все прочие заповеди Божии и спаслись. Ты же, жалкая, нисколько не хочешь понудить себя, от малых трудов изнемогаешь, унываешь и никак не вспоминаешь смертного часа и не плачешь о своем согрешении; но привыкла, несчастная душа моя, объедаться, опиваться и лениться; разве не знаешь, что ты самовольно позвалась на мучения? И нисколько не терпишь; как же хочешь спастись? Хоть с сего времени восстань, любезная душа моя, сделай, что я тебе говорю. Если не можешь так, как святые отцы, трудиться, то хотя по силе твоей начни; со смирением в сердечной простоте послужи всякому; зазирая свою немощь и осуждая себя, говори: горе тебе душа моя, окаянная, горе тебе скардная; горе тебе всескверная, ленивая, нерадивая, сонливая, жестокая; горе тебе погибшая. Итак, малопомалу она умирится, прослезится, в себя придет и покается.

Слово 2

Борьба против уныния, лени
и расслабления

Когда случится, тогда займи ум размышлением о смерти. Приди мысленно ко гробу, посмотри там на четверодневного мертвеца: как он чернеет, пухнет, испускает невыносимое зловоние, червями пожирается, потеряв вид и красоту. Посмотри в другом месте: тут лежат во гробе кости юных и старых, благообразных и безобразных, кто был постник, воздержник и подвижник или нерадив, и принесло ли богатым пользу, что они покоились и наслаждались в сем мире. Вспомни за тем бесконечные муки, о которых говорят священные книги: огонь геенский, тьму кромешную, скрежет зубов, тартар преисподней, червь неусыпающий и представь себе, как грешные взывают там с горькими слезами, и никто не избавляет их, рыдают, оплакивают себя, и никто не жалится над ними; воздыхают из глубины сердечной, и никто не сострадает им; умоляют о помощи, жалуются на скорби, и никто не внимает им. Подумай, как тварь неизменно каждая в свое время служит Господу, Создателю своему. Размысли о преславных чудесах Божиих от начала века совершавшихся на рабах Его, и особенно о том, как Господь, смирившись и пострадавши нашего ради спасения, облагодетельствовал и освятил род человеческий, и за все это воздай благодарение человеколюбцу Богу. Вспомни будущую жизнь бесконечную и Царство Небесное, покой и несказанную радость. Держи, не оставляй и молитвы Иисусовой. Если о всем сем будешь вспоминать и размышлять, если все это исполнишь, тогда уныние, лень и расслабление исчезнет, и душа твоя как бы от мертвых оживится благодатию Христовою.

Слово 3

Умилительное поучение, отсекающее всякое
превозношение и гордость человеческую
и обращающее душу во источники слез

Если такого умиления ищешь, то весьма сладостно и душеполезно внимать следующему поучению об исходе своей души. Теперь ты, человек, услаждаешься красотой, приглядностью, славою и проводишь жизнь свою в суетном украшении, надеясь провести так час за часом, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. О, человек! Век твой подходит к концу, жизнь минует, время мало-помалу протекает, Страшный Престол Господен готовится, Судия праведный приближается! О, человек! Суд при дверях; ожидай страшного ответа! Река огненная, волнуясь, шумит с треском и сильными искрами!... Страшные муки свирепствуют, ожидая мучения грешников! О, человек! Трудись, старайся, подвизайся; пред смертью вестник не приходит! Награда святым предстоит, венцы праведным готовятся; трудящимся и терпящим скорби отверзается Царствие Небесное, предстоит бесконечный покой и готовится несказанная радость. Око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило то, что уготовал Бог любящим Его. О, человек! Слышал ли ты о муках? Что не трепещешь и не ужасаешься? ... О, человек! Слышал ли о бесконечной радости? Что не подвизаешься, что в молве и суете губишь время жизни? После другого времени не найдешь, хотя бы и со слезами поискал. О, человек! Если и сто или тысячу лет проживешь на этом свете во всякой пище и наслаждении, упитываясь, как телец, и, прихорашиваясь, как лиса; когда же придет страшная смертная кончина, за один день покажется жизнь наша, и всякое пресыщение и украшение исчез-

нет бесследно, как цвет травы, скоро отпадающий. О, человек! Как бы один день твоего рождения и твоего возраста и старости, а после сего скорой неожиданной конец твоей жизни. О, человек! Вспомни, где твои деды и прадеды, где твой отец и мать, и братия; где твои сродники и любимые друзья? Не все ли отошли из этой жизни; не желали ли и они еще пожить на сем свете, — наслаждаться, украшаться и веселиться в своем благополучии? Но вот против желания своего они похищены. Вспомни, что ты — земля, от земли питаешься и в землю опять пойдешь: плоть разрушится и истлеет, червями съедаемая, а кости, как прах, рассыплются. Помни дни вечные и лета прошедших родов. Сколько было царей и князей во всяком наслаждении и украшении! Что помогло им, отходившим из этой жизни временной, где наслаждение и украшение? Теперь же они земля и пепел! Сколько было на этом свете сильных, богатых, храбрых юношей, цветущих молодостью и красотою; чем же помогла им и посодействовала могучая сила, приятная молодость, цветущая красотою? Как будто ничего не было! Тысячи тысяч и тьмы тем или как песка морского было всякого рода людей, и все они отошли из этой жизни. Некоторые из них не могли дать в час смертный даже какого-либо ответа, но неожиданно, стоя или сидя, похищены смертью, одни евши и пивши испустили дух; другие на пути скоропостижно умерли; иные, положившись на постели свои, думая малым, привременным сном успокоить тело свое и в таком положении уснули вечным сном; некоторые бедственно испытывали в последний час великие истязания, ужасные грозные устрашения, одно представление которых может немало утратить нас. И другие различны и внезапны бывают смерти! Ох, ох! Горе, горе! Ужасно и страшно всем, когда душа

насильственно от тела разлучается: душа с плачем отходит, а тело земле предается; тогда надежда на суетное, прелесть, слава и наслаждение земным ни во что обращается. Ох, ох! Горе, горе! Великий плач и рыдание, великое и воздыхание и болезнь — разлучение души. Ох! Горе, горе! Краток путь сей, которым идем с телом; дым, пар, перст, пепел, прах, смрад жизнь эта; как дым на воздухе расходится, как травной цвет скоро отпадает и увядает, как конь скоро пробегает, как вода быстро протекает, и как туман поднимается с поверхности земли, и как роса утренняя исчезает, или как птица пролетает, — так минует жизнь века сего; или как ветром проходит, так мимо ходит и проходит время и кончаются дни жизни нашей. Лучше более терпеть и любить лютые и жестокие скорби на этом свете, чем тысячу лет радости и покоя против одного будущего дня. Ибо не продолжителен путь земной жизни; на малое время является и вскоре проходит. Воистину суета и тление все сладостное, прекрасное и славное в мире сем; ибо как тень переменчивая все проходит, и как во сне на этом свете пребывает; сейчас кто-либо есть; немного потом уходит; сегодня с нами, а поутру гробу предается. Ох, ох! Горе, горе! Воистину напрасно мятется всякий земнородный. Все изменится, все умрем: цари и князи, судии и сильные, богатые и нищие и всякое естество человеческое: сегодня с нами ликует, веселится и красуется иной человек, а по утру по нем плачем, сетуем и рыдаем. О, человек! Приди же ко гробу, посмотри там лежащего мертвеца: не славен, не виден, не красив; как он пухнет и смрад испускает; плоть гниет и истлевает и червями поедается, кости обнажаются и весь состав рассыпается. Ох, ох! Горе, горе! Душа грешная, ужасное видение! Горе, горе! Обогащенная душевнотелесными чувствами, премудро созданная,

совсем нет в тебе ни благолепия, ни вида, ни красоты! Куда скрылась твоя красота телесная и юность прекрасная? Где улыбающееся лицо, где прекрасные и светлые очи? Где аристотельский (ораторский) красноречивый язык? Где дыхание, сладкий, тонкий и нежной голос? Где красноречие премудрости, величавое хождение, мечты и желание, и суетное попечение? Все это пропало и червями съедено: вот из них одни выходят из уст и ноздрей, другие из глаз и ушей; иные из прохода, и все исполнилось безобразия и гнусности. Ох, ох! Горе, горе! Смотря на прах, лежащий во гробе, скажем себе: кто царь и вельможа, или нищий? Кто владыка или несвободный? Кто славный и не славный? Кто премудрый или неразумный? Где красота и наслаждение мира сего? Где сила и мудрость века сего? Где мечты и кратковременные прелести? Где богатство тленное и суетное? Где серебряные и золотые украшения? Где множество предстоящих рабов? Где все попечение суетного сего века? Но ничего этого уже нет; всего этого человек лишен. Ох, ох! Горе, горе! Воистину напрасно мятется всякий земнородный! — Смотрю на тебя во гробе и ужасаюсь твоего вида; смотрю на тебя и трепещу и от сердца слезы проливаю. Ох, ох! Смерть лютая и немилосердная! Кто может избежать тебя? Ты пожинаешь род человеческий, как незрелую пшеницу. Итак, братия, разумевши краткость нашей жизни и суету сего века, позаботимся о смертном часе, оставив молву сего мира и не полезные житейские попечения; ибо не пребудет с нами по смерти ни богатство, ни слава, ни наслаждение, и ничто из сего не сойдет с нами во гроб, только добрые дела пойдут и защитят нас и останутся с нами; нагими же мы родились, нагими опять отходим. Итак, слыша это, мы должны не только сидеть с безмолвием в келии, удерживать язык свой, пещись о

душах своих и плакать на молитве о грехах своих, но и под землю должны скрыться, заживо там рыдать о грехах своих и жить, умирая Бога ради в подвиг. Зная скорое отшествие свое, будем прежде смерти изнурять тленное свое тело, потому что и по смерти должно ему оставаться тленным, пока воскресит нас Господь Бог от мертвых в последний день и дарует нам бессмертную жизнь и бесконечное царство во веки. Аминь.

СЛОВО 4

О благодати Божией

вопрос: Почему может познавать кто-либо, достиг ли он совершенной благодати или нет?

ответ: Где благодать — источник жизни, там добрые дела от сердца истекают; когда Дух Святой посетит, тогда и всякий труд облегчается, и непрестанная молитва от сердца исходит, и очи постоянно испускают слезы, и всякое духовное просвещение бывает при сем и чистое трезвое рассуждение, ибо Святой Дух тогда действует внутри человека. А кто предается страстям, у того и страсти умножаются; тогда чрез них лукавой дух завладевает человеком, тогда бывает в душе его всякая темнота, и мрак, и тягость.

вопрос о том, кто свят (т. е. имеет указанные свойства совершенной благодати)?

ответ: тот, кто непорочно сохранил и соблюл заповеди, кто победил страсти и отказался от всякого наслаждения. Кто же от наслаждения отказался? Тот, кто совершенно отвергнул самолюбие во всех видах своего произволения; кто себя возненавидел в кратком сем веке ради Царства Небесного и бесконечной жизни; кто стяжал непоколебимую веру, твердую и

несомненную надежду на Бога во всех своих скорбях и нуждах; таковой поистине свят и бесстрастен.

Слово 5

О чувствах душевных и телесных, о добродетелях и какая добродетель от какой рождается. О больших и начальных добродетелях. Если кто эти добродетели исполнит, тому и прочие все подчинятся

При создании человека любовь Божия к человеческому роду проявилась неизреченно и несчетно: ибо Бог даровал человеку душевные и телесные чувства. Душевные чувства или силы суть: ум, смысл (рассудок), слово, мечтание (воображение), чувство сердца. Телесные же чувства следующие: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Посредством тех и других мы и совершаем добродетели душевные и телесные. Угодно было Христу Богу нашему, чтобы написаны были книги, чтобы по ним человек рассуждал и поучался страху Божию — началу духовной премудрости. Страх Божий рождает веру; вера — надежду; надежда — любовь к Богу и людям; любовь — терпение и иные многие добродетели; терпение — послушание и всякую добродетель; послушание — упование; упование — пост; пост — чистоту и безмолвие; безмолвие же рождает воздержание, молитву, слезы, бдение, плач, бодрость, трезвение и иное многое, и отсекает всякое злоязычие; плач рождает всякое нестяжание; нестяжание же рождает правду и отсекает всякий спор; молитва рождает рассуждение, трезвение ума, слезы, радость, смирение сердечное, кротость; смирение рождает смиренномудрие, уединение; смиренномудрие отсекает гордость, тщеславие и

растит плод духовной. От этих добродетелей уничтожаются все душевные и телесные страсти, и мало-помалу умножается благодать. Эти добродетели необходимы для здоровых телом и одержимых плотскими страстями.

Слово 6

О вере

Первая добродетель — вера, ибо *верою и горы преставляют и все, что хотят, получают*, сказал Господь. Всякий во всех славных и дивных делах верою своею утверждается. От произволения нашего вера или уменьшается или увеличивается.

Слово 7

О любви

Вторая добродетель — нелицемерная любовь к Богу и людям. Любовь обнимает и связывает воедино все добродетели. Одною любовью весь закон исполняется и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоит в том, чтобы полагать душу свою за друга своего и, чего себе не хочешь, того и другому не твори. Любви ради Сын Божий вочеловечился. Пребывающий в любви, в Боге пребывает; где любовь, там и Бог.

Слово 8

О посте

Третья добродетель — пост. Постом называю вкушение однажды днем мало, — еще будучи алчным вставать от

трапезы; пищею иметь хлеб и соль, питием же — воду, которую сами собою доставляют источники. Вот царский путь принятия пищи, то есть многие спаслись этим путем, так сказали святые отцы. Воздерживаться от пищи день, два, три, четыре, пять и седмицу — не всегда может человек, а чтобы каждой день вкушать хлеб и пить воду, так всегда может. Только покушавши, должно быть алчным немного, чтобы тело было и покорно духу, и к трудам способно, и к умным движением чувствительно, и телесные страсти победятся; пост не может умертвить так страстей телесных, как умертвляет скудная пища. Некоторые тем временем постятся, а потом предаются сладким кушаньям; ибо многие начинают пост свыше своей силы и другие суровые подвиги, а потом ослабевают от неумеренности и неровности, и ищут сладких кушаний и покоя для укрепление тела. Так поступать то же значит, что созидать, а потом опять разорять, так как тело чрез скудость от поста понуждается к сласти и ищет утешение, и сласти возжигают страсти. Если же кто установит себе определенную меру, сколько в день принимать скудной пищи, тот получает великую пользу. Однако же, относительно количества пищи, должно установить, сколько нужно для укрепление сил; таковой может совершить всякое духовное дело. Если же кто больше того постится, то в другое время предается покою. Умеренному подвигу нет цены. Ибо некоторые и великие отцы мерою принимали пищу и во всем имели меру — в подвигах, в потребностях телесных и в келейных принадлежностях, и все в свое время и каждую вещь употребляли по определенному умеренному уставу. Поэтому святые отцы не повелевают начинать поститься выше сил и себя приводить в ослабление. Возьми себе за правило кушать на всякий день, так можно тверже воздержаться; если же кто более постит-

ся, тот как удержится потом от пресыщения и объедения? Никак. Такое неумеренное начинание и происходит или от тщеславия, или от безрассудности; тогда как воздержание — одна из добродетелей, способствующая к обузданию плоти; алчба и жажда даны человеку на очищение тела, сохранение от скверных помышлений и блудной похоти; на каждой же день вкушать со скудостью бывает средством к совершенству, как говорят некоторые; и нисколько не унижится нравственно и не потерпит вреда душевного, кто вкушает на каждой день в определенной час; таковых похвалает святой Феодор Студитский в Поучении на пяток первой седмицы Великого Поста, где он приводит в подтверждение слова святых богоносных отцов и Самого Господа. Так и должно поступать нам. Господь претерпел продолжительной пост; равно Моисей и Илия, но однажды. И другие некоторые, иногда, прося что-нибудь у Творца, налагали на себя некоторое бремя поста, но сообразно с законами естественными и учением божественного Писания. Из деятельности святых, из жизни Спасителя нашего и из правил жизни благочинно живущих видно, что прекрасно и полезно всегда быть готовым и находиться в подвиге, труде и терпении; однако не ослаблять себя чрезмерным постом и не проводить в бездеятельности тела. Если плоть распаляется по молодости, то много должно воздерживаться; если же она немощна, то нужно довольно в сытость принимать пищу, невзирая на других подвижников, — много или мало кто постится; смотри и рассуждай по своей немощи, сколько можешь вместить: каждому мера и внутренний учитель — своя совесть. Нельзя всем иметь одно правило и один подвиг; потому что одни сильны, другие немощны; одни как железо, другие как медь, иные как воск. Итак, хорошо узнавши свою меру, принимай пищу однажды на

каждой день, кроме суббот, недель и владычных праздников. Умеренный и разумный пост — основание и глава всем добродетелям. Как со львом и лютым змием бороться, так должно со врагом в телесной немощи и духовной нищете. Если кто хочет иметь ум твердым от скверных помыслов, да утончает плоть постом. Невозможно без поста и священствовать; как дышать необходимо, так и поститься. Пост, войдя в душу, убивает во глубине ея лежащий грех.

Слово 9 О воздержании

Четвертая добродетель — воздержание — мать и союз всех добродетелей. Если удержишь чрево, войдешь в рай, ибо воздержание есть убийство греха, удаление от страстей, начало духовной жизни и ходатай вечных благ. Напротив, пресыщение лишает человека духовного дарования, потому что сытость чрева ко сну клонит его и возбуждает в нем скверные помыслы, и он не может совершать бдение, ни чтением, ни рукоделием заниматься и никакого другого доброго дела исполнять. Легко, прекрасно, трезво и жажду утоляющие для питания хлеб и вода теплая. Без теплой воды у постника ссыхается желудок и затруднительно бывает испражнение; а хлеб или сухари, распаренные в кипяченой воде, или толокно житное, или кисель, скоро перевариваются; последнее особенно подходящая пища во время праздника или вечери. Четыре чина вкушения пищи: пост, воздержание, доволь и сытость. Если кто удержит чрево, не лишится райского пребывания; кто же не удержится, тот — добыча смерти, всех добродетелей лишается и бывает поруган.

СЛОВО ІО О бдении

Пятая добродетель — бдение. С рассуждением в меру новоначальным инокам должно половину ночи бодрствовать и половину ночи до утра спать, то есть шесть часов бодрствовать и шесть или пять часов спать. Средних мера — четыре или три часа спать и восемь бодрствовать. Совершенных же — один час спать, а остальные — всю ночь стояние и внимательное бодрствование. Среди дня все должны один час спать. Бдение же с рассуждением очищает ум от рассеяния помыслов, делает его легким и вводит в молитву. Как чувственные глаза просвещают тело и все члены его освещают, так неусыпное внимание и бодрствование просвещает душу духовным зрением, ибо напоминает человеку о неизреченных благах, которые уготовал Господь любящим Его, показывает муки вечные, уготованные грешникам; и человек бодрствующий удивляется Творцу всегда, как переменяются день и ночь, как светит солнце, луна и звезды; как сменяется мороз, снег, зной, гром, дождь, напоминает человеку о преходящей жизни века сего, о кончине смертной и извлекает у него обильные слезы и, как сторож на высоком месте, освещает ясно духовному оку состояние человека, как он живет, — правым или неправым путем. Мерное бдение веселит сердце.

СЛОВО ІІ О молитве Иисусовой

Шестая добродетель — молитва Иисусова. Это — общее дело у людей с ангелами; этою молитвою люди

скоро приближаются к ангельскому житию. Молитва — источник всякому доброму делу и добродетелям и отгоняет от человека тьму страстей. Приобрати ее, и будет душа твоя прежде смерти равноангельною. Молитва есть божественное веселие. Это единственный драгоценный меч; нет иного такого оружие, которое бы более ее посекало бесов; она опаляет их, как огонь попалает терние. Эта молитва, как огонь, разжигает всего человека и приносит ему невыразимую радость и веселие, так что он от радости забывает об этой жизни и все в веке сем считает за сор и пепел.

СЛОВО 12

О смирении и смиренномудрии

Седьмая добродетель — смирение и смиренномудрие. Смирение сердечное без труда спасает человека старого, больного, убогого, нищего и необразованного; ради него прощаются все согрешения; оно от самой бездны греховной возводит человека. Чрез смиренномудрие все вражеские сети и замыслы разрушаются, и оно укореняет жизнь духовную и соблюдает от падения.

СЛОВО 13

О безмолвии и молчании

Восьмая добродетель — безмолвие, т.е. удаление от всякого житейского попечения и смущения, или безответное молчание среди многолюдства. Обуздавший и сдерживающий свой язык и все тело воздержит. Воздержанный на язык избежит и всякого зла, происходящего от него. Язык — неудержимое зло; многие пали

от острие меча, но не так, как от языка своего, ибо язык обоюдоострой меч, невидимо закаляющий душу и тело, пустословящих всегда в праздных сборищах. О, язык, — враг праведности моей! О, язык, — пагубник мой и дух сатанинский! Ибо многим трудом созидает человек духовное здание (спасение), а ты, язык, одним словом, в один час разрушаешь его и уничтожаешь. Мудрый муж безмолвие водит.

Слово 14

О нестяжательности

Девятая добродетель — нестяжательность вещей и крайняя нищета. Нестяжательный монах, как орел высокопарный, пребывает неуловим никакой тщеславною сетью века сего и неуязвим. Бежим, бежим от сребролюбия и прочих вещей, как от льва рыкающего, ибо оно прелагает кротость и смирение человека в немилостивой гнев и злопамятство и делает лютым зверем.

Слово 15

О рассуждении

Десятая добродетель — рассуждение, благоразмыслительное во всяком деле; потому что безрассуждение и добро приводит ко злу и посему бывает не добром.

Без этих выше указанных десяти добродетелей невозможно спастись. Отцы святые разъяснили о них в различных обширных беседах; здесь же о них сказано кратко. Три из сих добродетелей: во-первых, пост, т.е. воздержание рассудительное и неизменное; во-вторых, непрестанное упражнение в поучении божественных

Писаний с бдением рассудительным, т. е. по совести, сил и бодрости каждого; и в-третьих, молитва Иисусова разумная, т. е. со вниманием ума к словам молитвы и внутренним хранением сердца, — эти добродетели, суть самые основательные, должны исполняться разумно — пред лицом и ради Бога без всякого лицемерия, человекоугодия и тщеславия; иначе исполняющий их ничем не отличается от неисполняющего. Лучше оставить ту добродетель, чрез которую мы произвольно высокоумствуем — награда подается не столько за труды, сколько ради смирения. Лучше быть согрешающим и кающимся, чем исправляющимся и возносящимся. Господь Бог да вразумит и утвердит нас совершать волю Его и священные заповеди и добродетели, Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 16

О страстях и пагубных пороках и о том,
какие от каких рождаются

Прежде всякого грехопадения, бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, гнев жестокий, т. е. бесчеловечную и зверскую злобу и неведение, как тьму беспросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху. Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу или забвением или гневом или неведением. От них происходит душевное нечувствие, т. е. ум — душевное око, бывает темен и пленяется тогда всеми страстями. Прежде всего рождается маловерие. Маловерие же порождает самолюбие — начало и конец, корень и родоначальник всякого зла, оно есть бессмысленная любовь к своему телу, когда везде и во всех

вещах избирает кто-либо себе одному только полезное. Искореняется же этот злой корень страстей любовью и милосердием и отречением от своеволия. Самолюбие порождает немилосердие и сребролюбие — несытую утробу, так же корень и причину всякому злу. От сих двух — самолюбия и сребролюбия, происходит во всяком месте всякое несчастье и жестокое злодеяние. Как в мирянах, так и в монахе сребролюбие порождает гордость, чрез которую бесы отпали от святой славы и свержены с неба. Гордость порождает славолубие, которым прельстился Адам, захотев быть Богом и не был, и тем навел страдание и клятву на весь род человеческий. Славолубие порождает сластолюбие, чрез которое Адам пал и был изгнан из рая.

Сластолюбие порождает чревообъядение и различные блудные дела. Блуд порождает гнев, погашающий сердечную теплоту и пагубный для всякой добродетели. Гнев порождает памятозлобие — охлаждение духовной теплоты. Памятозлобие порождает мрачную и злобную хулу на своего брата. Хула порождает безвременную печаль, как ржавчина съедающая человека. Печаль порождает безумную наглость. Наглость — порождает тщеславие, выставляющее напоказ добродетели и чрез это оставляющее труды без награды. Тщеславие порождает невоздержное многоречие. Многоречие порождает празднословие, пленение. Уныние порождает мрачной сон. Если кто эти страсти победит, тому и прочие покорятся, — каковы: страхование, ужас, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, ропот, неверие, лихоимство, пристрастие, вещелюбие, малодушие, острожелчие, самомнение, любоначалие, человекоугодие, дерзость, смех, совершенное падение, невыразимый ров и погибель чрез отчаяние, в каком состоянии человек сам себя закаляет, не ведая того человеколюбия Божия и

милости, что пришел Он грешников спасти, и что нет на земле такого греха, которому не было бы прощения. Из семи следующих страстей — самолюбия, сребролюбия, гордости с тщеславием, злопамятности, осуждения, сомнения, — отчаяние — конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит выше указанные следующие десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смиренномудрием, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение, и вместе повредит все остальные добродетели. Если кто имеет хоть одну из сих главных страстей, таковой нисколько не преуспеет, хотя бы и подвизался против прочих страстей, совершал какую-либо добродетель и хотя бы даже кровь свою пролил за Христа; и молитва такового неприятна Богу. Господь Бог да избавит нас Своею благодатию от всякой напасти и страстей во веки. Аминь.

Слово 17

О телесных страстях. Отчего оне происходят и чем побеждаются

Телесная похоть у человека происходит или от теплого растворения, или многоядения и безмерного сна, или от действия сатаны, или от осуждения других и тщеславия своего, телесной красоты, или от праздных бесед, щегольства и нехранения очей. Если приходят блудные помыслы и мечтание ночное сонное или дневное, или плотское разжение, то ничем нельзя от сего избавиться, как только постом, воздержанием и молитвою со слезами во всенощном бдении. Когда кто познает душевную и телесную силу изнеможения, то вскоре получит покой от страстей.

Слово 18

О том, чтобы со вниманием пребывать всегда

На каждый вечер мы должны испытывать себя, как прошел у нас день, и на всякое утро опять должны испытывать, как прошла ночь. И не только в определенное, но и во всякое время, на каждом месте и о всякой вещи мы должны давать себе отчет и рассуждать о добродетелях и страстях, в каком состоянии жизни мы находимся, — в начале, в середине или в конце; достойно ли награды мы трудимся и совершаем добродетели, или только трудимся, а награды не получаем. Когда в чем погрешим, то восполним недостаток добродетели слезами и плачем. Мы потому не приходим в совершенство и бедны благодатью, что не знаем, в чем начало, середина и совершенство добродетелям, от чего оскудение добродетели, что ко всякой добродетели примешивается порок тщеславия, который противодействует ей. Без знания сего мы напрасно трудимся. Добродетели хотя и называются душевными, но во всех них страдает и утверждается и тело. Страсти же иначе: одни называются душевными, и потому так, что их любит или услаждается одна душа, помимо тела; другие же — телесными, потому, что в них нежится и тучнеет только тело, т. е. в тех и других душа и тело ни в чем не сочувствуют друг другу.

Слово 19

Сокращенная речь о всех душевных и телесных страстях

Прежде всего нужно очистить царский дом от всякой нечистоты и украсить всякою красотою, и тогда уже

можно войти в него царю. Подобным образом должно прежде всего очистить землю сердца и искоренить терние греха — страстные дела и умягчить ее скорбями и теснотами, посеять на ней семя добродетелей, оросить плачем и слезами; и тогда уже произрастет плод бесстрастия и жизнь вечная. Ибо не вселится Дух Святой, пока человек не очистится от страстей душевных и телесных. Одному можно пребывать внутри человека: или Духу Святому, или страстям; где Дух Святой, туда страсти не приближаются, а где страсти, там не пребывает Дух Святой, а лукавый. Прежде всего должно отогнать от себя самолюбие во всех видах, пожелания предметов сего мира и уничтожить себя во всех видах покаяния, — в помысле, в деле, в слове, в пище, одежде, в домашней обстановке и внутренних вещах, во всем должно смирять себя и осуждать; во всем избирать себе худшее, и таким образом умолкнут страсти душевные. Смирение никогда не падает, ибо ниже всех лежит. Так же необходимо усмирить плоть свою, удручая ее подвигами добродетелей и скорбями без упокоения, — и умолкнут страсти телесные. Должно удерживать и язык свой, как источник всякого зла и разорителя добра, таким образом перестанут действовать все страсти душевные и телесные и усмирены будут; человек будет бесстрастен и начнет приобретать жизнь вечную; враг же будет побежден, ибо окажется бессильным и все оружие и козни его изнемогут.

Слово 20 О бесстрастии

Бесстрастие состоит не в том только, чтобы избегать греховных пристрастных дел, но в том, чтобы не иметь

и пожелания их. Бесстрастен тот, кто победил пристрастие во всех прилогах, понуждающих или прельщающих, и, став выше всех страстей, не возмущается ни за какую вещь мира сего, не боится скорбей, бед и напастей, не страшится даже самой смерти, считая это залогом жизни вечной. Бесстрастен тот, кто, страдая от бесов и от лукавых людей, не обращает на то внимание и не считает это за зло; как будто иной кто страдает; прославляемый он не возносится и оскорбляемый — не гневается; но как дитя наказываемое плачет и утешаемое радуется. Бесстрастие не есть одна какая-либо добродетель, но собирательное наименование всех их. Оживляется тогда человек от Духа Святаго; потому что без Него не крепко все духовное тело — состав добродетелей. До вселения в человека Духа Святаго, по очищении от страстей, не может он называться бесстрастным, ибо до сего он страдает на всяком месте. Когда же Дух Святой сойдет на человека, тогда Он облегчит ему все тяготы и скорби и без труда пребывает во всем. Богу нашему слава во веки. Аминь.

Слово 21

О чистоте сердечной и душевной

По многотрудной жизни, чрез душевные подвиги свои мы входим в сердечную, умную и душевную чистоту, ибо от скорбей, претрудных духовных и телесных добродетелей: алчбы, жажды, бдения и прочих очищается сердце... От скверных страстных вожелений рождаются телесные страсти, т. е. блуд. От чистоты же сердечной и поста с молитвою очищается ум от скверных помыслов и мечтаний. Чрез чистоту ума освобо-

ждается душа от своих страстей и просвещается; от душевной же чистоты происходит умное видение. Без сердечной, умной и душевной чистоты, то есть бесстрастия, бесы дерзают входить в нас, возмущают нас и показывают вместо истины прелесть. Ибо чистым только сердцем, душою и умом созерцается Умное Солнце. Должно особенно прилежать посту и непрестанной молитве, чтобы она сходила в глубину сердца и очищала его от страстей душевных и телесных и, услаждая, умягчая, увеселяя и отгоняя скверные помыслы и мечты ума, просвещала душу. Когда таким образом очистится у человека сердце, ум, душа и тело, тогда вселится в него благодать; вход же беса и страстям затворяется, и начинает он ощущать духовную сладость. Пока не ослабнут у человека естественные движение в теле, чтобы не возбуждали они в сердце греховные сласти, и все чувства телесные не очистятся при жизни; пока ум не освободится от мрачных скверных мечтаний и душа не избавится от пристрастий, до тех пор сладость благодатная не возбудится в человеке том, и он не увидит Божественное в душе своей. Начало чистоты — несогласие на грех помысла, а конец — умерщвление — мертвость ко греху тела. Нечистота сердца — блудная страсть и сердечное греховное разгорячение; нечистота же тела — падение на дело во грех. Нечистота ума — скверные помыслы; нечистота же души — различные душевные страсти, когда душа что-либо чрезмерно любит и услаждается тем. Если кто телом трудится и совершает некоторые добродетели, но не радит о сердечном настроении, не занимается усердно умным деланием — вниманием, и не заботится о душевной трезвости, то он подобен тому, кто одною рукою собирает, а другою расточает;

внутреннее же сердечное трезвение, умное делание и душевное настроение — конец его. Телесные труды без внутреннего настроения и внимания подобны сухому листвию. Потому мы и не приходим в совершенство и не получаем благодати, что не знаем: — с чего положить начало духовной жизни, что составляет середину и конец ея, и в чем состоит существо и основание добродетелям, — пока не узнаем сего, до тех пор в одно и то же время трудимся и разоряем. О, человек! пойми же то, с чего начинается духовная подвижническая жизнь, откуда рождаются добродетели, и чрез что легко входят в нас страсти, и тогда скоро получишь душе своей просвещение; без этого же начала ты как бы в море семя сеешь, и оно бывает погубляемо.

Слово 22

О помрачении ума, то есть нерассудительности

Помрачение ума происходит от страстей: от многословия, от суетливости, от безмерной заботы, от скорби, от мечтания, от объядения, от многоспания; часто и от бесов оно бывает, то есть от смущений их, когда они приближаются к нам. От входа в нас сих страстей душевное око наше закрывается, то есть притупляется зрение ума; и он уже ничего духовного не видит и не имеет рассуждения, подобно тому, как кто-либо и здоровым телесным глазом не видит в темноте ночной, иногда спотыкается, а иногда и падает в яму; так и человек, имея потемненный ум, впадает в яму различных страстей: унывает, мечтает, предается многому сну и совершенно забывается, что идет путем вечной гибели.

Слово 23

О трезвости ума, то есть внимательности

Трезвость ума — светлость мысли, происходит от бесстрастия, т. е. от чистоты, поста, воздержания, неразвлекаемого безмолвия, неисходного пребывания в келлии, молитвы Иисусовой, безпечалия, умеренного сна и от действия Святого Духа, когда подается нам благодать от Благодателя. Сими добродетелями ум очищается от помрачения, грубости, мечтания и просвещается, и тогда человек становится понятливым, рассудительным и веселым. Кружение мыслей никто не может остановить ничем, разве только непрестанной молитвою Иисусовой, памятью смерти и будущего мучения, памятью и желанием будущих благ, внимательным пением или чтением наедине. Больше же всего очищает ум от помрачения, грубости и мечтания молитва, пост и неисходное в келлии безмолвие. Молитва и пост отгоняет всякие греховные помышления, останавливает разгорячение мозга, сохраняет ум от мятежа, собирает его от рассеянности и просвещает. Молитва и пост изгоняет из человека духов нечистых и исцеляет беснующихся, — как сказал Господь: *сей род (бесовский) не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Молитвою и постом очищается и ум, в котором от бесов часто бывает помрачение. Молитва и пост есть оружие, заграждающее всякий вход в нас бесов. Молитва, как благодатной дух, очищает наш дух, просвещает ум и подает усердие. Молитва с трезвением ума и сердца — охрана ума, угашает забвение его, как вода огонь. Посему честным именем должно называть добродетель сию зарождающиеся от нея светлые созерцания. Возлюбивши ее, грешники непотребные и мерзкие, будете святыми и достойны-

ми, неразумные и нерассудительные — разумными и рассудительными, неправедные — праведными; мало того, но и созерцателями, богословами и свидетелями будете божественных тайн чрез призывание имени Господа Иисуса Христа, Сына Божия. Многие святые отцы сказали, что молитва Иисусова есть источник всякому благу, сокровище добродетелей, она скоро сподобляет благодати Святого Духа, спасает, неизвестное разъясняет и научает. Как в зеркале видит человек свое лицо, так в трезвенной и доброй молитве видит умом всю жизнь свою, хорошо или худо живет. Сия молитва трезвенная отгоняет от человека тьму страстей, освобождает от всех бесовских сетей, помышлений, слов и дел, побеждает всякое естественное желание, чувства и скорби, от всякого искушения помогает и очищает и, как пламенной меч, посекает оные, ибо Бог есть призываемый именем сим, которому все подчиняется. Ничто не может так победить злобные хитрые коварства бесов, кроме молитвы Иисусовой трезвенной, чистой и внимательной, совершаемой с чистым умом и смиренномудрием; невозможно, и не может человек-подвижник помимо сего восстать против бесов и сопротивляться им. Однако, без наставника в сей молитве он, пострадавши, погибает; услышав, или узнав из слов святых отцов, что она велика, а не понимая существа ея, совершает, и неразумно думает о ней, что достиг совершенства, и начинает умом мечтать, внутри иметь ратников, не очистив его наперед трезвением, вниманием, бодрствованием, и таким образом низлагается от бесов. Начало сему доброму и прекрасному деланию состоит в следующем: первое должно ослаблять страсти, не творить того, что Богу не угодно, и не делать того брату, что сам ненавидишь; затем хранить сердце свое от

похотной сласти и скверного разжжения, твердо соблюдать ум от помыслов, чтобы всегда содержал он сердце в смиренномудрии. От сего уже рождается молитва, которая побеждает и уничтожает множество страстей и лукавых духов и благодать умножается. Как пост, и молитва Иисусова служит очищением и крепостью трезвению и вниманию, так трезвение составляет достоинство, святость и опору молитвы. Трезвение называется иначе чистотою ума, нечистота же ума — скверные помыслы, а нечистота сердца — разжение и похотная сласть. Не может сердце устоять в чистоте, чтобы не оскверниться, если не будет сокрушено постом; невозможно и хранить святость без поста, не подчинится и плоть духу для духовной деятельности, и самая даже молитва не возвышается и не действует, потому что естественная потребность превозмогает и плоть понуждается разжигаться; от разжжения же плоти восстают мысли и оскверняется ум; от мыслей же сердце возбуждается и оскверняется, а чрез это благодать удаляется и нечистые духи имеют дерзость властвовать над нами, сколько хотят, понуждают плоть на страсти и направляют ум, куда хотят, или, как бы веревкою связавши, держат его неспособным к духовным желаниям и действиям. Без этого демоны не могут нас победить; ибо лукавые прежде стараются чем то ни было привести наш ум в помрачение и забвение и потом уже ввергнуть нас в греховную пропасть. Но мы будем всегда держаться поста, как тихого пристанища от мысленной вражеской сети; ибо пост очищает тело; питает и укрепляет молитву, делает ее сильною, и как пламень огня она из уст восходит. Соединяемая с постом, трезвенная молитва опаляет бесов, так что они, как бы к горячей печи, не могут приблизиться и сделать пакость целомудренной душе.

Слово 24

О молитве Иисусовой, которая скоро вселяет благодать и удобно спасает душу

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!», — если кто с желанием и непрестанно, как дыхание из ноздрей, творит молитву сию, вскоре вселится в него Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух и обитель в нем сотворит, и пожрет молитва сердце, и сердце — молитву, и станет человек день и ночь творить сию молитву и освободится от всех сетей вражиих. Говорить же молитву Иисусову должно так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Стоишь ли, сидишь ли, ешь ли, путешествуешь ли, другое ли что делаешь — постоянно говори сию молитву, усердно понуждая себя к ней, ибо она поражает невидимых врагов, как воин крепким копьем. Напечатлевай ее и в мысли своей; не смущайся тайно творить ее и в нужных местах. И когда изнеможет язык и уста, тогда одним умом молись. От молитвы, произносимой долговременно языком, истекает умовая, а от умовой — сердечная. Когда же изнеможет ум от непрестанного напряжения и сердце возболзнет, тогда можно немного попускать их в пение. Произносить же молитву Иисусову вслух, негромко, настолько, чтобы самому себя слышать. Не должно во время молитвы уклоняться мыслью туда и сюда к житейским тленным вещам, но пребывать неленостно в памяти сей только молитвы; ибо молитва есть нечто иное, как отчуждение от видимого и невидимого мира. Посему должно затворять ум свой в молитве. Где стоит тело, там и ум да будет с нами, не имея никакого помышления во время молитвы. Святые отцы

говорят: «Если кто устами молится, об уме же небрежет, тот напрасно трудится, ибо Бог внимает уму, а не многоречию; умная молитва не допускает иметь в уме какое-либо мечтание или нечистую мысль». Если кто не навькнет умной Иисусовой молитве, не может иметь непрестанной молитвы. Если же кто навькнет молитве Иисусовой, и она соединится с сердцем, тогда подобно источнику потечет сия молитва на всяком месте, при всяком деле, во всякое время, всегда будет возбуждать человека бодрствующего и спящего; когда начнет тело спать или дремать, и тогда она возбуждает его, исторгаясь извнутри и никогда не уничтожаясь. Посему велика эта молитва, никогда не оставляемая, так что при ней, хотя уста изнемогают и дремлет тело, но дух никогда не спит. Когда исполняется прилежно неотложное дело, или сильно насилуют помыслы ум, или одолевает сон, тогда нужно усердно молиться устами и языком, чтобы ум внимал голосу; когда же ум в тишине и спокойствии от помыслов, тогда можно им одним молиться. Этот путь молитвенный — скорейший ко спасению, чем посредством псалмов, канонов и обычных молитв для грамотного. Что совершенный муж пред отроком, то сие молитва пред грамотнословесием, т. е. молитвою искусственно писанною. Умносердечная молитва — для преуспевших; для средних — пение, т. е. обычные церковные песнопения и для новоначальных — послушание и труд. Молитва эта требует трезвения, воздержания, удаления от людей, всякого безпопечения и безмятежия, от коих возрастает и утверждается истинная молитва. Если кто не отринет сих препятствий, не может содержать и непрестанной молитвы.

Слово 25

О том, чтобы никогда ни о чем не заботиться

Все досаждения и скорби причиняют нам бесы; они хитро подводят безвременные заботы и различные сети для того, чтобы отвлечь наш ум от молитвенного созерцания, то есть стараются сделать ум наш праздным, незанятым делом спасения, отторгнуть его от высокой молитвенной любви Божией. Если бы возможно было им, дали бы царство и богатство всего мира, только бы заботливостью отвлечь ум наш от памяти любви к Богу, то есть от непрестанной молитвенной памяти, непрестанного моления, что есть любовь к Богу. А мы больше всего будем иметь заботу об этом и не оставим молитвенной сладости. Все попечение возложим на Бога; Он исполнит все наши нужды. Предадим забвению все дела мира сего и не будем иметь заботу ни о чем в веке сем, ибо она связывает иноку руки и ноги и против воли влечет его к любви мира сего; как вода угащает огонь, так и печаль века сего — любовь к Богу. Посему будем внимательны и всегда усердны к любви Божией, и Господь попечется о нуждах наших; тогда явится и источник слез от сей молитвы. Если отстранимся от смущения и волнения мирского, тогда чрез внимание и хранение сердечное, сладостною становится молитва, и слезы сами собою проливаются; не с принуждением уже источает их из себя человек, но с радостью. Если кто желает, при вышесказанной молитве, исполниться горячею любовью к Богу еще до исхода души своей, пожить подвижнически и в нужде, и носить на теле своем мертвость Иисусову: быть всегда мертвым плотью и во все дни жизни своей работать без смущения одному Богу, то начало и конец всему этому — отсечь все пристрастия и похоти и всякое попечение и суету мира сего. Устранись от всякого человека, мол-

вы и смущения, проводя птичье житие и нисколько не заботясь о суетных; все останется на земле, ибо мы живем здесь в гостях, как сказал апостол: *наше житие на небесах* (Фил. 3:20); попечемся только о душе, и во всякой нужде имей попечителем Бога; нигде, никогда, ни в какой нужде не оставляет Бог несомненно надеющихся на Него всецело и работающих Ему всем сердцем в любви к Нему. Если проживем в надежде на Бога — хотя и один день и так скончаемся, то это лучше многих лет, проведенных в двоедушии; нигде не писано, чтобы уповающие на Бога оставлялись. Ибо невозможно спастись, не оторвав своего ума от суеты и всякой заботы и не собрав его в одно место. Единый ум или Христу всецело предать, или суетному попечению. Всякое помышление и забота, преждевременные и отвлекающие наш ум от молитвы, происходят от бесов. Желаящий спастись и угодить Богу пусть отвратится от всего земного и проживет, как одна из птиц; пусть изберет отдельное подходящее место и пребывает наедине или с духовным своим чадом, переносит недостаток в телесных потребностях — пище, одежде и вещах; в недостатке душа смиряется и умиляется, а ум возвышается; когда человек ничего не видит у себя, легче терпит телом, радуется душою о будущих наградах. Где же изобилие во всех потребностях посреди многих братий, там невозможно сохранить ум невозмущенным, потому что требует послушания и оставления своей воли и исполнения во всем повеленного.

Слово 26

О непрестанной молитве

Что должно сделать, чтобы ум всегда был занят Богом? Если не приобретем трех следующих добродетелей: люб-

ви к Богу и людям, воздержания и молитвы Иисусовой; то не может ум наш вполне быть занятым Богом; ибо любовь укрощает гнев, воздержание ослабляет похоть, а молитва отвлекает ум от помыслов и прогоняет собою всякую ненависть и высокоумие. Будь же постоянно занят Богом, ибо Бог всему научит тебя и откроет Святым Духом вышнее — небесное и нижнее — земное. Аминь.

Молитва Живоначальной Троице: Отче Преблагий, и Сыне Пресвятый, и Душе Святый: Троице Святая, Неразделимый Боже, спаси меня грешного!

Слово 27

Четыре связующие добродетели

Основание всем благим в следующем: сидеть в своей келлии, приобретать непрестанную молитву, воздерживать чрево и язык. Нерадящий о сих четырех добродетелях пусть знает, что не только эти погубляет, но и всем добродетелям разрушает основание и открывает источник страстей и бездну смущения. Келлия иноку — что гроб мертвому: мертвый никогда не движется во гробе, и инок, сидя в келлии своей, никогда не согрешает, будучи свободен от трех доводов ко греху — зрения, слушания и разговора; только Бог в нем пребывает и добрые дела. Молитва же отвлекает от всех помыслов, так что все в мире сем считается как прах и пепел. Когда душа ощутит сладость молитвы, тогда ни во что считает жизнь, не желает красот и сладостей, забывает о себе и всех живущих на земле. Посему должно исполнять молитвенное правило и крепко понуждать себя к молитве. Когда же изнеможем, тогда нужно приниматься за рукоделие, чтобы не овладел нами сон. Если ночью во время молитвы нападет сон, тягость очей,

тогда при огне должно бодрствовать и не склоняться к низу, но смотреть прямо на икону. Удерживание чрева от пищи, то есть пост и воздержание, подает бодрость, легкость телу для совершения добродетелей; воздержник подобно орлу летает, не чувствуя плоти. Воздержание языка избавляет от следующих пороков: клеветы, смущения, празднословия, лжи, окаменения сердечного без умиления, уныния, тщеславия, показывания своего подвига. От многословия происходит погубление добродетелей, разорение, безмолвие и прочие бесчестные страсти. Молчаливый страшен бесам, потому что они не видят сердечные тайны у совершенных, когда не говорят устами. Любящий же многословие не избежит греха. Если все дела греховной жизни положить на одну сторону весов, а молчание на другую, то найдем, что оно перетянет их. Видишь ли, скольким добродетелям бывает помощью пустынное отшельничество и воздержание языка, и сколько худого они уничтожают! Начало, прочность и конец, корень и основание пустынной безмолвной жизни — многая молитва; а трезвение, немечтательность ума и алчба — помощники сему. Без этого человек склонен бывает на увлечение помыслами, сон, лень, рассеянность, уныние, расслабление, и понапрасну он тратит время. Кроме сего, ему требуется горячая, непоколебимая вера и упование на Бога, терпение, постоянство, утвержденное мужеством, беспопечение о всех предметах благословных и неблагословных, потому что ум, занятый предметами, заботится, мечтает, рассеивается, прилепляется к ним, и от этого погашается теплота сердца, сладость молитвы, духовная горячность и ревность; ум в нерадении дремлет и забывается, и человек праздно губит время, забывает о смерти, муке и Царствии Небесном, дремлет и телом, и спит мрачным сном, а душа одна не можете

бороться со сном, будит и поднимает от сна плоть без возбуждения и содействия ума, то есть трезвения и сердечной молитвы. Человек или укрепляется и приходит в совершенство от умного возбуждения и от сердечного делания, или ослабевает и одолевается от страстей и часто страдает от бесов. Ибо, кто пребывает в десных, то есть сердечном делании, сохраняет ум от скверных помыслов и сердце блюдет, то в таковом пребывают святые силы и помогают ему; если же кто остается в шуиих, того одолевают противные силы. Многие святые отцы так говорили об этом: «Если пребывать спокойно в келлии (а келлия всему научит) с возбуждением и возгреванием себя самого, трезвенно и усердно всею душою, умом и сердцем быть занятым одним Богом, от всего удаляться и сохранять свой ум трезвенным и немечтательным в помыслах, воздерживаться в пище, непрестанно и прилежно заниматься молитвою Иисусовою, — если так пребывать в келлии, то как бы остном будет уязвляться тогда душа и сердце, и ум ревностию озаряется». Безмолвие есть не отвлекаемое служение и предстояние Богу. Если человек, когда, исполнив все это, чего никогда не испытал, вкусит сладость любви к Богу, именно от молитвы Иисусовой, тогда избегает народа, как дикий осел, и тогда познает пустынное безмолвие и получит пользу от отшельничества.

Слово 28

О том, чтобы заботиться о внутреннем,
в излишние же попечения не вдаваться,
но непрестанно молиться Богу

Смотри, инок, будь внимателен к хитрым замыслам лукавых бесов и трезвься умом! Лукавые бесы когда

видят человека в хорошем настроении, со слезами творящего молитву и добродетели, тогда напоминают ему о каких-либо делах по келлии, говоря: «это дело необходимо, смотри, исполни его»! Сегодня это, завтра — то, или другое, или десятое; или: «иди и посети брата», или: «иди туда и сюда», или заставляют припасать излишнюю пищу и другое и иное всячески предлагают, беспокоят и тревожат его. Для того это делают они, чтобы не был он свободен для Бога и не насытился бы слезным умилением плача. Ты же, подвижник и воин Христов, познай обман лукавых бесов и смотри, что они делают, чтобы каким-либо образом не обманули тебя. Ибо как невозможно смотреть одним глазом на небо, другим — на землю, так нельзя человеку заботиться о душе и теле. Как источник не может одним течением изливать сладкую и горькую воду, так невозможно человеку и Богу работать и о теле заботиться; невозможно мамоне работать и Богу угождать, невозможно это, ибо одного возненавидите, а другого возлюбите, как раб, служащий двум господам, не может обоих любить. Таким образом не должно нам считать для себя вечным никакого другого предмета, кроме одного бессмертного Создателя нашего: Ему работать, для Него малое это время употреблять, на вечное уповать. Поэтому самому святые отцы заботились только о нынешнем дне; о завтрашнем же, касательно всякой вещи и нужды, заботу возлагали на Бога, предавая в руки Господни душу и тело; да Сам Он промышляет о жизни их и заботится о всякой потребности. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54:23); только Им одним будь непрестанно занят; ибо Он всегда слышит день и ночь взывающих к Нему; особенно же взирает на непрестанную молитву их. Если же мы сами о себе заботимся, то Бог не заботится о нас; если сами

мстим, то Бог не отомщает за нас; если сами себя освобождаем от болезней, то Бог не исцеляет нас. Когда же восприимем упование, упразднимся для молитвы, бросим попечение, тогда приходит нам на ум память смерти, и пришествие Христово, и возгорается сердечная теплота, очищается и просветляется ум, и душа наша услаждается умилением и пребывает в страхе Божиим. Когда же привяжемся к излишнему рукоделию и попечительности, тогда все забываем; и память смертную и пришествие Христово, и теплота сердца погашается, и светлость ума помрачается, и умиление и страх Божий отходят от души, и удаляется она от Бога чрез излишнее рукоделие и заботу. Посему должно нам возложить упование на Бога, дабы Он промыслил о жизни нашей, и жизнь наша тогда будет согласна с апостольским словом, как сказано: *аще убо живем, аще умираем; Господни есмы* (Рим. 14:8), т. е. если живем в надежде на Бога, как и Господь сказал: *веруй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живой и веруй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11:25–26). Если же заботимся о завтрашнем и печемся о сладостях и в том потратим сие малое время, то когда же будем свободны для Бога? Ясно, что оставим Его и отпадаем от Божественной любви Его и лишимся всех добродетелей, и Им Самим будем оставлены, лишимся славы Его, и будет наша жизнь в надежде на себя таковою: или живем, или умираем, живем греху и умираем для муки. Да не свяжемся как-нибудь мало-помалу сею пагубнейшею заботою; иначе и земных благ лишимся и будущих не получим. Однажды навсегда мы отрелись земных вещей, мирского мудрования; предадим же забвению всякую мирскую прелесть; пренебрежем все прелестное и презрим все временное века сего; и так приступим к одному Господу, день и ночь

будем служить Ему в страхе, от всех в мире сем нагими быть и иметь птичье житие. О, инок! Разве не считаешь все, находящееся в мире за ничто, а заботаешься о необходимых потребностях телесных? Все тленно и имеет конец; благоденствие мира сего или покой телесный — суета сует. О, инок! скажу тебе полезное слово, что ничего нет нужнее каждому своей души; и самое тело наше будем иметь, как чужое, ибо — смертно и тленно. Кроме Бога только одна душа наша бессмертна и нетленна. Положившийся на Бога поистине не заботится о плоти, — чем ее питать, одевать, не собирает имение на случай голода и не страшится ничего — ни зверем быть съедену, ни убиту, но все это по заповеди оставляет, ибо имеет во всем попечителем и помощником Бога. Если кто не возложит всего себя на Бога, — и в необходимых телесных нуждах и во всякой скорби не будет говорить: «как Богу угодно», — не может спастись. Терпящий же скорби, мало-помалу возвеселится при исходе своей души и по исходе возрадуется неизреченною радостью. Когда болеем, получаем раны или к смерти приближаемся и умираем, или терпим недостаток в необходимых потребностях и никого не имеем, кто бы помиловал нас; и если при этом скажем: «как Бог хочет, так да сотворит с нами», — то этим одним посрамлен и побежден будет диавол, враг наш.

На всякий час ожидай кончины своей и пришествие Христова и говори: «теперь постараюсь о своей душе, вечером могу умереть»; когда придет вечер, подумай: «не в эту ли ночь скончаюсь — или внезапно придет смерть, или дерево поразит меня, или жилище обрушится и убьет меня, или дыхание вдруг остановится и, как цвет отпадает, увяну я и, как трава высыхает, умру и потом без вести останусь; Бог один знает, где я тогда

буду находиться; ибо Он судит каждого по делам, говоря: “туда его определяю”». Так размышляй на всякий день и ни о чем не заботься, только о грехах своих, и таким образом душа твоя войдет в смирение и плач и за страшного грешника будешь считать себя и непрестанно источать источники слез. В потребностях же, одежде, посуде и вещах, соблюдай простоту, худость, скромность, — не потому, что не на что купить, а потому, что этим душа смиряется и не удаляется от Бога, — и везде удобно найдет их; и просто сказать, в этом поступай так, чтобы ни в чем не обличала совесть. Не презирающий всякую вещь, и славу, и телесной покой, и еще самооправданий в чем либо, не может спастись. О, человек! внимателен будь к своей душе, потому что она одна у тебя, и одно время жизни твоей, и неизвестен конец — смерть, и непроходима и наполнена твоими врагами воздушная пучина. Не будет тогда другого помощника кроме добрых дел; внимай себе, чтобы не каяться тебе на бесконечные веки. Непрестанно молись и провождай день за днем во внимании, ко спасению своей души, о телесных потребностях промышляй самое необходимое из них. Забыл, несчастный, твое обещание и первую ревность в том, чтобы только непрестанно молиться, и попечение всякое возложить на Бога, дабы Он промышлял о всем, о пище же и одежде, и в скорбях, когда подобно бесплотно мужался ты. Не знаешь ли, бедный, что насколько святые оставляли всякую суету и заботу сего мира, настолько Бог исполнял их нужды и недостатки; как неистощимое сокровище имели они божественную помощь. Насколько же суетится человек, настолько и Богом оставляется. О, человек! Вспомни час смертный и муку вечную, вспомни жизнь бесконечную, несказанную красоту и славу, которую от века приготовил Бог любящим Его, избран-

ным Своим. Вспомни прошедшее время свое и годы, которые потеряны были в суете мира сего; можешь ли возвратить из них хоть бы один день или ночь; равно если придет конец жизни твоей, можешь ли ты прибавить или выпросить на покаяние хоть один час. Захотим взыскать худо потраченное время нашей жизни и не найдем. Итак, познай прелесть лукавых бесов; будем трезвиться умом и о суетном небрежь, когда тело взалкает, тогда и пищу найдет, так и в прочих потребностях; ибо как пузырь на воде пропадает, так каждая вещь мира сего истлевает. Невозможно Богу работать и мамоне. Но лукавые бесы внимательно и неотступно наблюдают за нами, к чему мы склонны, — к тому и побуждают нас; замечая наше греховное желание, помрачают наш ум и день за днем крадут наше время, и, как воры, тайно проникают в нашу мысль и понуждают нас заботиться о тленных вещах, а Бога и душу свою оставлять, и влагают в наше помысл: «это, или то дело весьма нужно, сделай его сегодня или завтра»; тогда как оно нисколько не нужно. О, человек, будь к сему внимателен и блажен будешь! Послушай апостола Павла, говорящего: *непрестанно молитесь* (Сол. 5:17), — во всякое время на всяком месте. И если скажешь: «невозможно постоянно молиться, ибо тело ослабеет в службе». Не о том он говорит, что только в стоянии идет время молитвы, но о том, чтобы всегда молиться, как то: ночью, днем, вечером, утром, в полдень; и на всякий час, работая, ядя, пия, лежа, вставая, говори: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И не ожидай для молитвы определенного времени — года, месяца, недели и не делай различия мест, ибо не в месте и времени, а в уме представляется Божество, и на всяком месте владычество Его.

Слово 29

Чем сохраняется трезвость ума, отчего
происходит сонливость и холодность
нашей мысли, угашающая святую теплоту
в душе и усердие к Богу?

Хранит эту святую теплоту мысль трезвенная, горячая ревность, чтобы мужественно и терпеливо на каждый час всеми силами ограждать свою душу от расслабления. Эта ревность устраняет всякое сопротивление, дремание, леность, тяготу, расслабление и уныние. Эта ревность укрепляется, возбуждается, разгарается и бывает охраною дома добродетелей. Вместе с тем должно исполнять обычные поклоны, рукоделие и прохладяться на воздухе, ибо от этого большая помощь и сила против сна, лености, тягости и расслабления. А на молитву нужно становиться в свежем месте, т. е. прохладном, потому что тогда кровь не приступает в ноги, это только не для немощного и болезненного телом, но для здорового. В теплой же комнате нападает дремота, сон, леность, тягота, расслабление, и это стесняет и одолевает подвижника. Ничто так не томит уединенных пустынножителей, как эти немощи. Впрочем, будь внимателен к себе самому: от молвы рождается многословие; от многословия — празднословие; от празднословия — праздность; от праздности — лишение добрых дел, и впадает тогда человек во всякое зло.

Слово 30

О сне. Как должно бороться со сном
желающим хорошо потрудиться ради Бога
в уединенной жизни

В пустыне, в уединенной жизни, шесть сильных борений: леность, уныние, сон, отчаяние, тягота и страх. Ради шести сих страстей святые отцы возбраняют жить одному. Воистину сон губительнее и лености, и уныния, и отчаяния, так как от него происходят эти последние и многие другие страсти. Тягота же и страх временем борют. Как назову его (сон), — не леностью ли, когда кто-либо спит ненасытимым сном. Когда мрачной сон одолеет, тогда подвижник унывает и скорбит о погибшем времени; потом приходит отчаяние о утрате душевного спасения; является уязвляющий совесть помысл, говоря: «напрасен твой труд, так как овладел тобою сон». Великое, братие, бедствие есть сон: как мгла покрывает солнце, так многий сон закрывает созерцательную силу ума и как завесу налагает забвение на ум, которой становится от того не чувствительным ко всему доброму духовному и непамятлив. Задремал страж, — разбойники напали; когда ум не чувствует, и все бывает мрачное и страстное. Бесы как тьмою ум омрачают и как водою погашают огонь, так дремотою и сном они одолевают для того, чтобы иметь возможность лишить душу всех добрых дел и навести на нее страсти. Все усилие и старание бесов против нас состоит в том, чтобы отвлечь наш ум от Бога и непрерывного подвига. Для сего они силятся всяким образом, всякими предложениями удержать нас в суете века сего, или хотят погрузить нас в сон, чтобы окрасть время чрез праздное пребывание. Один сон, но много причин его бывает: от естества, когда мы имеем по-

требность, от обеядения, мечтательности ума, молвы, смущения, скорби, бесовской зависти, уныния или от излишне продолжительного пощения, от чего изнемогая плоть, хочет успокоить себя сном. Как многоядение и многопитие переходит в обычай, — кто, например, навькнет много есть, особенно же пить, много природа просит; а кто навькнет мало есть, мало тогда и природа просит; — так и сон: если кто ослабеет и не борется со сном, а хочет спать до насыщения, много тогда и природа требует сна. И таковой всегда как во тьме проводит жизнь, постоянно имея ум мрачным, и не занят деланием добродетелей. Если же кто навькнет мало спать, мало и природа тогда сего просит. Очень пагубна привычка ко сну неумеренному; кто приобрел сие от юности, пусть таковой потрудится и понудит себя против нея в начале отвержения мира. Если кто хочет победить сон во время стояния, сидения и лежания и приучит себя к бодрости, то требуется много воздержания, трезвения ума, непрестанной молитвы Иисусовой, невозмущаемого безмолвия, горячей ревности, чтобы на всякий час оградить свою душу от расслабления терпением. Пусть и память смертная спит и восстает с тобою, тогда тело против своего желания последует за душою. Ничто так не помогает против сна, как следующие четыре добродетели: воздержание, трезвение, молитва Иисусова и память смертная; эти добродетели называются бодрым и трезвым стражем. Без этих четырех добродетелей бывает душевной дом сном и мечтательностию. Не терпит голодное чрево на одре своем всю ночь лежать, и не помирается глубоким сном имеющий трезвый ум, и не замедлит на одре чувствующий сладость молитвы, и не обленится вспоминающий о своем положении во

гроб. Четыре вышеуказанные добродетели всегда возбуждают дух. Будем же бодрствовать, воздерживаться, трезвиться, творить молитву Иисусову и иметь память смертную, и сим вооружимся против сна; ибо если кто и бодрствует днем, а указанных добродетелей не имеет, то впадает в многообразное зло. Посему требуется продолжительное бодрствование, воздержание, трезвение, твердое стояние на молитве и память смерти, чтобы мало-помалу уничтожился сон. Когда, стоя на молитве, изнеможешь, тогда присядь на стулец среди келлии, а на стену несколько не опирайся, потому что станешь дремать, то начнешь шататься и пробудишься. Если за молитвою дремлешь, тогда берись за книги и борись; если и книги не дает сон читать, тогда возьмись за рукоделие и молитвою оградись. Знаю, что одною молитвою без рукоделия не поборешь сна, а одолен будешь им. Бесы же понуждают нас присесть и без нужды, под предлогом изнеможения и запрещают рукоделие принимать и тотчас после некоторой малой бодрости внезапно наводят как тьму глубокий сон и так омрачают и погружают в беспмятство. Поэтому, любезной подвижник, не слушай их; без книги и рукоделия никогда не садись; не потому, что нужно рукоделие, но для того, чтобы поставить противодействие сну. На всю ночь в распятии должно стать против сонной сласти, всячески противиться, а не оставаться в лени. Прежде исправь обычное молитвенное правило, понуждая себя твердо молиться, потом отдохни немного за рукоделием, чтобы не предаться сну; ради немощи рукоделие признается необходимым. Оттого еще сон очень укореняется и возрастает, что за первым пробуждением человек, обратившись, опять засыпает, как теленок ленивый, или как свинья, желающая всег-

да валяться в грязи. Тогда от такого ангел Божий отступает, и он впадает в руки противных врагов, и они удерживают его во вне, сколько хотят, показывая ему всякие мечты и приведение. Если ты встанешь от своего ложа, и опять начнет томить тебя сон от бесовского наваждения, то мужественно вскочи, как от огня, или как от ядовитой змеи, или как от рыкающего льва, хотящего пожрать тебя. Противостань сну подвижник и, восстав, освежись на ветре, держа в то же время и молитву. Живущему в одиночестве не нужно спать в конце дня или ночи, ибо от сего бывает с ним большая тягота и потому еще, что в конце дня святой Ангел-Хранитель наш приходит на поклонение Богу, отдавая ответ о наших делах, как пишет о сем некто из отцев. Но должно отдохнуть или прежде или после зари; как и птица, если проспит зарю, то не может, как говорят некоторые, летать. Враги часто понуждают нас и не вовремя спать, говоря во уме: «приляжь хоть немного и опять встанешь», чтобы чрез это некогда было и книги читать или за рукоделие приниматься. Если слушаешь их и ляжешь, то много времени погубишь. Такова привычка ко сну: когда кто привыкнет спать прежде времени, тогда и сон увеличивается; когда же пропускает кто время сна, пока сам ослабеет, тогда сон уменьшается и на рукоделие время остается. От многого сна и объядения тело бываете слабо, более тяжело и нездорово. Если очень ты одолеваешься сном, то спи в одно определенное время или на вечер или ночью, в теплом или холодном месте, где меньше спится, а в тепле берегись, не утори; в прочее же время не ложись спать, но бодрствуй. Мера сна в nocturnitas, то есть в сутки: новоначальным — семь часов, средним — четыре, совершенным — два часа и

всенощное стояние. И всегда днем и ночью следует, сколько возможно, бодрствовать и крепиться. Вот — ангельское бдение: поспавши первый сон, вставать в то время кажется и тяжело и больно, как бы все члены больны и расслаблены, когда же человек укрепитя, встанет и проходится немного на ветре, то исчезнут все болезни и тяготы; и весь день будет он весел и радостен, что не поленился. Поступай так и победишь сон. Когда не можешь поступать по вышеписанному; ибо никто не можете победить сна, пребывая наедине, если не противостанет ему всею своею силою, — так как таковой не имеет сподвижника и наставника из людей, то необходимо самому иметь мужество и страх Божий. Поэтому многие святые сидя принимали мало сна; некоторые, стоя на молитве, моргая очами, смотрели, или прислуживали святым; а ты, любящий спать, хочешь одолеть сон; нет, не так! Если же не победим сна, — напрасен будет труд наш. Почему это, когда бываем вместе с братьями, то бодрствуем и крепимся из-за стыда, а когда находимся одни, тогда побуждаемся сном и не крепимся? Очевидно потому, что пусты и не имеем добрых дел и страха Божия. Отцы святые до тех пор крепились от сна, чуть на землю не падали. Один из отцев поставлял свечу, привязывая близ нея веревочку с тяжестью; когда догорала свеча, перегорала веревочка и тяжесть ударяла в медную звонкую вещь и пробуждала его. Другой имел весьма узкую кровать и когда хотел повернуться (во время сна), упал вниз. Некто клал на руку камень, и когда камень падал, то пробуждал его. Мужество и терпение — мать всякому доброму делу. Посему, братия, мы должны мужаться и терпеть, и укрепит нас Господь Бог во веки. Аминь.

Слово 31

О том, чтобы молиться с великим вниманием во псалмах и молитвословиях

Делая, храни, человек! То есть, внимательно молясь, храни себя с великою осторожностью, чтобы молиться во псалмах и молитвословиях со страхом, радостью, горячим усердием и низким поклоном божественной иконе. Ибо найдешь в псалмах и поучение, и молитву не краем языка только произноси, но молись от всего сердца; соединяй во одно: и тело и душу и ум. Если кто и трудился безрассудно, т. е. не внимая себе, таковой не имеет награды от Бога, но даже и прогневляет Его. Как наполняющий худой сосуд водою, не может никогда наполнить его, так и молящийся без внимания не получит награды. Требуется не просто проговорить псалом или сотворить молитву, как бы исполнить свой обычный урок; но псалмом и молитвою должно молиться Богу от всего сердца и постоянно в умилении душевном, с чистою мыслию. Бог не требует количества установленных псалмов и молитвословий, а внимает несмущенному и твердому уму нашему. Ибо многие тысячи молитв совершают языком, умом же помышляют суетное, скверное и нечистое; и как Бог услышит и послушает таковых? Сам ты не знаешь, что творишь, о, человек! Не множества молитв хочет от нас Бог, но чтобы со страхом Божиим и умилением становились на молитву, как и ангел Господен повелел великому Пахомию. Старание твое должно быть не о количестве, но о глубоком рассуждении и внимании, чтобы все было принято Богом, что исполнишь. Не все малое мало, и не все великое велико и совершенно. Но приобрети пост и страх Божий, прими печальный и скорбный вид, то есть стой на молитве умиленно, скромно

и, представляя себя быть пред Престолом Божиим и считая себя землею и пеплом, пауком и муравьем, а дело свое — паутиною, чувствуй себя как судимым от Бога, преступившим заповеди Его и соделавшим все злое. Ноги должно держать прямо, ступни вместе сжаты и не поступать с места на место, руки прилично положить на груди. Подобно тому, как осужденный на смерть предстоит пред судьбою, не смея смотреть туда и сюда, так должен и ты стоять пред Богом, Которому ангелы предстоят со страхом и прославляют Его в непрестанных песнях. Ибо не дремлющее Око день и ночь смотрит, что мы делаем, что помышляем или как живем, на кого возлагаем надежду во всякой скорби и нужде, — на человека ли или на Его щедроты. И как хочет Великий Владыка и праведный Господь наш, Иисус Христос Сын Божий, истинной Бог, и так может избавить нас от всякой напасти и беды. А себя считай хуже всякого человека и всякой твари, и дело свое почитай неуютным Богу. Без этого же тайное бесстрашие возбуждает хульно высокоумие. По вере нашей и Бог помогает нам во всякой нужде. Если сильнее надеемся и уповаем, сильнее и Бог помогает нам.

Слово 32

О смущении и страхованиях бесовских

Во время умных бури и мрака, когда бывает особенно тяжелое время для живущего в одиночестве, полезна непрестанная молитва; рукоделие с молитвою также служит большою помощью; или просто проспать то тяжелое время, не задумываясь и не печальясь, и тем избавиться от вреда. Во время сильного вражеского смущения, когда душа страшится, должно псалмы и

молитвы произносить вслух, или с молитвою соединять и рукоделие, чтобы ум внимал тому, что исполняете, и ничуть не обращать внимание на смущение и не бояться, ибо с нами пребывает Господь и ангел Господень никогда не уступает от нас; иногда можно прохладиться на ветре, — и от всего этого бесы тотчас отойдут. Особенно противятся бесы Иисусовой молитве, потому что ничто так не вредит им и не повергает их в уныние, как молитва сия. Очень страшна бесам молитва Иисусова, ибо как огонь пополяет терние, так молитва сия, соединенная с постом, опаляет и прогоняет их. Посему они и усиливаются отнять ее, но немного побеспокоивши, как дым в воздухе, исчезают и бывают невидимы. Если готовишься к молитве, готовься к брани бесовской и твердо вооружись, чтобы мужественно претерпеть находящую от них брань. Как дикие звери войдут они против тебя и всему твоему телу причинят страдание; ибо большое смущение делают бодрствующему и прилежно занимающемуся молитвою, так как видят оружие то, уничтожающее силу их и, не терпя его, с болезнью и трепетом исчезают. Господь Бог да поможет нам и да сохранит нас Своею благодатию во веки. Аминь.

Слово 33

О том, чтобы терпеть напраслину
и всякое укорение и досаждение

Строго берегись и будь внимательна, душа моя, потому что последние времена уже наступают, и требуется для тебя особенной подвиг и терпение от бесов и людей — посреди людей от видимых, а в пустыне от невидимых врагов. Никто никогда не принимает венец

жизни без страдания, не победив врага; если же кто войдет против борца и победит его храбростью и мужеством своим, тогда получает честь и славу и светлый венец. Так и ты, душа моя, должна крепиться и претерпевать всякую досаду, бесчестие и всякое укорение прими с радостью, и не только без возношения и самооправдания, но даже прощения проси, так как всякое оскорбление, досада, поношение, злословие, укорение и всякое презрение и напраслина доставляет человеку смирение и благодать. Если не претерпеваешь всего этого, но огорчаешься, возносишься и гневаешься на оскорбителей, то не можешь придти в совершенство и спастись, ибо это дело новоначальных, страстных, малодушных и слабоумных; совершенным же свойственно принимать все это с радостью и претерпевать с благодарением. Когда сам враг не может кому-либо из нас, как-нибудь досадить и попрепятствовать в добром житии, тогда наводит непосильные скорби — наущает против нас некоторых подходящих для него людей, чтобы чрез них, как свое орудие, победить нас, то против самого же врага будет похвальная наша победа — терпеть ради Царствия Небесного наносимые им скорби, чрез досаждение и напраслину и уничтожение от людей. Вспомни от века святых, которых недостоин весь мир, бывших в лишениях, скорбях, гонениях, притеснениях. Ты же какой новый путь хочешь установить, которым думаешь спастись. Если не можешь трудиться по-отечески, то по крайней мере, по-отечески разумно терпи. Не мала эта, лучше сказать, больше всех добродетелей: если кто терпит напраслину или досаждение Бога ради с благодарением, — не малое дело творит. В этом смирение и любовь, чтобы терпеть скорби от брата. Этим одним многие спаслись, особенно этот путь принадлежит юродивым, ибо они

много терпят напраслины. Великое дело — юродство Бога ради, ибо оно обнимает все добродетели; из всего житейского они ничего не имеют у себя, только одно терпение всеусердно приобретают и тем все скорби преодолевают. Так, душа моя, в нынешнее время лучше этого нет пути ко спасению. Будь глух, нем, слеп и как бы нечувственным ко всему житейскому и от самых людей как безумный уединяйся, и считай себя ни к чему не способным, как бы юродивым Бога ради. Желаящий быть мудрым и разумным в этом мире, буйим (неразумным) пред Богом пусть будет всем слуга. Соломон, укоряя себя в излишнем мудрствовании, сказал, что оно суетно, и что тот блажен человек, который стяжал страх Божий, смирение и любовь, то есть непрестанную молитву; таковой стяжал истинную мудрость мира и богатство. Спасает же нас вера без всякого греховного порока. Как вера без дел мертва, так и дела без веры мертвы; где правая вера и добрые дела, там полная праведность. В нынешние времена требуется человеку самого себя учить, себе самому внимать во всякой добродетели. Воздыхающий один час о душе своей лучше пользующего весь мир. Если себя спасем — довольно есть нам. Каждый, делая что-либо из добродетелей, спасает себя одного; если же кто весь мир спасает, а себя погубит, то какая ему от этого польза? Все мы знаем, как спастись, но по лености не хотим, спасай же себя самого! Не всякий даст ответ в том, что не наставлял других, но те, которым дано, им и должно до смерти страдать и полагать душу свою за стадо; о себе же самом каждый даст ответ. Если и великие иноки по смирению убегали начальства, и славы, и того, чтобы учить других и носить чужую тяжесть, как повествуют о них священные повести, но о себе только заботились, — то тем более нам, грешным и немощным,

нужно избегать такового дела, ибо этим повредим и себя и ближних. Вместо же многих, о себе попечемся. Ныне некоторые люди не принимают доброго учения и отеческого жития; но более того, еще смеются над подвизающимися хорошо: живут по своей воле и избирают себе подобных учителей. Поэтому некоторые, поучая других, себе тем повредили; от такового устройства других разоряем свое основание и охлаждаем душевную теплоту. Довольно нам о себе заботиться только, о своем спасении. К братнему же недостатку, видя и слыша, относись как слепой, глухой и немой, — не видя, не слыша и не говоря, как грубый умом, не понимая, не показывая себя мудрым; но к себе будь внимателен, рассудителен и прозорлив. Если кто, желающий спастись, видя и слыша всякое досадительное слово, не сделает око свое слепым, ухо глухим и язык немым, не может быть без смущения и в душевной тишине. Когда же будешь кем-либо допрашиваться, не допускай себе оправдываться или противоречить, но скажи со смирением: «прости меня Бога ради» и остальное молчи. Ибо Господь наш Иисус Христос показал пример смирения, как написано: *яко овча на заклание ведеса, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзаешь уст Своих*. Во смирении Его суд Его взятся: *род же Его кто исповест* (Ис. 53:7–8). Так должен ты, человек, подражать своему Создателю; так должен быть безответным пред оскорбляющим тебя, как бы имея в устах воду или не имея языка; только говори: «прости», считая себя достойным всякого мучения, помышляй внутри себя: «если целый мир восстанет против тебя, целый год дая тебе поношение и огорчение, то что тебе до людей, скверный»? Не думай, что от брата твоего ты получаешь вред в чем-либо. Само собою без него восстает в нас зло. Если и потерпишь ради будущей награды ка-

кую-либо скорбь, то во всем укоряй себя, а не брата. Во всяком деле старайся себя укорять, показывая и считая себя, что ты земля и в землю опять отойдешь. Прибери навсегда три слова: «Прости, благослови и помолись за меня грешного». Никого не спрашивай о какой вещи, которая тебе не нужна. Навыкни говорить о каждом человеке добро, а себя уничижай. В этом — великое смирение, возводящее душу из ада, отсечение страстей и великая победа и оружие против диавола. Господь Бог да укрепит нас терпеть напраслину.

Слово 34

О том, чтобы терпеть скорби

Желающему спастись не должно бояться и смотреть на лютые скорби, происходящие от бесов или от людей, потому что в человеческой жизни много изменений бывает: переменяются и люди от зла на добро и любовь. Боящийся скорбей обыкновенно приходит в слабость и малодушие. Если кто привыкнет убегать или избавляться от скорбей, или переходить с места на место, или выбирать время, и тогда начинать подвизаться, такой во все дни своей жизни не найдет места и времени для получения пользы. Должно же взирать и надеяться на милость Божию и вспоминать от века преславные чудеса Его и помощь надеющимся на Него угодникам Его, что ни в какой нужде и скорби не оставляет Бог и никогда выше силы нашей не попускает искушение, и посему должно нам с благодарением ради Бога и будущих вечных благ мужественно нести свой крест, — терпеть все скорбное в данном времени и месте. По слову апостола: *многими скорбями должно нам войти в Царство Небесное* (Деян. 14:22); этим узким скорбным

путем придем в высочайшее совершенство терпения и на всяком месте не лишимся полезного, но получим его милостью Божью и не потеряем напрасно время нашей жизни. Забудем все скорбное от бесов и людей и не будем заботиться ни о какой скорби, ни о пище; только о том пусть будет у нас попечение, чтобы настоящее время не прошло праздно, то есть без духовного подвига и молитвы. Когда же найдет на нас какая-либо печаль от бесов и людей, или скорбь, или болезнь, или беда, тогда особенно прилежно будем молиться Богу, вопиять со слезами, нисколько не рассуждая и не заботясь о том, как избавиться от той нужды, ибо всякая скорбь без Божия промысла не бывает с нами, посему возлюбим узкий и трудный путь скорбной жизни; ибо этот узкий и скорбный путь ведет в Царствие Небесное, а потому не будем избегать его в напастях, бедах, нуждах и скорбях, но мужественно будем терпеть все скорбное, трудное, неприятное, пока не получим божественной помощи.. Подобаает подвижнику, рабу Божию, быть крепким при всякой скорби, положить свое сердце как бы на твердыне, а не быть как вода слабым. Жизнь эта, как колесо вертящееся, не постоянна и не стройна; иногда бывает для человека благополучие, некоторый почет, — к сему не прилагай сердца; иногда бывает гонение от людей — тогда не печалься; иногда от бесов скорби, нападение, страсти — тогда не скорби. Все это приходит нам — и попускается Богом для нашего спасения, и опять отходит, как устроит благодать Его, чтобы наказать и помиловать нас. Ему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Если хочешь не гневаться на оскорбителя твоего, то прилежно от всего сердца молись о нем Богу и дай ему какой-либо подарок, или малое утешение; иногда сам приди к нему, когда увидишь, что он опомнился от гне-

ва, и поговори о прощении греха, узнай причину и показывай ему еще большую любовь; при встрече предупреждай его низким поклоном и каждому говори о нем, что он добр; ничто так не приводит его в умиление и смирение, как это; и ничто так не возбуждает гнев у него, как укорение его оскорбителем, и отвращение от него, и заочное злословие его, потому что слышащий может передать ему о всем. Великое это зло, и духовных затрагивает эта страсть. Таковой, спасающий себя и друга своего, поистине мудрый и совершенный подвижник и лучше много трудящегося.

Если кто думает, что он имеет любовь, но не одинаковую ко всем, а различает, отделяет нищего от богатого, немощного от здорового, грешного от праведного, чужого от ближнего, враждующего от любящего; то такая любовь несовершенна, но отчасти. Действительная и совершенная любовь состоит в том, чтобы всех считать и любить одинаково, как любящих, так и ненавидящих. Такая любовь, а с нею нераздельно и милосердие, — кратко скажу, — есть невод всем добродетелям, все заповеди Божии собою обнимает и содержит. Если кто и может сохранить все заповеди, то только сохранившие это. Потому мы и не приходим в совершенство и не получаем благодати, что не исполняем в совершенстве заповеди. Возлегшему на пречистые перси Господа сказано в Откровении: *победившему мир дам венец животный*. Победить же мир, значит победить терпением мудрование его, и страсти, и всякое зло; т. е. страдать, отставить свои привычки и волю от мирского мудрования, миролюбивой жизни, и обратиться к духовной жизни, не делать никакого зла и сохранять заповеди Божии. Ибо добрые дела — жертва Богу, и сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит, а человеческие страсти — жертва бесам. Однако человек

сотворен бесстрастным; страсти же у него бывают от произвола — делать или не делать их. Нас же да сохранит Господь от страстей.

Слово 35

О разнообразии браней бесовских и о том, как
отсечь начало прилога всякого помысла
и похоти

Внимай себе, инок, разумно и прилежно бодрым умом: когда приходят бесы, каким способом уловляют и чем сами побуждаются. Храни себя с великою осторожностью, потому что на всякий час ходишь среди страстей и сетей: повсюду окружают страсти, везде расставлены сети, да не будешь чрез страсти и сети привлечен врагом в его волю. Великая нужда настит и необходимость бороться плотному человеку с бесплотным, одному с тьмою врагов; много слез, много терпения, многого страдания и опасения и тысячи глаз всюду требуется. Ибо злобно, подобно льву, возлетают на нас злохитрые духи; погубили бы нас, если бы не был с нами Господь. Многоопытны они в искусстве уловлять, более чем семь тысяч лет, без сна, пищи и отдыха всегда, на всякий час всеми способами ищут нашей гибели, со всякою хитростью и с великим старанием. В одном оказавшись бессильными, умышляют другое, также начинают иное и высматривают другое и кругом рыскают, где напакостить и наделать зла. Или не знаешь, с кем имеешь брань, какой полк невидимых врагов окружает тебя и каждый из них ведет свою борьбу, испускают бесчисленные голоса, желают поглотить твою душу, — и ты не радеешь? Разве возможно, чтобы, упитываясь, предаваясь сну, лежанию и по-

стоянно утешаясь, при этом получить спасение? Если не будешь внимательным к сему, не избежишь сетей. Как бы в огонь вскочить пришли мы на подвиг. Если желаем быть настоящими воинами Царя Небесного и не ложными соучастниками, то удалим от себя всю молву и привязанность ко всему земному, от чего возникают умственные испарения и как туманом темным покрывают душу. Сбросим с себя всякое нерадение, и малодушие и женственную слабость, и так противостояем бесовскому коварству; потрудимся в молитвах и прочих добродетелях со всем усердием и силою, душою, сердцем, умом, подобно тому, как кто-либо быстро бежит дорогою, не оглядываясь, или какой скупой — постится. Ибо такова хитрость у лукавых бесов: они постоянно заняты нами; как сторожа подмечают наши наклонности и пожелания: о чем мы думаем и что любим, чем заняты помимо их; и какую страсть замечают в нас, к тому нас и побуждают, такие и расставляют нам сети; таким образом мы сами прежде возбуждаем против себя всякую страсть и бываем причиною ее. Потому бесы ищут в нас повода, что чрез свою наклонность и пожелание мы скорее запутаемся. Они не принуждают нас к тому, чего мы не желаем, от чего отклоняем ум, с чем не соглашаемся по своей воле, зная, что не послушаем их; они понемногу испытывают нас: не примем ли какую-либо страсть, и уже к нашему желанию и усердию присоединяют свои козни; ибо собственно нам принадлежит повод ко греху — пристрастие, слабость и небрежность, — не отсекаем начало каждой страсти; а конечная причина зла — бесы; чрез бесов впадаем мы во всякий грех, и помимо их не постигает нас никакое зло. Так бесы ввергают нас во всякую страсть, понуждают впадать во всякий грех, и мы запутываемся во всякой сети. Сетями же их называю

прилог пожеланий и скверные помыслы, чрез которые мы связываемся всякою страстью и впадаем во всякий грех; лучше сказать, это — дверь бесам и страстям, которыми они входят к нам и расхищают наше духовное сокровище. Неумеренной сон, леность, безвременное ядение бывают причиною входу бесов. Пришедши, они прежде всего толкают в двери сердечные, то есть тайно, как воры, влагают помысл и замечают: есть ли сторож, или нет, то есть принят ли будет помысл, или нет; если принят, тогда начинают производить страсть и побуждать к ней и окрадывают духовное богатство. Если они найдут сторожа в сердечных дверях, то есть, когда кто привыкнет уничижать и отгонять их помыслы, отвращается умом начального мысленного прилога, имеет свой ум глухим и немым к лаянию их, обращенным в глубину сердца, то есть ничуть не соглашающимся с ними, — то таковому они не могут сделать пакости, так как ум у него трезвится. Затем они начинают вымышлять и расставлять различные сети и ловить в страсти; каковы: забывчивость и ярость, неразумие, самолюбие, гордость, славолубие, сластолюбие, объядение, чревобесие, блуд, немилосердие, гнев, памятозлобие, хула, печаль, наглость, тщеславие, многословие, уныние, страхование, сон, леность, тягота, ужас, ревность, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, роптание, неверие, непослушание, лихоимство, вещелюбие, мшелоимство, малодушие, двоедушие, острожелчие, любоначалство, человекоугодие, дерзость, смех. Потом возбуждают они большую бурю неотступных блудных и хульных помыслов, чтобы подвижник устранился и отчаялся, или чтобы оставил подвиг и молитву. Если же враги, воздвигая все это, никак не могут удержать и отворотить от подвига твердой души и непоколебимого воина Христова, страсто-

терпчески положившего свое основание на камне веры, так что и реки скорбей своим устремлением не поколеблют его, тогда они окрадывают его кажущимся добром неким, считая удобнее под видом добра поднести нечто свое, и таким образом лишают настоящей совершеннейшей добродетели, молитвы и подвига. Так принуждают нас творить духовные беседы, ради любви учить людей или прибавить что-либо в пищу, ради друга или для праздника усладить несколько, ибо знают, лстивые, что от сластолюбия пал Адам; прежде начнут помрачать умную чистоту и внимание к себе, и таким путем внезапно ввергают в ров любодения, или в какую-либо другую страсть. Если и таким образом не колеблют трезвящегося умом, то вооружаются ложными привидениями, возбуждают людей и сами с ними вооружаются, оскорбляя и смущая его разными болезнями. Искуснейший же воин все это мимо себя пропускает и ни во что ставит, как бы не относящееся к нему; ибо знает, что все это бесовское помышление. Если и так не победят, то борят высокоумием, влагают помысл, что он свят, говоря ему тайно: «сколько скорбей ты претерпел». Бесы, как хитрой ловец, когда первые средства их окажутся бессильны, тогда оставляют их, отходят, скрываются и представляются побежденными. Смотри же, человек, внимай, не плошай, они и до гроба твоего не отойдут, но готовят большую засаду, высматривают внимательно, каким образом снова начать и восстать, ибо не отдыхают. Когда теплота усердия остынет у подвижника, то они тайно, приготовив какую-нибудь сеть, опять приходят и расстилают, и ловят. Во всех путях добродетели бесы устраивают козни и препятствия, когда мы всякое дело исполняем внимательно для спасения своего, а не из человекоугодия, или по какому-либо замыслу.

Если же в добродетели скрывается какая-либо нечистота — гордость, тщеславие и высокоумие, то в таком деле бесы не препятствуют нам, но даже понуждают на то, чтобы трудились без пользы. Ни о чем так бесы не стараются, как ухитряются всякими способами украсть время праздным. Во всем, что делают бесы, они стараются ископать нам три ямы: во-первых, противодействуют и мешают, чтобы не было добра во всех видах добродетели; во-вторых, стараются, чтобы не было добра ради Бога, то есть, не имея возможности отклонить от добра, они силятся чрез тщеславие погубить все наши труды; в третьих, ублажают, как будто мы во всем оказываемся богоугодны, то есть, будучи не в силах опутать нас тщеславием, они стараются высокоумием погубить наши труды и лишить нас награды. В трех видах бывает и всякая бесовская брань против нас: прежде бесы помрачают наш ум, и человек становится забывчивым и много рассеян в каждом деле; потом, влагают праздной помысл, чтобы чрез него тратилось время; наконец, наносят различные искушения и болезни. Поэтому требуется нам на всякое время весьма трезвиться умом; ибо враги непрестанно ухищряются противодействовать нам. Если кто много лет подвизается, враги ищут удобное время, чтобы за один час разрушить труды его. Немногие из людей видят бесчисленные уловки, замыслы, коварства бесовские. Как бесплотной дух, он не требует отдыха и чрез долговременную жизнь научился уловлять. Посему никто не избежит коварства, пагубных сетей и засады их, кроме пребывающего в телесной немощи от постоянного подвига и живущий в нищете духовной, то есть с сокрушенным сердцем и в смиренных помыслах, — такой победит их. Больше же всего содействует нам божественная помощь. Однако в нас, как прежде сказали,

начало всех страстей: пристрастие, слабость и небрежность, — что не отвергаем душою и мыслью и не отсекаем первоначальной прилог каждой находящей страсти, а бесы прилагают еще большее. Ищи в себе причину всякой страсти и, найдя, вооружись и выкопай корень ея страдальческим мечом; если не искоренишь, опять пустит отростки и возрастет; без сего средства не можешь победить страсти, придти в чистоту и спастись. Посему должно, если желаем спастись, отсекаать первоначальный прилог помысла и пожелание всякой страсти; побеждай малое, чтобы не впасть в великое и все последующее победишь этим одним. Очевидно же бесовскою бранью или какою-либо другою упорною страстью обуреваться попускает Бог за гордость и высокоумие, когда кто считает себя святым или крепким и на себя надеется, а над слабейшими превозносится. Пусть таковой сознает свою немощь, познает Божию помощь и вразумится, что без Божией помощи он ничего не может делать, и смирит свой помысл. Или опять попускает это, как наказание за грехи, чтобы покаяться и были опытнее в подвиге; или же — ради венцов за победу. Однако, чем ты побежден, от чего страдаешь, против того, прежде всех страстей и вооружись — и на то употреби все свое усердие. Всякая страсть и страдание побуждается несомненною верою, сердечным трудом и слезами, горячим усердием и быстрым устремлением противостоять настоящей страсти, — сие есть высокое и похвальное отеческое борение. От четырех причин происходит и утверждается каждая бесовская брань против нас: от нерадения и лености, от самолюбия, сластолюбия и от зависти бесовской. Господь сохранит нас Своею благодатию от всех козней вражиих и страстных дел во веки. Аминь.

Слово 36

О различных скорбях и тяготах от бесов

Не следует иноку начинать безмолвие прежде испытания и многого изучения страстей. Если он сам не опытен и не имеет наставника и без таковой помощи начинает борьбу против лукавых бесов, то скоро умерщвляется ими. Нужно нам познавать разные бесовские прилоги, болезни и тяжести; ибо бесы, например, производят головную боль, как будто весь мозг сотрясается и движется, когда нужно делать поклоны. Это лукавый дерзает входить чрез слуховой проход и строит козни: отягощает голову, возбуждает мозг и удерживает от подвига и поклонов, которые для них вредны. Иногда головная боль бывает от одного приближение к нам бесов и великого от них душевного смущения; но бывает, что они входят в нас чрез слух и опять выходят, и от этого болит голова. От смущения, приближения и входа бесовского голова болит и ум помрачается, сердце ноет и уста смыкаются. Тогда требуется нам просвежиться, и тотчас как ветром разнесет их без следа, как кучу комаров. Также напускают бесы глухоту, жар в голове и ушах, как будто пьявка ползет по голове, или как будто кто рвет за волосы, так что едва можно стерпеть, голова садняет, производят тяжелое помрачение, так что думается, отнялась часть ума, и писание и книжный склад не понимается; этим бесы хотят выгнать нас из пустынного безмолвия; однако же все будет по-старому, как и прежде; не бойся, инок, только уповай на Бога. Также наводят они забывчивость и слепоту, как будто глаза хотят выскочить; наводят медлительность в словах и болезнь языку и устам, как будто они слипаются клеем, когда мы молимся; напускают икоту, не такую, которая бываете во время отрыжки пищи, которую мы вкушали,

а иную, — только воздухом, так что весьма болеет гортань; также они изводят болезнь шеи, как будто клещами кто сжимает жилы. Если мы в этих искушениях потрудимся настоятельно и бодро в молитве, тогда бесы, как мыши наполняют воздух, громко кричат разными голосами, желая растерзать нас или хоть низложить на седалище или на постель, и едва отходят. Если сядем, то бесы, стоя близ, играют на свирели и сопелях, которые называются скоморошным пузырем, и душа, слыша это, расслабляется ленью, и как огонь, опускаемый в воду, угащается и так засыпает; а они носятся над нами, чтобы мы еще более дремали и спали. Смерд же от них много отвратительнее песьего смерда, так что уста сжимаются; во время же бдения они как бы жаром опаляют лицо нам. Некоторые полагают, что от бдения иссыкает плоть, но это неправильно, а от бесовского тогда приближения; также от какой-либо возбуждающей пищи бываете у нас двойная тяжелая брань. Все это наводят бесы в уединенной жизни, чтобы выгнать нас из пустыни. Так как и с некоторыми святыми много раз бывала болезнь, то мы, считая это за естественную немощь и как бы по нужде и немощи ложимся на постель, желая получить облегчение, не подозревая хитрости лукавых бесов; они же, заметив наше нерадение, что мы и мало не хотим понудить себя против болезней, еще более овладевают нами, так что все члены расслабевают и болеют. Если же мы укрепимся, встанем, прохладимся на ветре и усердно помолимся — тогда болезнь исчезает и остается без следа. Еще производят бесы зуд в руках, болезнь в ногах — как будто бьет; напускают сверботу во всем теле; наводят теску и недовольство, даже касаются всех членов наших телесных, входят в них и причиняют пакости страстным людям. И что много говорить, все это так бывает. По-

добно сему Макарий Великий, ходя по пустыне, видел беса, вместо одежд увешанного тыквами, которой по неволе открыл святому свои деяние: «Обрати, — говорит, — внимание на сосуды, которые видишь на мне; на каких местах какие сосуды висят, те места у людей я помазываю из соответствующих сосудов, и они, отягощаясь, страдают». Какие бы скорби не причиняли нам бесы, все они стараются скрыть, чтобы мы не узнали, что они от них происходят; высматривают особенное время и наводят болезнь или тяготу, чтобы не их считали виновниками, а роптали бы на время, что оно тяжело, и, не понимая лукавств их и не терпя с благодарением, лишались награды. Когда же случится с нами какая-либо болезнь или тягота, тогда от всего сердца станем на камне веры, как храбрый воин Христов, и если это бесовская, то скоро начнет ослабевать и скоро исчезнет; если же это естественная болезнь, то начнет усиливаться. И когда узнаем, что бесовская, тогда противостанем до смерти; если же естественная, то нет нужды насиловать свою природу. Все же приносимые бесами скорби мы можем терпеть и побеждать, если понудимся, потому что Бог выше силы нашей не попускает на нас искушений, но облегчает, только бы мы терпели и не выходили из безмолвницы своей и единомысленно и несомненно положились на Бога. Если кто сопротивляется врагам, от того убегают они; если же кто не нудит себя, то одолевается ими; *Бог вселяет единомысленные в дом и изводит окованные мужеством* (Пс. 67:7). На всякий день ждет Он от нас терпения и прилагает к нашему произволению Свою помощь, подавая ее во всякой нашей нужде. До тех пор подвижники страдают, пока посетит их благодать; ибо тогда помыслы очищаются, и страсти тогда уменьшаются и уничтожаются; тогда и страдание от болезней и тягота облегчаются;

тогда заграждаются в нас входы бесам и страстям. Молитвою и постом, слезами и поклонами и благодатию Божией изгоняются из нас бесы; однако и тогда, до исхода своей души, требуется великая осторожность, как бы нам неожиданно по небрежности нашей не сделать что-нибудь неуютное Богу; или как бы бесы не сделали нам какой напасти, и чрез то как бы не отошла от нас благодать Божия. Ибо страшно лукавство и пронырливость злобнохитрых бесов, и бесчисленные злобные коварства и замыслы их. Во всех наших намерениях они мешают и противодействуют нам. Немногие познают сети их; но только души мужественные, которым и Бог открывает. Господь Бог наш да поможет нам и укрепит нас против всех скорбей бесовских, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 37

О страховании

Если кто боязлив, то не смущайся нисколько, но будь мужествен и возлагай упование на Бога и совсем не обращай внимание на смущение. Не допускай укорениться в себе сему детскому настроению, как обычно дети боятся, но считай его за ничто, как бесовское. Раб Божий боится только своего Владыки, Которой создал тело, вложил в него душу и оживил; бесы же, без позволения Божия, ничего не могут причинить нам, но только устрашают и угрожают мечтаниями. Кто приобрел мужественной ум и возложил упование на Бога, тот не боится их, тот имеет в Господе крепкого помощника и надежду; ибо какая тварь может повредить нам, когда Богу неуютно — не попустит сего против нас. От своего помысла человек или укрепляется или

ослабевают, ибо в нем рождается всякое доброе и худое дело; чрез обычай же всякое доброе и худое дело прививается человеку; к чему же привыкнет человек, то для него кажется своим. А ты будь мужествен, и да крепится сердце твое, и ограждай себя крестным знамением, когда найдет страхование. То место, куда войдешь, огради крестные знамением, входя и во всякую пустую храмину перекрестись и, сотворив молитву и сказав: «аминь», войди смело. Если бесы найдут, что мы тверды Господом, тотчас посрамляются и не смущают нас. Будем держать в мысли, что мы в руке Божией. Господь сказал: *Се даю вам власть наступати на змею, и на скорпию, и на всю силу вражию: и ничто же вас вредит* (Лк. 10:19). Будем держать в мысли, что без повеления Божия *ни влас главы нашей не погибнет* (Лк. 21:18). Сами себе мы причиняем страхование боязливым помыслом, говоря: «что, если бес придет и поразит меня, или подскочит и устрасит». Никак не будем думать об этом, как будто это случается с нами, и не будем сами для себя врагами, думая о чем-либо неожиданном, но будем помышлять, что одесную нас Бог, и не подвижемся. Бесы следят за нами, как ловцы, и внимательно наблюдают за помыслами нашими; каковы мы в помыслах, подобные же подносят нам свои мечтания. Но страх Божий изгоняет страх бесовский.

Слово 38

О том, чего особенно боятся бесы

Бесы очень боятся шести добродетелей: 1) алкания, 2) жажды, 3) молитвы Иисусовой, 4) крестного изображения, — кто хорошо изображает крест на себе, на лице своем, 5) частого Причащения Пречистых Тайн Христо-

вых — кто достойно причащается — и 6) несомненной надежды на Бога. Нет страшнее сего оружие против бесов.

Слово 39

Краткие избранные святоотеческие слова о необходимейших предметах

Когда найдет на тебя искушение по попущению Божию, как-то: нагота, болезнь, голод или какое-нибудь другое искушение для твоего тела, даже пролитие крови ради Бога, то терпи во славу Божию, в надежде на Бога милостивого, чтобы с дерзновением и непостыдно сказать: *проидохом сквозь огонь и воду, и введены в покой*. Если хочешь, человек, узнать в чем-либо волю Божию, скажу тебе кратко: в продолжении всего твоего подвига, во всяком деле присоедини, по силе твоей, скорбь ради Бога: вот воля Божие благая; ибо и малая скорбь ради Бога лучше великого дела без скорби. А мало-помалу послаблять себе, — это не от Бога, а от бесов. Если мы немощны и не в силах подвизаться, то приобретем смирение, благодарение и молитву Иисусову; если же здоровы, то должно нам понуждать себя до изнеможения; и так мало-помалу укрепится сердце наше и научится терпению и добродетелям. Иначе же спастись нельзя. Если кто живете не сообразно с местом, тот сам себя гонит. Сладко и приятно всем искусное слово: «ласковый теленок, говорится, двух маток сосет», — не считай это за лесть: грубый в слове возбуждает на гнев. Спор, хотя и о добром деле, есть противоречие. Если не имеешь в душе умиления, то знай, что имеешь горделивость или гнев на кого-либо, или много ешь, пьешь, спишь, или предался рассеянности и попечению, это не допускает

душе умилиться. Если берет тебя объядение, то скажи себе: о, человек, лишен будешь небесной пищи и всякого райского наслаждения и красоты, а пища эта обратится в червей. О, служитель божественной службы, размышляй и будь внимателен к себе, потому что совершаешь великое дело — стоишь на святом месте с ангелами, где все исполнено страха и трепета. О, иерей, удаляйся оттуда, где по человекоугодию спешат. Ибо какое умиление будет, когда спешишь? а без слез и не должно служить; если же совесть обличает тебя в чем-либо, то с этим не дерзай служить. Если желаешь поучиться чему-либо, то приложи к тому старание и научись. Многие были богословами великими и сочинителями искусных слов; однако только чрез бодрствование пребывали в умилении; потому что бодрствование и уединение дает смысл рассуждению и удаляет смущение, ибо это им служило вместо рукоделия. Разговорами занятому нейдет богословие. Но постарайся человек всякий день разорять покаянием соделанные грехи и умывать слезами лицо свое. Если смертная кончина твоя случится в тот день, в которой ты пролил слезы, то избавлен будешь вечной муки, это есть истинное покаяние. Подобно этому избавлены были и разбойник, слезами омочивший свой платок, и инок, ежедневно впадавший в блуд и ежедневно каявшийся пред образом Христовым, и мытарь, в перси своя бьющий и со слезами говорящий: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18:13), блудница, омочившая слезами пречистые ноги Христовы, и Манасия, очистившийся слезным покаянием. Истинно думаю, что если бы возможно было омыть все тело свое слезами, то оно было бы нетленно. Однако заплачет человек, если не имеет болезненного труда, то есть сокрушение от греховного поползновения или радостного умиления, или воспоминания будущего

огня, или воздаяния каждому по делам. Ради сих четырех добродетелей Дух Святой не отходит от человека, но всегда с ним пребывает. А кто надолго остается в лености, или впал в великий грех, или не радит о страсти, в которой находится, от такового отходит Святой Дух. Начало послушания — совершенное отвержение своей воли и оправдания, отвержение своего тела. Не легок подвиг покорить свою волю и свой нрав; но не может кто-либо спастись без отвержения своей воли, хотя бы и усердно подвизался; ибо наша воля и наше нрав как медная стена между нами и Богом. Не можем мы приблизиться к Богу, пока не оставим своего нрава и воли. Если что-либо по желанию своему попросим, и прошение наше встретит отказ, в другой раз найдешь его сильнейшим против тебя. Ибо всякое доброе и худое дело чрез навык растет, обычаем (привычкою) укрепляется; при всяком деле помни об этом. Если хочешь узнать чей-либо обычай и дела, то послушай о чем говорят уста его: ибо ничего такого не высказывают уста, что прежде не было бы на сердце.

Слово 40

Что такое инок

Инок есть исполнитель заповедей Христовых, совершенный христианин, подражатель и соучастник страстей Христовых, повседневный мученик, самовольный мертвец, добровольно умирающий в духовных подвигах. Инок есть столп терпения, глубина смирения, источник слез, сокровище чистоты, посмеиватель всего, что считается прекрасным, сладостным, славным, прелестным в мире сем. Инок есть болезнующая душа, непрестанно — и в бодрствовании и во сне поучаю-

щаяся памяти смертной. Инок есть постоянное принуждение природы и не послабное охранение чувств. Инок есть чин и состояние бесплотных, хранимое в вещественном теле, во всякое время, на всяком месте и при всяком деле имеющее в виду одно божественное. Невозможно постоянно предстоять пред Богом тому, кто не положился на Него во всякой нужде всем сердцем и не отбросил всякую заботу. Когда же захочешь положить начало какому-либо доброму делу, то прежде всего приготовь себя к находящим на тебя искушением, чтобы мужественно встретиться с ними и не колебаться в надежде на Бога. Когда человек начинает с теплою верою хорошо жить, враг добра обыкновенно встречает его различными и страшными искушениями, чтобы он, устранившись сего, прекратил дело благого желания. Если же не приготовишь себя к сретению искушений, то остерегись совершать добродетель. Человек, сомневающийся в Божией помощи, без искушения боится своей тени. Каждому человеку его собственная совесть да будет учителем и свидетелем. Во всяком деле, не обсудивши наперед каждое слово, не говори. Каждое поспешное дело не бывает хорошо. Не узнавши друга, не открывай тайны. Лъстивой друг, отвортився, врагом бывает.

Слово 41

О том, что полезно бежать от мира

Лучше одному бороться с бесами и в голоде, наготе и всякой скорби умереть с малым подвигом в пустыне, избегая мира, нежели искать великих подвигов спасения среди мира; ибо пламень страстей мира сего разжигает и опаляет обращающаяся в нем инока. Если

кто кажется бесстрастным, то таковой в мире потерпит вред; а кто страстный, тот запутается во всякой греховой сети. Как рыба, поспешая похитить пищу на удочке, извлекается из воды и умирает, так монах, находясь в мире, привлекается помыслом к мирским делам и против воли, как бы удочкою привлекаемый, впадает в вражеские сети и погибает, отпадая от ангельской жизни, сам свою душу умерщвляет и предаёт муке. Покой и сластолюбие — бесовская удица, которыми бесы ловят души иноков на погибель. Пока мы любим покой телесный, сласть и лень, то с плотью ещё боремся, а не с бесами; она борет нас на всякое время и помогает против нас бесам. Особенно борет нас лень и во время стояния, и сидения, и на ложе. Потому мы любим покой, сласть и лень, что они естественно с телом растут, потому и борют нас так сильно. Однако, желающий жить по-Божьему, должен понудить себя быть выше привычки естественной. Покаемся же и изнурим себя на этом свете; одной смерти не избежим; понуждающим себя бывает великая награда по смерти, а любящим покой и наслаждение в этой маловременной жизни, по смерти — мука вечная. Что же лучше, человеке, немного дней поскорбеть и потом царствовать вечно, или немного дней попокоиться и навечно мучиться? От покоя и сластей происходит лень, от лени — праздность, от праздности — уныние, от уныния — блуждание тела, от блуждания телесного — невоздержание чувств, от невоздержания чувств и от бесовского прилога восстают вместе все страсти, от согласия и соизволения страсти укрепляются. Явно, что в мире, где на все свободно смотрят, слушают и говорят, бывает невоздержание чувств и согласие с прилогом. Посему каждой человек пусть устраняется от покоя телесного, от слушания, видения и разговоров. Чувства

человеческие легковверны, когда глаза видят что-либо, или уши слышат, или о чем разговариваем, тому и ум внимает, к тому и душа стремится, того и сердце желает, тому и навывает человек, то укореняется внутри, то и бесы непрестанно влагают в ум о всем том и напоминают; когда же чувства наши с удовольствием наслаждаются страстями, тогда уже вполне является грех. Не может человек очиститься от страстей, пока не отсечет повода к страстям. От следующих страстей происходит рассеянность мыслей, помрачение ума и вход бесам: от лености, блуждания скверных мыслей, ненасытного сна, частого безвременного ядения, вспыльчивости и покоя телесного. Только внутреннее делание, т. е. непрестанная умная сердечная, от сердца истекающая молитва и пост изгоняет бесов, не допускает их, приготовляет внутри место Святому Духу, и так человек является храмом Божиим; без этого же вселяется миролюбивый лукавый дух, который овладевает телом. *Сей род*, сказал Господь, *ни чим же исходит токмо молитвою и постом* (Мф. 17:21); внутреннее делание непреступно, страшно для бесов. Увлечение же худыми мыслями открывает им доступ внутрь. Пока человек связан страстями и миролюбием, дотолe бесы осмеливаются властвовать над телом его, оскорблять, увлекать во все страсти, приневоливать, как покорного и подручного себе; страсти — двери бесам; ими они входят, как дверью; от Бога попускается им вооружаться на нас, чтобы мы познали свою немощь и не возносились. Только душевных свойств и силы не могут бесы прямо извратить, ибо сила Божия не попускает им того. Бывает, что иногда кто-либо и хорошо подвизается, но попустит чрез указанные страсти войти бесам, тогда для него бывает двойная борьба и тягота, и долго не может он придти к первоначальному усер-

дию. «Некогда со мною так случилось, — говорит один из постников, — три года весьма тяжело был я борим». От рассеяния мыслей происходит дремота и мрачный, ненасытный сон; от помрачения бывает и падение во грех; от грехопадения — отчаянное мучение души. Так как парение и помрачение ума, как выше сказано, происходит от скитания, рассеянности мыслей и невоздержности чувств, то и всячески должно избегать соблазнов мира, удерживать чувства и отвращать их, как коня уздою, от вредных случаев, не давая им воли, чтобы охранением их избежать худых дел. Трезвый ум должно поставить добрым стражем души своей, чтобы он не допускал чувств до худого. Когда ум твой оставит внутреннюю осторожность и осмотрительность, тогда страсти восстают, и каждая из них, расхищая духовные силы твои, как оружие против тебя же, направляет их к своим действиям; тогда и ум начинает быть страстным, рассеянным в мыслях и мрачным, оковы скидает и тяжесть разбивается, связи распускает и вещь делается свободна. Посему, инок, трезвьись умом, трезвьись; найди себе место плачевное и совсем ненужное людям, чтобы не быть выгнанным, и удаленное от мира; там твоя безмолвная жизнь, если и пожелаешь какого-либо мирского дела, но не имея возможности к нему, благодаря удалению не впадешь в него. В пустыне одним удалением от мира человек избавлен бывает от страстей.

Слово 42

О том, что есть от Бога — внушение
или вражий прилог

вопрос: почему можно было узнать, Божие ли то благоволение или вражеское искушение, когда случит-

ся доброе дело сомнительное, т.е. один помысел побуждает сделать его, а другой, напротив, препятствует ему?

ответ: Враг имеет обыкновение скрывать истину и смешивать добро со злом. Но почему можно узнать истину? Божие благоволение во всех наших намерениях кротко, благонадежно и несомненно; не только в добром деле нашем, но и в беззаконии нашем. Бог с кротостью долготерпит и ожидает нашего покаяния. А почему узнать вражий прилог? Враг обыкновенно препятствует нам и отвращает нас от добра. Однако же, если в чем-либо, по-видимому добром ум смущается и расстраивает нас, отгоняет страх Божий, лишает спокойствия, так что без всякой причины сердце болит и ум колеблется, то знай, что это вражий прилог и отрини его. Вражие — возмутительно, беспокойно и сомнительно для ума во всех наших намерениях. Не расположению сердца нашего должно верить во всем, но рассудивши, полезно ли нерасположение. Когда же ум наш стеснен от врагов помыслами и омрачением, тогда должно совершенно оставить всякую мысль и рассуждение, ибо не знаем мы истины, пока ум не очистится молитвою, ибо тогда помышления, как мутная вода, поднимаются в ум, или, как облако, блуждают, и душевные чувства ко всему бывают нечувствительны. Посему, желающий узнать истину, пусть побуждает себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дело; во время молитвы не может враг скрыть истины, так как тогда он не имеет власти; на деле можешь испытать истинность такой веры. Богу нашему слава во веки. Аминь.

Слово 43

О несомненной вере

Несомненно верующий в Божий помысл не разбирает, какой смертью придется ему скончаться: или от людей, или от зверей, или от голода, или от тягости великих трудов, или от каких-либо других случаев. Двух смертей не будет, а одной никто не может избежать. Однажды положившихся на Бога во всех нуждах своих ради Царствия Небесного и умерший для мира, потом уже не заботится о том, как скончаться. Однажды положившийся на Бога уже не заботится о себе и что ни сделает, во всем найдет пользу своей души. Но пусть же знает таковой, что предающий себя на все скорби ради Бога, на всяком месте найдет спасение. По вере нашей и благодать Божия дается нам; мала вера, мало и дается; больше веруем, большей благодати сподобляемся за терпение. Ничто не случится с нами помимо промысла Божия и устроения Его; Бог ожидает от нас только произволения ума нашего. Но судьбы Божии непостижимы, и посему должно в терпении спасать свои души, и претерпевый до конца спасется чрез Христа Иисуса Господа нашего, Ему же слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 44

Увещание

Умоляю и увещаю вас, возлюбленные мои отцы, братия, чада в следующем: возлюбиши Господа твоего от всей души твоей и всем сердцем твоим, будь справедлив и правдив, покорен, головой вниз поникнут, а умом к небу обращен, имей умиление к Богу и людям,

будь утешителем печального, терпелив в искушениях и недосадителен, щедр, милостив, кормитель нищих, странноприимчив, печален ради грехов, радостен о Боге, алчен и жажден, кроток, терпелив, не славлюбив, не златолюбив, друголюбец, не лицемерен, не горделив, трудолюбив для Бога, молчалив, в ответах приятен, усерден в посте, частых молитвах, бдениях и псалмопениях, разумен; не осуждай всякого человека, но зазирай себе; — и будешь за все это чадо Евангелия, сын воскресения, наследник жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же честь и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым Духом, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 45

Заключение*

Днесь крины и прекрасные цветы, о любимцы, собирайте, и все благое о Господе Боже житие составляйте. От написанных же, ужеков (родственников) и них научайте. Молю же и вас: дела сия творите; сих бо ради, вечных благ улучите; да в немерцающем свете со ангелы выну вечную жизнь получите. Яко тамо сущие Бога выну славят, Троицу со ангельскими лики присно славословят. О, каково дарование земным даруете Бог в небе, во еже угодите Ему, примут Его к своей потребе!

Любезный о Христе всех Царю, сподоби нас человеколюбия Своего, еже наследником быти царствия Твоего!

* «Заключение», написанное в стихотворной форме, нами помещено буквально с подлинника, без перевода на русское наречие.

Вас же, читатели, о сем любезно умоляю: своей же грубости исправления желаю; но и паче своим благо-разумием наша исправи: смиренно и милостиво рабу Твоему, Владыко, остави. Еже усердие мое в сем более возлюби, рачительных моих трудов вотще не положи.

Поучение на пострижение в монашеский чин

Как должны иноки всегда воевать против трех врагов

Как воины этого мира, сходясь для битвы, облагают себя всяким оружием, чтобы быть страшными для врагов своих, и мужественно ополчаются против них, так и Христовы воины должны себя облагать всяким оружием духовным, когда собираются выйти на брань против невидимых врагов. Как написано, *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и властем и миродержителем* (Еф. 6:12) темным, к трем сильным врагам — телу, миру и диаволу. Да услышим яснее в Евангелии от Матфея в главах 10 и 16, как сказал Господь Своим ученикам: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин. Иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин. Иже не примет креста своего, и в след Мене не грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10:37–38). *Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще приобретает мир весь, душу же свою отщетит, или что даст человек измену за душу свою?* (Мф. 16:25–26).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ежедневной брани и о том, как иноки
должны ополчаться против этих трех врагов
и побеждать их

В святом Евангелии Господь явно указал трех врагов, воюющих против нашей души. Первый, наилютейший враг — диавол, против которого Господь повелевает взять крест. Второй враг — тело наше — ему противится Он повелел отвержением отца, матери, сына и дочери. Третий враг — мир; об этом Он сказал: *Аще приобрящет мир весь, кая польза ему?* (см. Мф. 16:26).

Против трех врагов иноки должны воевать и на них ополчаться всегда, когда *бегут на ристалище этого мира* (см. 1Кор. 9:24). Зрители этой брани — как Бог и ангелы Его, так и диавол и его аггелы. Место брани — расстояние между праведными и грешными. Конь — тело. Всадник и ездок — душа, начальник воинства — ум. Оружие воинов Христовых — вера, как щит непроборимый. Терпение — как шлем крепкий. Молитва прилежная — как меч. Смирение нелицемерное — как лук и стрелы. Такого оружия весьма боится диавол.

Полки же сатаны и начальники его воинства: первый полк — гордыня, лакомство, нечистота, убийство, тщеславие, ярость, гнев. Диавол над ними начальствует и грехом, как стрелой, поражает душу. Вторым полком сатанинской силы — злоба этого мира, ибо он воюет обольщением и сладостью временной и разнообразными красотами. Потом же и само наше тело воздвигает брань свою на душу объедением, пьянством и вожделением блуда, ленью и прочими страстями греховными. Действительно весьма трудная у нас брань против первого врага: у видимого естества с невидимым. *Аще не Господь помощник нам будет* (см. Пс. 93:17) против

такого врага, мы не сможем его победить. Но и прочих без помощи Божией мы не одолеем.

Первая ступень к брани и ополчению против этого мира — когда мы удаляемся от него, оставляя сладострастие и обольстительное мечтание о его красотах, тленном богатстве, временном веселии, и принимаем Христов образ добровольной нищеты, дабы нищетой нашей прославить богатство Того, *Кто, будучи богат, обнищал ради нас, чтобы мы обогатились Его нищетой* (см. 2Кор. 8:9) и приблизились к Богу. Ибо мир весь во зле лежит (1Ин. 5:19), и все, что в мире, — прельщающая очи наши *похоть плотская и гордость житейская* (см. 1Ин. 2:16).

Поэтому апостол сказал: *Не любите ни мира сего, ни того, что в мире* (см. 1Ин. 2:15), ибо если кто хочет другом быть для мира, становится врагом Божиим (Иак. 4:4). А потому бегите от этого мира, как Лот от сожжения Содома на гору безмолвного жития Сигор, как Израиль из Египта. Спешите из тьмы греха в землю обетованную, к богоугодному житию, чистому и безгрешному. От вавилонского рабства бегите к синайской свободе. Отвергните мир и пребывающее в нем обольщение, устранившись от него странствием невозвратным. И так победишь полки первого врага, и победой твоей возвеселишь Небо, и печаль доставишь демонам. Если же он одолеет вас и возьмет в плен души ваши, тогда, даже если и всего мира богатство и красоту приобретете, не будет от этого никакой пользы. Ибо никакими вещами не выкупишь из плена души твоей — или какой выкуп дашь за нее? (см. Мф. 16:26)

Силу же первой крепости тела преодолеешь, если разлучишься с родственниками своими — отцом, матерью, женой, детьми, братом и сестрой, — ибо они остаются в мирском земном служении, как мертвецы (ср.:

Мф. 8:21–22; Лк. 9:59–60). Ты же спешишь к служению Божию и отходишь от земного мудрования к небесному, туда, где Христос царствует во веки. Разлучиться же подобает не вообще со всеми родными, но только с теми, которые препятствуют твоему спасению и мудрствуют о земном, говоря: «Женись, сын, и собирай богатство в мире, трудись ради имущества, приобрети села, насади виноградники, собери множество рабов — и веселись среди этого во все дни жизни твоей, ибо ты наследник дома нашего». Подобает бежать от тех родителей и разлучаться с такими, которые вместо света показывают тьму и вместо жизни смерть. Если же родители наши советуют нам благое и приводят нас к Богу и к служению Ему, таких родителей следует крепко любить и почитать за святых и воле и совету их усердно следовать.

Вновь одолеешь тело и разоришь силу его второй крепости, если удержишься от сладкого многоядения и безмерного питья, — тогда постом убьешь вождение греха и уморишь блудную плотскую похоть. Так же преодолеешь и иные страсти или прилоги греховные: лень разрушишь бодростью, желание блуда — целомудрием чистоты, ибо таковыми стрелами тело воюет против нашей души. *Плоть бо похотствует на дух, дух же на плоть и тако друг другу противятся* (Гал. 5:17). Ибо и самое тело наше по своей природе враг нам, поскольку похотями греха своего воюет с душой. Но оно, напротив, и друг, потому что помогает душе в добром. Телом, с Божией помощью, могу поститься, проливать слезы, преклонять колена, творить милостыню — этого нагой душой, без тела, мы сделать не можем. И еще тело хранит душу от гордости, ибо душа — сущность высокого рода, как Божий образ, и поэтому высокоумием возносится. Если же обратит взор на тело, тогда

смиряет свое высокоумие и уразумевает, что тело берет начало из грязи, а человек — прах.

Потому святой Григорий сказал о соединении и отчуждении души и тела: враг милостивый и друг-наветчик. Ибо если человек воззрит на дольний мир — тело, тогда бывает временным, смертным, наследником огня и тьмы. Напротив, если обратит разумное око к горнему миру, тогда будет великим, вечным, бессмертным и света небесного наследником. Поэтому и вас, как рабов Христовых, молю: не будьте пленниками дольного мира — тела и смерти, но переходите к горнему миру и пределу бессмертному, чтобы явиться наследниками его света.

И если победите первые полки врагов ваших, тогда сможете с легкостью ополчиться и против самого диавола-миродержителя, князя тьмы, властей его темных и сил противных и поразить их воинство. Только примите всеоружие Божие, чтобы смогли вы им отразить и погасить разжженные стрелы лукавого (см. Еф. 6:13 и 16). Ибо трояким оружием — верой, терпением и молитвой — разрушается и легко прогоняется вся брань диавола и силы его: гордыня — смирением, тщеславие — отречением от самого себя, блудодеяние — чистотой.

В особенности же крестом поразишь и преодолеешь этих трех врагов твоих, когда примешь крест твоего терпения и на нем умертвишь свое тело, распявшись миру, и умрешь для греховной жизни. И, как мертвый труп, не будешь смотреть на грех и прикасаться к нему. Тогда твоя победа явится, как луна во время полнолуния, в сиянии вечной славы, и ангелы Божии, радуясь, выйдут навстречу тебе, и Царь вечной славы Христос примет победоносца Своего, и прославит его пред собранием пресветлых ангелов Своих, пред патриархами,

пророками и апостолами, и к лику этих праведников причислит, и в Царствии Своем Небесном место дарует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О начале иноческом и о том, что значит быть иноком

Инок есть исполнитель всех заповедей Христовых, совершенство христианства, бездна смирения, столп терпения, непрестанное памятование смерти, неоскудевающий источник слез, сокровище чистоты, осмеятель всего тленного, попатрель всего приятного и соблазнительного в этом мире, добровольное самоумерщвление. Он — повседневный мученик и понудитель своего естества, богоприятная жертва, присногорящий светильник премудрости духовной, ум просвещенный, созерцатель всего видимого и невидимого, скоро восходящие моления, богомыслие, сердце чистое, неумолкающие уста хвалы Божией, жилище Святой Троицы, зрелище для ангелов и людей, устрашение для бесов.

Назван он иноком потому, что имеет иное жителство, не телесное, но духовное, у него иное делание, иной век, иная пища, иные одеяние и работа. Называется и черноризцем по черной и плачевной одежде; называется и монахом, или уединенным, беспечальным, — один с Единым Богом должен иметь общение.

Иноческой жизни законоположники и учителя: первый — Мелхиседек, священник Бога Вышнего, живший без жены, без сродников в пустыне (см. Евр. 7:1 и 3). Второй — Илия чудный, живший без жены в пустыне Хоривской. Третий — Иоанн Креститель, живший в пустыне Иорданской без жены, без всякого имущества, не вкушавший мяса и не пивший вина, носивший одежду

плача — власяницу. О законе и древности чина иноческого ясно засвидетельствуем, что он Самим Господом нашим Иисусом Христом узаконен и утвержден. Ибо Сам Господь жил без жены в девстве, житием чистым, в бедности и нестяжании. Также и апостолы Его, оставив отца и мать, жену и детей и всё, что в мире, пошли вслед за Христом.

Потому иноки следуют христову учению и совету и подражают житию апостольскому. Ибо они оставляют всё, что есть приятного и соблазнительного в мире, гордость житейскую и вожделение всего сладостного. Оставляют женитьбу, веселье, покой телесный и богатство временное, сами же идут вслед за Христом, взяв крест свой: добровольное терпение, убожество и девство, — скитаясь в пустынях и горах. Вместо светлых домов — *темные пещеры, вертепы и пропасти земли* (см. Евр. 11:38). Вместо жены и детей — в пустынях звери земные и птицы небесные. Вместо светлых одежд и сладкой пищи и питья — власяница, худая одежда, голод и немного воды для утоления жажды. Вместо хмеля и веселья — плач, вздыхание и пролитие слез. Ложе их — земля, а покров — небо. Всё это — их вольный крест повседневного терпения. Ради того иноки возненавидели житейскую суету, не связывают себя житейскими куплями (см. 2 Тим. 2:4), женой, детьми и домами. Богатством они себя не отягощают, чтобы удобнее послужить Господу и угодить Ему, и потому избирают для себя лучшее блаженство. Ведь всякий женатый заботится о том, как угодить жене, также и жена — мужу, а *неженатый заботится, как угодить Богу своему* (см. 1 Кор. 7:32, 33) и Ему верно послужить. К тому же знают они и то, что с женой жить — это по естеству, так живут и звери, и язычники. А жить без жены, в девстве и чистоте, — это выше естества, ибо есть дело ангельское и

житие святых угодников Божиих, которые всегда служат Господу.

Как и апостол говорит, *если кто постится и молитву творит, такой да отлучится от жены на время* (ср.: 1Кор. 7:5). Но иноки всегда пребывают в посте и молитве до самой смерти, потому и жен не имеют. Да и в Ветхом законе повелено, чтобы приступающие служить Господу отлучались от жен (ср.: Исх. 19:15). Иноки всегда работают Богу, всегда предстоят на службе Его, потому отлучаются они от жен до самой смерти и так в чистоте служат Ему как верные рабы Его.

Хотя еретики и уничижают иноков за то, что они якобы гнушаются брака и пищи, и приводят против них слово апостольское: *Ясно сказал Дух, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая учениям бесовским, запрещая жениться и употреблять в пищу то, что Бог сотворил* (см. 1Тим. 4:1 и 3), однако так апостол пророчествовал о разных еретиках, которые будут после апостолов: о манихеях, маркионитах, евионитах и евтихианах богомерзких. Те, которые назывались манихеями, признавали двух разных богов: одного бога на небе — доброго, а другого на земле — злого миродержителя. И в таком виде, превратно понимая апостольское слово, свою проклятую ересь распространили, гнушались пищи, приготовленной на земле. Потому не есть мяса и не пить вина — это не презрение, а вид воздержания.

И еще с самого начала, от создания мира, до потопа мяса не ели и вина не пили. И в законе Моисеевом назореи вина не пили (ср.: Чис. 6:3) и всяких овощей и мяса, так же как и мяса свиного, не ели (ср.: Лев. 11:7; Втор. 14:8). Также и Даниил с тремя отроками гнушались мясной пищи царя Навуходоносора. Моисей, Илия и Сам Господь постились, не вкушая мяса и не

употребляя вина сорок дней и ночей. Святой же Иоанн Креститель во все дни жизни своей мяса не ел и вина не пил. И неужели он держался бесовского учения? Скажи мне, еретик! Ты, ныне укоряющий постников! Но знает вся вселенная, что они были исполнены Духа Святого, поскольку воздерживались от хорошего мяса, вина и жены.

То же самое говорят древние богословы и о Матфеевангелисте, и об Иакове Алфееве: они мяса не ели и вина не пили во все дни жизни своей. Они не гнушались тем, что создано Богом, но воздерживались и постом убивали греховные страсти в теле своем. Ибо пост есть дело страшное для демонов, а для Бога любимое и дар честнейший, как свидетельствует пятое правило Никейского Собора.

Чин же и закон иноческий для тех, кто истинно поклоняется Богу (см. Ин. 4:23), и постников установили апостолы по вознесении Господнем, как пишет евангелист Лука в Деяниях: *У множества же уверовавших в Иерусалиме было одно сердце и одна душа. Ибо они, продавая имения свои, все имели общим* (см. Деян. 4:32), кроме жен. Вот и Анания с женой Сапфирой солгали в цене и умерли, поскольку не сделали деньги общими, утаив из цены. Поэтому апостолы, клятвой закливав и обещанием обязав неких верных из народа юношей, умолили их и научили жить без жен, в чистоте, добровольной нищете и послушании, оставаясь в том до самой смерти. Тогда многие последовали их совету и благосклонно приняли это честное дело. И так апостолы узаконили чин иноческий, постригая головы оных юношей в Кенхреях, на иноческое безбрачное и чистое житие. Это же сделал и святой Павел, когда постриг четырех мужей и Акилу с Прискиллой (см. Деян. 21:23–26 и Деян. 18:18).

Постригшиеся же назывались не иноками, но рабами Божиими, о чем свидетельствует Дионисий Ареопагит, восьмой ученик святого апостола Павла, в письме к одному монаху Димофилу, называя его рабом Божиим и невольником, совершенно отсекившим свою волю и предавшим всего себя воле Божией. И как раб не свободен у господина своего, так и инок никогда не бывает праздным в служении Богу, но беспрестанно служит Ему день и ночь — хвалением, благодарением, молением, пением, бдением, пощением и богомыслием. Вот истинные дела раба Господня. Вся добродетель христианского совершенства и всех заповедей и совершенств Божиих в иноческом житии заключается в добровольном убожестве, чистоте, послушании. Господь же наш Иисус Христос — зеркало всякой добродетели и ее учитель, свет совершенства, источник чистоты. Ибо Сам Он родился от Пречистой Девы и Сам жил в девстве и чистоте до самой смерти вольной. И когда висел на Кресте, поручил Пречистую Деву, Матерь Свою, ученику и девственнику. Сам возлюбил добровольное убожество: богатый Бог родился в убогих яслях, от убогой Девы, убого пожил Он в мире и не имел где главу приклонить (см. Мф. 8:20). *Убогим и нагим умер на Кресте Тот, Кто одевается «светом, яко ризою» (Пс. 103:2). В послушании Он провел жизнь от рождения своего, «послушив был даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2:8).*

И с тех пор послушание в славной Церкви Христовой узаконено Самим Богом. Иноки дают обет перед Богом и с клятвой обязуются хранить эти три добродетели христианского совершенства: чистоту и девство истинное, убожество добровольное и послушание нелицемерное, а также исполнять прочие добродетели, которые от этих трех, как от главнейших, рождаются.

Иноческое житие разделяется на три части, или три чина: первый — общежительные иноки, второй — скитские; и третий — уединенные пустынножители. Встречается между ними и четвертый, называемый «упадлый». Это — самовольники, по-разбойнически живущие; каждый из них свое имущество имеет и по влечениям своей воли поступает. Они живут без всякого чина и закона, лицемерят, а не иночествуют, как сказал Кассиан. Иноки же, живущие по чину, должны украшать себя всякою добродетелью: смирением, целомудрием, терпением, любовью, постом и молитвой.

Потому молю иночествующих: *не будьте рабами лени и гнусности, но, в страхе и трепете соделывая спасение свое* (Флп. 2:12), ум украшайте богомыслием, ибо это дело истинно честное и свойственно истинно иночествующим. Не дремание и сны любите, но молитву прилежную устами вашими творите. Не тленных благ временного века ищите, но вечных благ будущего. Если это исполнишь, тогда будешь истинным рабом Божиим. А Господь твой говорит: *где Я, там и слуга Мой со Мною воцарится во славе Царствия Моего* (см. Ин. 12:26). Этого Царствия и всех нас сподоби, Христе Боже наш, да хвалим Тебя вместе с Отцом и Духом Святым ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Устав старца Паисия*

Преосвященнейший, Богом избранный и поставленный архипастырь и вы, боголюбивейшие архиереи, которых Бог поставил пасти Церковь Свою в этой православной христианской молдовлахийской земле!

Я, последний раб Преосвященств Ваших, стоя перед священнолепными лицами Преосвященств Ваших и всего собора и желая рассказать в этом кратчайшем и неразумном слове о себе, последнем, о том, как все братья собрались о имени Христовом ко мне и друг ко другу, и о нашей жизни, молю Преосвященство Ваше долготерпеливо выслушать мой рассказ, подражая благоутробию и долготерпению Божию, снисходя данной Вам Богом премудростью к грубости моей, человека простого и невежественного.

В юности моей я имел большую ревность и любовь к иноческому житию и, оставив мир и все, что в мире, принял начало иноческого образа в моем отечестве — Малой России. Затем почувствовал ревность к странствованию, чтобы с большим удобством служить Богу. Оставив свое отечество, я пришел на знаменитую Святую Афонскую Гору и поселился под монастырем Пантократор в некой каливе в безмолвии, где и мантию сподобился принять.

* Устав был составлен преподобным Паисием после его переселения с братством в Драгомирнский монастырь и представлен на рассмотрение и утверждение Молдавскому митрополиту и его Синоду.

Когда я находился там некоторое время, один брат-румын из Немула, по ревности Божией пришедший на Святую Гору, начал понуждать меня своими усиленными просьбами принять его в ученичество, но я, видя немощь и неразумие души моей, много раз отказывался. Однако потом, с одной стороны, видя, как он прилежно молит меня принять его, а с другой стороны, рассуждая, что Святое Писание не одобряет того, чтобы страстный жил сам по себе, и запрещает ему это, я решил с тем братом, как единомысленным и единокордным, избрать средний путь иноческой жизни, то есть жизнь с одним или двумя братьями, поскольку этот путь и Святым Писанием, и богодухновенными отцами утвержден и похвален. Поэтому, презрев свою немощь и неразумие, возложив на Бога всю надежду на свое и брата исправление, предложив Писание Святое как незаблуждающегося наставника ко спасению себе и брату моему, я дерзнул его принять, открывая ему из Святого Писания, что не подобает иметь собственного имущества, даже малейшей вещи, исполнять свою волю или последовать своему рассуждению, но должно со страхом Божиим по силе своей совершать послушание душой и телом. Повинуясь этому учению, брат со всем усердием исполнял его самым делом.

Когда я жил единокордно с этим братом такой жизнью, начали и другие братья сильно меня беспокоить своей мольбой принять их в послушание. Но я долго отказывался, боясь взять на себя такое бремя попечения о душах братьев, которое принадлежит одним бесстрастным. Видя же их прилежную мольбу принять их в послушание, сокрушался сердцем и сожалел о них, не зная, что сделать. Потому, не имея возможности избавиться от их прилежной мольбы, я начал принимать тех братьев по одному в послушание.

По причине умножения числа братьев мы перешли из той каливы в скит святого Константина. Когда же там собралось двенадцать братьев, я начал рассуждать, что наше житие из среднего пути (то есть пребывания с одним или двумя братьями) из-за умножения братии меняется на общее житие, которое, по определению святого Василия Великого, должно начинаться не меньше, чем с двенадцати братьев. Поскольку в маленьком скитке святого Константина мы не помещались, то иждивением христолюбцев, а в большей степени трудами братьев мы заново от самого основания построили более просторный скит святого пророка Илии, чтобы там разместиться, и думали только при таком числе братьев жизнь свою завершить. Но когда закончилась постройка скита и мы увидели, что еще больше начало увеличиваться в этом скиту число братьев, приходивших из мира, из этих стран и из моего отечества, на Святую Гору и имевших ревность к такому житию, так что за несколько лет число братьев увеличилось до пятидесяти (поскольку я никоим образом не мог избавиться от их мольбы принять их в послушание), я начал рассуждать, что Святая Гора, как место хотя и святое, но очень суровое, не поспособствует еще большему утверждению такого единогодушного и единомысленного о имени Христовом собрания братьев, но из-за крайних нужд, без удовлетворения которых невозможно состояться общему житию, приведет его со временем к разорению. Потому я решил переселиться со всеми братьями в эту богохранимую православную землю ради большего утверждения нашего общего жития. Этот помысл я много раз открывал Святейшему Патриарху кир* Сера-

* Кир — сокращение греческого слова *κύριος* (кириос), что значит «господин». Уважительное обращение.

фиму, который, сожалея о нашем уходе, захотел было утвердить наше житие в одной святогорской обители, называемой Симонопетра. Однако и это благое намерение Его Святейшества Бог «имиже вестъ судьбами» не исполнил, так что мы понесли и немалые убытки, поскольку, будучи ни в чем не повинны, были принуждены заимодавцами той обители уплатить до семисот левов.

Рассуждая обо всем этом и боясь, как бы не произошло крайнего разорения нашего жития, которое с Божией помощью, благодаря немалым трудам и потам, достигло такого единогодушного совместного друг с другом пребывания, мы устроили совет и все вместе единомысленно и единогодушно решили перейти со Святой Горы в эту православную и богохранимую христианскую землю, чтобы поискать для нашей жизни подходящее место. Приняв это решение, мы вышли со Святой Горы и пришли в эту богохранимую землю, возложив всю свою надежду об устройении нашего жительства на общего Промыслителя и Создателя всех Бога, Который по величайшему Своему и неизреченному милосердию вдохнул благодать Свою в сердца благочестивого и христолюбивого, крестоносного и подражающего Христу в милости господаря нашего, воеводы Иоанна Григория Иоанновича, и нашего Преосвященнейшего Великого Господина кир Гавриила, архиепископа и митрополита этой богохранимой земли, и они, Богу уподобляясь в своем милосердии, дали нам для нашего общего жития прекрасный монастырь Драгомирну, выстроенный блаженной памяти Преосвященным архиепископом и митрополитом Сочавским кир Анастасием Кримковичем.

Мы относим это событие прежде всего к особому, неизреченному Промыслу Божию о нашем общем жи-

тии, а также к хриstopодражательному милосердию благочестивейшего воеводы и Преосвященного митрополита, которые послужили такому Промыслу и воле Божественной, и почитаем это великим для себя чудом. Ибо кто из нас мог надеяться, что нам, бедным, нищим и странникам, не имевшим, где главу приклонить, будет дано такое место и такой прекрасный монастырь со всеми своими угодьями, подходящий для нашего общежития, и более того, что он еще и будет избавлен, освобожден навеки от всех обычных даней, что благочестивый государь утвердил жалованной грамотой своего величества.

Слава Единому Триипостасному Богу, даровавшему Свой Троицкий монастырь нашему общежитию через благочестивейшего воеводу и Преосвященнейшего митрополита. Благодарим и благочестивейшего, хриstopлюбивейшего и премилостивейшего государя нашего, воеводу Иоанна Григория Иоанновича, за эту оказанную нам превысочайшую милость его величества, за которую мы должны до последнего издыхания молить великого в милости Бога о его величестве, да подаст ему, управляющему Богом врученной ему державой, по милости и правде Своей, согласно Своей Божественной воле в настоящей жизни мир, здравие, долголетие, победу над видимыми и невидимыми врагами, а в будущем блаженстве за мудрое и верное управление Богом врученной ему державой да сподобит получить вместе с благочестивой госпожой нашей Еленой Домной, боголюбивыми своими чадами и всем богопрославленным родом венец Царства Небесного, какой имеют благочестивые цари, Богу угодившие.

Благодарим и Преосвященнейшего нашего архиепископа и митрополита, Великого Господина кир Гавриила с боголюбивыми епископами за их величайшую,

явленную нам милость, за которую в наших непрестанных слабосильных молитвах желаем, чтобы они, Богом врученное им стадо словесных Христовых овец, напитав на лугу Божественных Его учений, сподобились в будущем блаженстве от Пастыреначальника (см. 1 Пет. 5:4), Великого Архиерея, прошедшего небеса (см. Евр. 4:14), Христа, Сына Божия, вместе со всеми пастырями и учителями Святой Церкви получить блага, уготованные любящим (см. 1 Кор. 2:9) Бога нашего, *в няже желают ангели приикнути* (1 Пет. 1:12). Благодарим еще и благородных господ бояр за их милости и всех благодетелей этой святой обители, молясь Богу, да воздаст Он им Своим милосердным воздаянием и в настоящей, и в будущей жизни временными и вечными благами за такое их благодеяние нам и этой обители.

Предложив Вашему Преосвященству такой мой краткий, невежества исполненный рассказ о начале нашего общего жития и о причине нашего выхода из Святой Горы в эту богохранимую землю, мы, кроме того, поблагодарили по силе нашей за богоподражательную милость нашего благочестивейшего и христоролюбивейшего господаря, воеводу Иоанна Григория Иоанновича, и нашего Преосвященнейшего Великого Господина кир Гавриила, Богом поставленного архиепископа и митрополита этой православной земли, сверх нашей надежды с любовью страннолюбиво нас принявших и прекрасную обитель для нашего общего жития даровавших. Кроме того, поблагодарили боголюбивых епископов этой богохранимой земли и благородных бояр, которые словом и делом помогли нам в нашей крайней нужде и оказывают всякое благодеяние и вспомоществование святой обители нашей. Теперь приступаем к слову о том, какой общежительный чин по уставу богоносных отцов это общее житие должно, насколько

ко возможно, соблюдать и хранить, не преступая и не изменяя его. А поскольку Бог сподобил нас по превысочайшей милости благочестивейшего государя нашего и Преосвященнейшего Господина нашего митрополита наследовать такую обитель, которая, как мы слышим, с тем намерением и создана блаженной памяти кир Анастасием, архиепископом и митрополитом Сочавским, чтобы в ней житие по всему было общее, согласно Писанию (см. Пс. 132:1; Деян. 2:44), а не особое, то мы крайне возжелали сохранить чин, преподанный им для общего жития, как чин нашего отца и ктитора. Но, прилежно поискав тот чин повсюду и среди подаренных ктиторов книг (из которых небольшое число находится в монастыре), мы его не нашли, поэтому, возложив надежду на Бога и по Бозе на молитвы Преосвященств Ваших и нашего блаженного ктитора, исследовав также смысл Священного Писания и общежительные Богом преподанные уставы святого Василия Великого и прочих святых и духоносных отцов, хотим, по завершении этого исследования, предложить Вашему Преосвященству и всему Богом собранному и избранному духовному собору чин, который приличествует общему житию, необходим для спасения и может соблюдаться в это последнее время. И если в этом, написанном нами общежительном чине что-либо окажется угодно Богу и согласно со Священным Писанием, то молим Преосвященств Ваших и весь духовный освященный собор утвердить этот чин данной Вам Богом властью, чтобы он соблюдался ненарушимо. Если же что-либо окажется Богу и Священному Писанию противно, то молим вас, как овцы — пастырей наших, духом кротости исправить (см. Гал. 6:1) наше невежество по данной Вам Богом духовной премудрости и на пажить богоугодного общежительного чина нас направить.

Итак, сначала мы хотим рассказать Преосвященству Вашему и всему освященному собору не о том чине, который хотим ныне в нашем общежитии установить как новый и прежде не бывший, но о том, который прежде, еще на Святой Горе, в нашем житии установился и по благодати Божией и по вашим многое могущим молитвам, насколько возможно немощи нашей, ненарушимо соблюдается.

1. Первый устав и чин нашего общежития, который и при малом, и при многом числе братьев мы тщательно соблюдали и до сих пор по благодати Божией соблюдаем, состоит в следующем. Ни одному брату никоим образом никакого движимого и недвижимого имущества, до малейшей вещи, не иметь и ничего не называть своим, но все посылаемое Богом для устройства общего жития иметь общее. Ради же благочиния настоятель, усматривая нужду каждого брата в пище, одежде и прочих необходимых вещах, должен как отец, по Бозе заботящийся о своих духовных чадах, снабжать их, подавая каждому необходимое в соответствии с его потребностями, чтобы и необходимое каждый брат получал по послушанию и с отвержением своей воли, а не по самочинному выбору.

Этот чин и устав мы по благодати Христовой приняли, как корень и основание нашего общего жития, точно зная, что от этого в живущих сообща братьях произрастает искренняя любовь к Богу и ближнему, кротость, смирение, мир, единомыслие и отсечение во всем своей воли. И послушание такие братья могут проходить не ради какого-то временного стяжания, не ради славы, чести и телесного упокоения и не по иному какому-либо человеческому соображению, но только ради своего спасения. И потому в них может быть *сердце и душа едина* (Деян. 4:32), а мирская гордыня, ненависть

к ближнему, зависть, вражда, злопамятство и прочее зло не имеют, где главу приклонить, среди братьев, удаляющихся от обладания особым имуществом. Ибо из-за собственности в общем житии рождается всякая злоба, всякое преступление заповедей Божиих, а дерзающий иметь в общем житии некое, пусть и малейшее, собственное стяжание бывает, по Великому Василию, вторым Иудой, оказавшись предателем истины, как Иуда — Господа. Видя из богодухновенных писаний богоносных отцов, что такое зло и вред душевный происходят в общем житии из-за обладания особым имуществом, я весьма ужасался в душе, как бы такой душегубительный недуг не укоренился когда-нибудь в нашем общем житии и не привел бы его в совершенное запустение. Потому я больше всего прилежно заботился о том, чтобы всякому брату, вступающему в общее житие и предающему себя в послушание, особо объяснять на основе Священного Писания, что никоим образом никакого собственного имущества он не должен иметь до последнего своего издыхания. Все братья, единодушно повинаясь этому учению, с великой тщательностью ему следуют, так что ни одному из них никогда не приходит на ум приобретать что-либо для себя лично, и все довольствуются посылаемым от Бога и необходимым для поддержания жизни.

2. Второй чин, который мы по благодати Христовой установили для этого общего жития и который, как думаем, все монашеское житие возвышает, заключается в следующем. Всем братьям, единомысленно и единодушно ради имени Христова собравшимся в этом общежитии, должно прежде всего и более всего стяжать, по слову отцов, послушание, как путь, неуклонно ведущий в Царство Небесное. Всякую свою волю, рассуждение и самочиние оплевав и отбросив, должно со всем

усердием стараться творить и исполнять волю, суждение и заповеди своего отца, если они будут согласны со смыслом Священного Писания, и по силе своей, душой и телом и всем своим благим произволением до смерти послужить со страхом Божиим и смиренномудрием братии, как Самому Господу, а не людям.

3. Настоятель, точно зная, что за души братьев он будет истязан в день Страшного Второго Христова Пришествия, должен всеприлежно исследовать Священное Писание и учение духовных отцов, и без их свидетельства не следует ему от себя ни учение братии предлагать, ни заповеди преподавать или что-либо устанавливать, но он должен согласно смыслу Священного Писания и учению святых отцов часто поучать и наставлять братию, открывать волю Божию и по разуму заповедей Христовых назначать братьям монастырские послушания, боясь и трепеща предлагать им что-либо от себя, а не по разуму Писания, точно зная, что Писание Святое и учение святых отцов как для него самого, так и для братии есть наставник и верный проводник ко спасению. Настоятель, являя собой всему собору образ смиренномудрия и во всем согласного и единомысленного союза духовной любви, должен всякое дело начинать и творить не сам по себе, без совета, но собирая искуснейших в духовном рассуждении братьев и по совету с ними, исследуя и Писание, да не будет что-либо противно Богу, Божественным заповедям и Писанию, — так следует начинать и творить многие важнейшие дела. Если же появится какое-нибудь необходимое дело, о котором и перед всем собором должно объявить, тогда подобает, собрав весь собор, с ведома всего собора и общего рассмотрения начинать и творить такое дело. Так между братьями может быть постоянный мир, единомыслие и нерушимый союз любви духовной.

4. Правило соборное Святой Восточной Церкви: вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы и Божественную литургию, а также всенощные бдения с чтениями на все Господские, Богородичные и великие святые праздники, а на меньшие праздники — полиелей и славословие тоже с чтениями и весь прочий церковный чин и последование по соборному Уставу, как мы привыкли на Святой Горе Афонской, должно совершать в этой обители нашей во всем без какого-либо отступления, без опущения, без всякой спешки, в свое время. Ктиторов и благодетелей святой обители неукоснительно должно помянуть на богослужении по чину и Уставу Святой Церкви, как живых, так и преставившихся. Начальник и все братья, каждый по своему чину, должны всегда быть на соборном церковном правиле в мантиях, рясах и клобуках, и никогда никто не должен от этого отступать, кроме как по благословной причине, например из-за недуга или по необходимому послушанию. Если же кого из братьев не окажется на церковном правиле, настоятелю должно в трапезной при всей братии расспросить его об этом, и если он не представит благословной причины, настоятель при своем обычном духовном словесном наставлении должен дать такому брату соответствующую епитимию — делать поклоны всю трапезу или не вкушать в тот день.

5. Настоятель и вся братия должны каждый день собираться в трапезную и все вместе вкушать во славу Божию посылаемые Богом, общие для всех пищу и питье, не порочащие иноческий обет, строго храня общий Устав Святой Церкви о разрешении и неразрешении*. На трапезе братья должны сидеть по своему чину

* Имеется в виду разрешение и неразрешение определенной пищи.

в мантиях, рясах и клобуках, вкушать пищу с великим и крайним молчанием и страхом Божиим, внимая чтению, которое в трапезной должно быть каждый день непременно, из житий святых, из отеческих и поучительных книг по Уставу Церковному. А во все воскресные дни в течение всего года, в Господские великие праздники, в дни празднуемых святых, а если возможно, что еще лучше, то и каждый день непременно должна быть Панагия*. Весь чин трапезы в нашем общежитии должен совершаться по обычаю святогорскому, и никоим образом по келиям никогда да не будет позволено есть ни настоятелю, ни братьям, кроме как при недуге или по крайней старости, и все да вкушают одну общую пищу. Если же у кого из братьев будет больной желудок и он не сможет вкушать общую пищу, такому, по учению святых отцов и по рассуждению настоятеля, должно давать пищу, полезную ему при такой его крайней нужде, однако и ее он должен принимать вместе со всеми братьями в трапезной, а не в келии.

6. В келиях братья должны пребывать по преданию святых отцов со страхом Божиим, всякому подвигу предпочитая умную молитву — как любовь Божию и источник добродетелей, — в сердце умом художно совершаемую, как учат о ней многие богоносные отцы: святой Иоанн Златоуст, святой Симеон, митрополит Солунский, святой Каллист, Патриарх Цареградский, святой Исихий Иерусалимский, святой Симеон Новый Богослов, святой Иоанн Лествичник, святой Максим Исповедник, святой Григорий Синаит, Петр Дамаскин, святой Нил Синайский и святой Диадокх, епископ Фотийский, — все они, а также и другие богоносные свя-

* Подразумевается особое чинопоследование, совершаемое в монастырях после литургии во время трапезы, — чин о Панагии.

тые отцы учат этому духовному деланию, то есть умной молитве. И большее время нужно уделять ей, а после нее заниматься пением псалмов и умеренным чтением Ветхого и Нового Завета, поучительных и святоотеческих книг. Память же о смерти, о грехах своих, о Страшном Суде Божиим, о муке вечной, о Царстве Небесном и самоукорение должен всякий по силе своей иметь всегда, как в келии, так и на всяком месте, при всяком деле, и в назначенном ему настоятелем рукоделии или ремесле упражняться, праздным же в келии не сидеть, ибо праздность научает инока всякому злу, а от безвременных выходов из келии и бесполезных бесед необходимо убежать и отвращаться, как от смертоносного яда.

7. Настоятель ради испытания в смиренномудрии, истинном послушании и отсечении во всем своей воли и рассуждения (что есть лестница, возводящая послушников в Царство Небесное) должен на определенное время направлять братьев в поварню, пекарню, келарскую и трапезную и, проще сказать, на все послушания внутри монастыря, не употребляя на таких послушаниях монастырских работников. А братья, взирая на подвигоположника и совершителя веры Иисуса (см. Евр. 12:2), Который показал Собой образ послушания и истинного смирения, когда умыл ноги ученикам, не должны отказываться и от самого последнего, как им кажется, послушания, веруя, что оно исходатайствует Царство Небесное, если они со смиренномудрием и страхом Божиим послужат братьям не как людям, но как Самому Богу. Работников же монастырских настоятель должен определять на такие дела, которые братьям без рассеяния ума, без выхода из монастыря и без оставления безмолвия исполнять невозможно.

8. Настоятель сам должен ко всем братьям, как к своим близким о Господе духовным чадам, иметь равную

любовь и также должен весьма тщательно следить, чтобы и братья друг к другу имели в равной мере истинную и нелицемерную духовную любовь как признак ученичества Христова. Искключительную же любовь и особую в общине дружбу, как причину подозрений и зависти и разорительницу истинной любви, он должен всячески стараться из общины искоренять. Все немощи и падения своих немощных чад следует ему по-отечески долготерпеливо сносить с надеждой на их исправление и истинное покаяние и немощных исправлять духом кротости, всегда наставляя словом на полезное, а не удалять их из общины из-за их немощи душевной, в особенности же если от нее не происходит вреда прочим. Самочинно же живущих, следующих своей воле и рассуждению, отвергших благое иго послушания и таким своим лукавым примером приносящих вред обществу никак не должно терпеть, но после достаточного духовного словесного наставления и поучения (наедине, при двух или трех братьях и перед собором) пребывающих в том же или еще худшем устроении и не желающих исправиться следует, хотя и со многими слезами, сожалением и болью душевной, изгонять и отсекаать от общего тела братства, как члены, поврежденные губительным недугом, чтобы и прочие от такого душетленного недуга не повредились. А образумившихся и обратившихся к истинному покаянию он должен принимать с радостью, как чадолюбивый отец, и всякую милость и сострадание им оказывать и согрешения их прощать, со всеми братьями об их обращении духовно веселясь.

9. Для управления вотчинами и монастырскими работниками настоятель должен иметь опытного во всем брата, способного без преступления заповедей Божиих и без разорения своей души хорошо управлять этими делами, чтобы сам настоятель, будучи свободен

от всего, мог с бóльшим удобством заниматься духовным попечением о душевном спасении братьев и о всяком церковном и общежительном благочинии. Также и в духовном попечении о братьях настоятель должен иметь себе помощника, опытного в разуме духовном брата, и на время своей отлучки ради общемонастырской потребности должен оставлять его с братьями вместо себя ради благочиния и духовного руководства братьями. Настоятель, желая куда-либо отлучиться по общемонастырской надобности и на некоторое время там задержаться, должен собрать весь собор братьев в церковь и, облобызав святые иконы и взяв у иерея молитву о путешествии, объявить всему собору о своем намерении и смиренно молить весь братский собор, чтобы он молился о нем Богу, дабы ему здраво и благополучно к ним возвратиться, и, таким образом у всех братьев испросив прощения и преподав всем свое благословение, отправляться в путь. Возвратившись же с Божией помощью из путешествия, не тотчас идти в келью, но, собрав всех братьев, сначала идти в церковь и, пред всем собором воздав должное благодарение Богу за то, что он был сохранен в пути по молитвам братьев, поблагодарить и братьев за их молитвы, рассказать о милости Божией, оказанной ему для общей пользы братства, ради которой он отлучался, и тогда идти в свою келью.

О принятии братьев в иночество, о больнице, о странноприимнице, о ремеслах

10. Когда брат Богом приводится из мира в иночество, настоятель должен прежде всего наедине испытать его совесть и в достаточной степени открыть такому

брату на основе Писания сущность иноческого общего жития и по Бозе послушания, до смерти отсечения и умерщвления своей воли и рассуждения и если увидит в нем истинное, а не притворное желание иночества и ревность божественную, тогда и перед всем собором братьев, вновь ему открыв сущность общего жития иноческого и послушания, принять этого брата в общее житие и послушание и не тотчас в иночество постригать, но после того как продержит его в искусе в мирской одежде установленное правилами время: иного три года, а иного шесть месяцев, смотря по плоду послушания. После этого постригать в иночество — иного в рясу, а иного и в мантию — и присоединять к братии. Если же, продержав его в искусе установленное время, истинного во всем повиновения и отсечения воли в нем не увидит, такого и после трехлетнего искуса никак не постригать, но отпускать в мир, чтобы не было общему житию от таких самочинников смущения.

11. Если случится, что брат, приходящий из мира в иночество, и некое имущество принесет в монастырь, настоятель должен хранить такое имущество в общей монастырской кладовой и не растрачивать его до пострига этого брата в иночество, после же пострига может его расходовать на общие нужды монастыря и братьев. Если же находящийся в искусе прежде пострига пожалеет о своем уходе из мира и захочет из обители возвратиться в мир или уйти в иную обитель, такого должно отпустить, отдав ему в целости все имущество, принесенное им в обитель, чтобы не было ни обители, ни такому брату из-за этого смущения.

12. В обители непременно должна быть устроена больница ради братьев, страдающих различными болезнями, чтобы о заболевшем было особое попечение

и он имел пищу, питье и всякий покой. В ней настоятель должен поставить брата опытного, который мог бы с рассуждением духовным послужить больным и, если бы такой нашелся, имел по крайней мере некоторый опыт врачебного искусства. С рассуждением служа больным, он должен каждому из них подавать подходящую пищу, полезную при их недуге, и питье, и во всем доставлять им покой, со страхом Божиим служа им как Самому Господу, чтобы и служащий имел награду от Господа, сказавшего: *Был болен, и вы посетили Меня* (Мф. 25:36), и больные, во всем находя для себя надлежащий покой, благодарили Бога и получили от Него награду за то, что терпят недуг с благодарением.

13. Должно настоятелю заботиться о том, чтобы в монастыре были различные ремесла, а в особенности те, без которых невозможно устроиться человеческому житию, и распределять их среди братии, а неумеющих обучать, дабы благодаря тому, что сами братья занимаются такими ремеслами ради общей пользы, все общество братьев могло без смятения удовлетворять свои необходимые нужды и избегать неуместного выхода в мир ради этих потребностей и следующего за этим выходом душевного вреда.

14. Должно, чтобы были устроены две странноприимницы: одна внутри монастыря, для приходящих в обитель честных духовных и мирских лиц, другая же вне монастыря, чтобы приходящие в обитель находили и себе — внутри монастыря, и скоту своему — вне монастыря надлежащий покой и служение. И на эту службу настоятель должен ставить опытных братьев, способных с рассуждением духовным послужить странникам, чтобы и сами они награды от Бога за разумное свое служение странникам сподобились, и вся общи-

на, видя, как странники принимают подобающее им угощение и служение, пребывала без смятения и какого-либо беспокойства. Должен настоятель как к духовной своей братии духовную по Бозе любовь иметь, так и ко всем приходящим в обитель нищим, больным, не имеющим, где главу приклонить, по заповедям Божиим ту же любовь показывать, принимать с любовью иного в странноприимнице, иного в больнице, по силе своей о телесных их потребностях иметь попечение и, по возможностям обители снабдив их необходимым на дорогу, с миром отпускать.

Все эти и прочие общежительные уставы святых отцов как во Святой Афонской Горе мы по силе нашей хранили, так и здесь, насколько возможно, благодатью Христовой в нашем житии они сохраняются, только еще готовых странноприимниц для приема приходящих в обитель, а также и достаточного числа келий для упокоения братьев не имеем и в великой тесноте пребываем и поэтому всесовершенного чина, какой должен соблюдаться в общем житии, еще не можем иметь. Но по мере возможности, поскольку руку помощи Господь нам подает, благодатью Христовой его придерживаемся, до тех пор пока и эту нужду нашу Господь неизреченным Своим Промыслом не исполнит (как и прочее потребное для поддержания жития нашего Он для нас устраивает), так, чтобы всякий брат после трудов церковного правила и различных послушаний, ради умного делания и телесного подвига, а также и покоя имел свою отдельную келейку как тихое и небурное пристанище — отчего в братии может быть лучшее духовное устройство и преуспяние, да и во всяком деле может быть установлено лучшее благочиние.

Этот чин и устройство нашего общежития, хотя и не со всеми подробностями, чтобы не обеспокоить

благоразумие Ваше нашим неразумием, мы показали Преосвященству Вашему и всему богоизбранному собору и, если есть воля Божия и служит что-либо для пользы душевной, молим и преосвященств ваших со всем богоизбранным собором вашей богоданной властью и грамотой это утвердить. Если же это несогласно с Писанием и противно спасению душ, тогда пусть будет то, что угодно Богу и согласно со Священным Писанием.

15. При этом молим еще преосвященств ваших и весь духовный собор о том, чтобы женскому полу вход в обитель вашей богоданной властью был возбранен, кроме случаев общего для христиан бедствия, которое бывает во время войны и раздоров. Также молим, чтобы и скит, еще прежде монастыря созданный всеблаженным нашим ктиторм в честь трех святых Еноха, Илии и Иоанна Богослова, никогда никоим образом от монастыря отлучен и отделен не был; а в скит на жительство настоятелем и всем собором да будут определены и да поселятся из послушания, оставив свою волю, братья, исправно соблюдающие чин и уставы общежительные, и да получают они все необходимое для поддержания жизни от общины; странствующим же каким-либо инокам и имеющим свое особое имущество жить там никоим образом да не будет позволено, чтобы от этого не было собору общего смущения. Братья же, направленные собором жить там по послушанию, должны и правило церковное по уставу, и Божественную литургию ради поминовения ктиторов и благодетелей всегда совершать.

16. Еще молим Преосвященнейшего нашего Великого Господина, архиепископа и митрополита, чтобы он, если Бог изволит, когда придет весна, своей богоданной властью повелел работникам монастырским пере-

селиться на монастырский метох*, и чтобы туда, по благословению его преосвященства, к церкви, с помощью Божией созданной, ради живущих на метохе людей и работников монастырских был определен мирской иерей, который прислушивался бы к их христианским нуждам и послужил спасению их душ, дабы монастырь не испытывал какого-либо об этом беспокойства и у всего собора братьев в монастыре и в скиту устроилось тихое и безмолвное житие.

17. И еще я, последний, со всем своим собором молю Преосвященного нашего Великого Господина, архиепископа и митрополита, боголюбивых епископов и весь освященный собор о том, чтобы в нашем общежитии этот чин был утвержден крепко и непоколебимо и чтобы после смерти одного настоятеля — другого со стороны на должность настоятеля не присылали. Но по согласному, единомысленному избранию всего собора, по совету умирающего настоятеля и по благословению Преосвященного митрополита, должен быть избран из общества братьев и поставлен** такой брат, который в разуме духовном, в знании Священного Писания и общежительных уставов, а также в послушании и отсечении своей воли и рассуждения, в любви, кротости, смирении и во всех добродетелях превосходит остальную братию, может сам словом и делом подать пример для пользы братьев, почтен саном священства и, поскольку из трех народов общество наше состоит, хорошо знает три языка: греческий, славянский и молдавский — или по крайней мере, ради необходимости два: молдавский и славянский, чтобы все общество братьев в духовных нуждах всегда у него находило готовое духовное вра-

* От греческого Μετοχίον — монастырское подворье, село, принадлежащее монастырю.

** Имеется в виду поставлен в настоятели.

чевание. Если такой начальник избран общим решением всего собора из того же общежительного собора и поставлен по благословию Преосвященного митрополита, тогда все общежительное о Господе собрание и житие братьев может по благодати Христовой пребывать неразоримым и благоуправляемым, как корабль, умело управляемый искусным кормчим. Если же со стороны, а не из собора братьев будет поставлен какой-нибудь начальник, который не стяжал на деле совершенной нищеты, послушания, отсечения своей воли и рассуждения, не претерпел укоризн и бесчестия в общем житии, не знает сути Писания и общежительных уставов, а еще и свое особое имущество имеет и принял начальствование не с тем намерением, чтобы положить душу за братьев (см. Ин. 15:13), но с тем, чтобы только себя упокоить и имущество свое приумножить, то как такой может стадо словесных Христовых овец хорошо и усердно пасти на пажити Слова Божия и заповедей Божественных и верно управлять кораблем общего жития, когда сам еще не был никем по Бозе управляем? Да и собор братский, добровольно ради своего спасения для общего о Господе жительства собравшийся, как такому наставнику покорится? И если бы когда-нибудь так произошло, что насильно, без соборного избрания был бы поставлен начальник над братией, то это не привело бы ни к чему иному, как к полному и совершенному рассеянию братства и разорению общего жития.

Поэтому мы и вновь молим преосвященство ваше утвердить Вашей богоданной властью то, чтобы начальник избирался из собора братьев, а не со стороны был присылаем, ибо не знаем иного более серьезного повода для запустения общего жития, кроме этого. Разве только в том случае, если во всем собрании братьев

не окажется ни одного такого брата, который мог бы и словом, и делом, и примером быть для братии наставником ко спасению, а в другом месте был бы такой отец, который знал бы суть Священного Писания и общежительных уставов, приобрел совершенное нестяжание, умерщвление своей воли и рассуждения в повиновении духовному отцу своему в общем житии и мог, по слову Писания, хорошо пасти стадо Христово (см. 1Пет. 5:2). Но и такой отец в случае столь крайней нужды да будет поставлен начальником над братией только с добровольного произволения всего собора, с благословения Преосвященнейшего митрополита, и прежде всего пусть он по самой совести христианской и иноческой перед всем собором даст обещание Богу никоим образом до самой смерти никакого своего движимого имущества в общем житии не иметь и не приобретать, но вместе с братией все от Бога посылаемые для устройства общего жития нужные вещи иметь общие. Если такой начальник таковым образом над общежительной братией поставлен будет, то веруем, что по благодати Христовой также не будет запустения общего жития.

Поэтому мы думаем, что и блаженной памяти ктитор священной этой обители, установивший в ней общее житие, для того так повелел и страшными клятвами подтвердил запрет поставлять игумена в эту обитель из иного монастыря, чтобы не произошло, как мы думаем, запустения общего жития. Поэтому молим преосвященств ваших: такое наше смиренное моление и блаженного ктитора законоположение утвердите богоданной вашей властью, чтобы это твердо и непоколебимо держалось в нашем общежитии, дабы и само это общее житие благодатью Христовой и многое могущими вашими молитвами постоянно пребывало целым и неразоримым.

18. И еще вновь молим преосвященств ваших и весь духовный освященный собор: богоданной вашей властью утвердите и то, чтобы монастырь этот ни у кого никогда не был в подчинении (о чем мы и страшную клятву блаженной памяти ктитора этой святой обители нашли), поскольку и от этого произойдет полное разорение общего жития. А если монастырь не находится ни у кого в подчинении, то и общее в нем братское житие может по благодати Христовой пребывать неразоримым и непоколебимым.

Этот чин нашего общего жития и смиренное о наших нуждах моление предложив в кратчайшем виде преосвященству вашему и всему освященному собору, полагаемся на богодухновенное преосвященства вашего и всего освященного собора духовное рассуждение, которое Дух Святой, всегда при собрании православных архиереев и прочих духовных лиц невидимо присутствующий, вам вдохнет; и как повелите соблюдать чин в общежитии нашем: или соблюдать этот, который мы соблюдали доньше и соблюдаем (хотя мы и не обо всем написали и объявили боголюбию Вашему, но только о том, что сочли самым нужным), или как вы повелите и как более всего угодно Богу и необходимо для спасения, — так пусть и будет. Или если сверх того чина, которого мы придерживаемся до нынешнего времени, Вашим боголюбием будет что-то установлено и добавлено, то мы, как от Бога, это принимаем и лобызаем, повинуюсь во всем, словно овцы, от Бога поставленным пастырям нашим, и остаемся преосвященства вашего и всего освященного духовного собора благопокорными послушниками.

*Последнейший из иеромонахов
Паисий со всей о Христе братией*

Письма, послания

Ответ отцам Дорофею и Геронтию о том, чтобы не есть мяса

Того же ответ своим ученикам, отцам Дорофею и Геронтию, находящимся в Бухаресте, посланным его преподобием в школу для обучения греческому языку. О том, чтобы не есть мяса.

Любезный брат Дорофей, спасайся о Господе.

Не удивляйся, любезный, что я не скоро послал ответ на твои письма, ибо ты хорошо знаешь о том, что служит мне препятствием, в особенности о дальности пути и происшествиях на границе, поскольку здесь край несвободный. Это препятствует мне исполнить желание — один Господь знает, каково оно у меня, — позаботиться о вас в нуждах ваших. Я говорю о пересылке пропитания. Невеликое было бы дело от наших виноградников послать вам нужное для пропитания, но граница — край несвободный. А если бы вы были в школе в Яссах, то было бы возможно в достаточной мере помогать вам от монастыря. Но теперь, что касается помощи вам, остается одна надежда по Бозе на отца Матфея, которого я немало и просил в написанном его святыне письме, чтобы он взял на себя труд помочь вам тем, что требуется для пропитания. Уповаю, что после этой моей просьбы помощь последует, поскольку я пообещал в письме возместить деньгами его святыне все, что он издержит на вас. Теперь же посылаю вам малую сумму денег, ибо вы знаете нашу прежнюю скудость,

но теперь еще большая скудость нас постигла. Впрочем, уповаю на Бога, что мы не будем оставлены до конца.

Вместе с тем по необходимости следует мне дать ответ на вопрос о мясоядении, которое вам советуют (то есть советуют разрешать на мясо) те, кто мечтают быть владыками. Мне же кажется, что по правому смыслу и установлению всей Святой Православной Церкви и самому ангелу не следует в этом подчиняться, а для опровержения советов тех людей и вашего утверждения достаточно сочинения о мясоядении блаженной памяти старца Василия, который сочинил его не без содействия благодати Божественного Духа. Думаю, что ты прочитал его и сам, оно исполнено многой силы и мудрости Божественной. В нем старец Василий хорошо показывает, насколько могу вспомнить, что от начала создания мира и человека не было воли Божией, истинной и совершенной, на то, чтобы люди вкушали мясо; правда и то, что не только в раю, но и до потопа мясоядения среди людей не было. А после потопа Бог всеведущий предвидел и предузнал, что люди (человечество) дойдут до такой слабости, что, если им не дать свободы через благословение, они и без благословения начнут есть, поэтому Всещедрый и Всеблагый Бог, зная слабость человеческого естества, оказал снисхождение и благословил*. Но порядок монашеской жизни во всем, насколько возможно, изображает пребывание в раю, соответствует ему и подчиняется совершенной воле Божией. Тогда не было мясоядения — и монахам не подобает есть мяса. В раю была особенная жизнь, отличная от жизни после преступления закона, — так же и монашеская жизнь во всем, насколько возможно, по справедливости должна отличаться от мирской. В на-

* Есть мясо.

чале монашеской жизни, в то время, когда она не была еще во всем утверждена преданиями и уставами святых отцов и вообще всей Православной Церкви, имели обычай есть мясо в некоторых монастырях, особенно в тех, которые находились в больших городах, — в то время монашеская жизнь была подобна отроковице, не достигшей еще в меру возраста. А в пустынях и скитах, как и в большом Египетском Скиту, отнюдь не было обычая есть мясо. Но после того, как преподобный и богоносный отец наш Савва Освященный установил, чтобы монахи отнюдь не ели мяса, это установление и все святые отцы приняли и утвердили, и его как непоколебимый и ненарушимый церковный закон и порядок все истинные монахи повсюду с великой ревностью приняли: в Иерусалиме, во всей Палестине, в Синайской горе, в Афонской Горе, в Царьграде и во всей Греции, а также в других империях, на Востоке и Западе, в Грузии и Болгарии. Впоследствии и в России с принятием святой веры оно принято и доныне всеми соблюдается, потому что нигде на трапезах не едят мяса. Это же установление и в этих двух странах* во всех монастырях было введено и принято, оно и доныне во многих обителях по благодати Божией соблюдается. Если бы оно было только в одной стране или только в некоторых из обителей, то кто-нибудь мог бы сказать, что это установление только местное или некоей страны. А так как во всех странах православных, во всех обителях и Церквях было узаконено и во всех типиках** утверждено, что монахи не должны есть мяса, то кто осмелится когда-нибудь это установление Церковное нарушить? И не предоставлено чьему-либо произволу, есть мясо

* Вероятно, преподобный Паисий имеет в виду Молдавию и Валахию.

** Типик (от греческого) — устав.

или не есть, но всем приличествует поступать точно так, как богоносные отцы установили для монахов в типаках Церковных. А те, которые в слабости телесной находят повод для того, чтобы позволить себе есть мясо, — они самые, да и другой кто-нибудь, могли бы узнать после тщательного испытания, что это не повод, ибо в дни постные они бывают более крепкими и здоровыми, чем в дни мясоядения (хотя и кажется им, что, не поев мяса один день, они не могут оставаться в полном здравии), и все дела свои устраивают как в дни мясоядения, так и в дни постные, а иногда в эти последние и лучше, чем в первые. Но если кто-нибудь стыдится поношения со стороны тех, которые советуют ему есть мясо и чьим советам он не последует, тогда пусть стыдится такой и честного монашеского образа, ибо одно с другим сопряжено.

Если кто-либо вступил в чин монашеский с добрым произволением, ему вменяется в обязанность всё относящееся к монашескому образу и во всяком ином месте до самого последнего своего издыхания соблюдать, не нарушая ни под каким предлогом. И это очень уместно, ибо нам следует искать славы не от людей, но от Бога (см. Ин. 5:44) и опять следует угождать не людям, но прежде всего Богу (ср.: Гал. 1:10), и это — самое доброе дело, при совершении которого нет ничего невозможного (см. Мк. 10:27). Но и те, которые, как вы писали, упрекают вас, — если увидят и узнают, что вы оставили порядки монашеского образа, то, полагаю, если и не открыто, однако внутри себя сильно соблазняются; они сочтут, быть может, что вы не по божественной ревности изучаете то, что изучаете, но ради самой кратковременной пользы, чести и славы человеческой. А увидев, что вы и на деле придерживаетесь во всем правил монашеских, они сами вас похвалят и ублажат

и, благодаря такому вашему порядку, получают немалую пользу. Ибо доброму делу свойственно прославлять тех, которые его любят, и оно всегда более приносит пользу, нежели соблазняет.

Кроме этого нужно сообщить и следующее: ответ на ваши вопросы касательно подобных предметов я сообщил одному только брату Онорию, которому и следует ответ этот переписать для тебя. Если бы и братья собора нашего, в который входят и те, кто живет в пустыне, узнали и услышали о подобном вопросе, то немало соблазнились бы, поскольку они считают вас ангелами Божиими, полагая, что вы, находясь там, ни в чем не уклонились от подвига вашего, какой имели прежде, как и сам ты писал в посланном мне ответе, что Сам Бог дал тебе подобного товарища, святогорца, от которого ты немало пользы получаешь, живя вместе с ним так, как и прежде жил ты в пустыне, чему я немало радовался и за что прославлял Бога.

О! Если бы опять я услышал добрые вести о вас и этим обрадовал бы меня Спаситель, Христос истинный Бог наш, Который сохранил здоровыми и невредимыми трех прекрасных отроков в печи Вавилонской, — они питались семенами и оказались более красивы, чем те, которые во многом роскошестве изобиловали. Подобно им и вас, чада, уповающих на Промысл Его и с благодарностью принимающих всякий недостаток, да сохранит Он здоровыми и невредимыми телесно и душевно и да дарует хорошие успехи в учебе, которую вы для общей душевной пользы начали проходить.

Ответ этот сообщи и брату Геронтию.

Духовный твой отец, старец Паисий

Письма иерею Димитрию

Письмо первое иерею Димитрию

Авраамовым делам подражателю, заповедей Божиих усердному делателю, моему вседражайшему другу, господину отцу Димитрию-иерею — о Господе радоваться!

О имени Господа нашего Иисуса Христа (ведь подобает, как сказал святой Иоанн Лествичник, от Бога начать слово к Божию угоднику) задумал я тебе, вседражайшему моему другу, истинному рабу Христову, призвав Его Божественную благодать в помощь немощи ума моего — ведь без Него, по неложному Его слову, *не можете делать ничего* (Ин. 15:5), — хотя бы малое нечто написать кратчайшим моим словом об общем житии и треблаженном послушании, которое для общего жития, лучше же сказать, и для всего монашества есть корень и основание; полагаю, что такое мое к тебе письмо более всего будет благоприятно для вселюбезной мне и всесвященной твоей души, которая имеет в себе даже и доныне неугасимый, вверженный Богом огонь любви к монашескому житию и хранит его богоугодно.

Знай, всевозлюбленный мой друг, что Дух Святой через святых отцов всё монашеское житие определил и установил разделить на три чина: на отшельническое уединенное пребывание, на совместное жительство с одним или двумя братьями и на общее житие.

Отшельническое житие таково: кто-либо вдали от людей в пустыне пребывает один и во всём, что касается его души, а также пищи, одежды и прочих телесных потребностей, на одного лишь Бога надежду имеет, в бранях своих и немощах душевных и телесных только Его одного имея помощником и утешением, всякого утешения этого мира чуждаясь и сторонясь ради любви Божией.

Жительство с одним или двумя состоит в следующем: старец, искусный в Святом Писании, пребывает на безмолвии и имеет одного ученика или двух, живущих вместе с ним в послушании и повиновении ему душой и телом.

Общее же житие, которое, согласно святому Василию Великому, начинается (по примеру жизни Господа с учениками) не менее чем с двенадцати братьев и затем, насколько Бог помогает, возрастает и становится многолюдным собранием, состоящим из людей одного или, что чаще бывает, многих народов, — заключается в следующем: все собравшиеся вместе во имя Христова братья имеют единую душу, единое сердце, единую мысль и единое произволение служить Христу деланием Божественных Его заповедей и друг друга тяготы носить, повинаясь друг другу в любви Божией, они имеют для этого отцом своим и наставником настоятеля обители, искусного в разумении Божественного Писания, словом и делом наставляющего, и во всём ему, как Самому Господу, повинуются с крайним и совершенным отсечением и умерщвлением своей воли и рассуждения, то есть заповедям его и учению, если таковые согласны будут с заповедями Божиими и учением отцов, нисколько не сопротивляясь, но всеусердно стараясь повеленное им исполнять со страхом Божиим, верой и любовью. Всё необходимое для удовлетворе-

ния телесных потребностей имея общее, своего собственного имущества движимого и недвижимого совершенно не должны они иметь ни в каком виде (ср.: Деян. 2:44, 4:32).

Во всех этих трех чинах, как установленных Духом Святым, многие из святых отцов в совершенстве угодили Богу и дарованиями духовными просияли, как солнце. И о всех этих трех чинах и устроениях монашеского жития святые отцы приводят свидетельства из Божественного Писания.

О первом чине, то есть об уединенном житии, они, с одной стороны, рассуждая о высоте такого жительства, которое приличествует одним совершенным и бесстрастным и тем, кто чудесно по смотрению Божию призван к такому житию, с другой же — рассматривая присущую нам, новоначальным и страстным, немощь и многообразные обольщения вражеские, последующие за самочинным житием, приводят свидетельство из Писания: *Горе одному! Если впадет в уныние, или сон, или разленение, или отчаяние, нет среди людей того, кто восставил бы его* (Екк. 4:10).

Жительство с одним или двумя святые отцы хвалят, называя его прехвальным ангельским пребыванием и царским путем, и приводят из Писания свидетельство Господне: *Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18:20).

Об общем же житии приводят свидетельство из Святого Писания: *Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132:1).

Поскольку монашеское житие распределено так на три чина, преподобный Иоанн Лествичник исходящим из мира в монашество преподает совет не уклоняться ни направо, ни налево, но царским путем идти (см. Чис. 20:17), то есть не отходить в пустыню, поскольку

уединенное пустынное житие ангельской крепости требует. И новоначальный, а в особенности побеждаемый такими душевными страстями, как гнев, ярость, тщеславие, зависть, самомнение и прочие, даже и следа такого пустынного жительства, сказал Иоанн Лествичник, да не дерзает видеть, чтобы иступлением ума не пострадать, и в общежитие да не дерзает входить — не потому, что оно бесполезно (ибо что полезнее такого жития, хваля которое, святой Василий Великий говорит, что недостает его словам силы для похвалы высоты и величия такого жития), но потому, что оно великого требует терпения.

Советует же святой ходить царским путем, то есть иметь пребывание с одним или двумя, поскольку такое житие является удобнейшим для многих, как не требующее столь великого терпения, какое нужно в общежитии, и как житие немногочисленного более отраднее. Ведь повиноваться во всем одному своему отцу или еще живущему с ним брату не столь удивительно и меньшего терпения требует.

В общежитии же с многочисленной братией не только отцу своему, но и всем братьям, и самым последним повиноваться, и терпеть от них досаждение, бесчестие, поругание и всякий вид искушения, и иметь себя прахом и пеплом под ногами у всех, и, как раб купленный, служить всем со смирением и страхом Божиим, и претерпевать с разумом постоянную последнюю нищету, присущую общему житию, и скудость потребного для тела в пище и одежде — это дело великого, крайнего и страдальческого терпения; и претерпевающие до конца в таком богоугодном общежитии столь великой награды в будущем блаженстве сподобляются от Подвигоположника Христа Бога нашего, что умом человеческим того постигнуть и словом выразить невозможно.

И потому, по рассуждению святых отцов, два эти чина монашеского жития, то есть пребывание с одним или двумя и общее житие, предлагаются исходящим из мира в монашество на выбор, в каком кто пожелает, отрехшись от мира, служить Христу: в первом ли, как отраднейшем по сказанному, или во втором, страстотерпческом, общежитии, дабы и сугубый венец, по слову Лествичника, от Бога в день праведного по делам воздаяния получить.

Третий же чин, то есть пустыню, святые отцы отнюдь не повелевают и не советуют избирать себе для жительства исходящим из мира новоначальным по той причине, что пустынное житие они уподобляют Христову на Кресте распятию, а общее житие — страстям Христовым, которые Он ради нашего спасения прежде Креста претерпел.

Ведь как Христос, Спаситель наш и Подвигположник нашего спасения, Который во всём Самим Собой, пречистым Своим в мире житием образ и начертание нам представил для благоугождения Ему, не прежде претерпел на Кресте распятие, а затем пречистые Свои страсти, но прежде — страсти, а затем — Крест, так и хотящему угодить Богу в иночестве необходимо, как повелевают святые отцы, по примеру Господа начинать житие свое с общего жительства, которое соответствует страстям Христовым, и страдать в нём вместе со Христом при совершенном отсечении своей воли и рассуждения; бесчестие же, поругание, укоризну и всякий вид искушения с великой и неизреченной радостью претерпевать, пока не станет непорочным в смирении. А именно должен он все эти искушения с великой и неизреченной радостью претерпевать и, как пития небесного, желать их на всякий час, искушающих же его должен почитать как великих своих благодетелей и ходатаев

своего спасения, себя имея под ногами всех, подобно праху и пеплу, от всей души считая себя недостойным жить с ними и на чье-либо лицо взирать.

И от такого долговременного и глубокого своего смирения, которое в общем житии он стяжал с помощью царицы добродетелей — преблаженного послушания, возгорается в блаженной душе его пламень неизреченной любви Божией, и не может он более, по святому Арсению, быть с Богом и с людьми; и такой по совету отцов может уйти в пустыню, которая соответствует распятию Христову на Кресте, — для того, чтобы совершенно уже умертвить себя для этого мира, а со Христом распяться. Именно такому искусному истинному воину Христову, прежде обучившемуся посреди множества Христовых воинов умело бороться с невидимыми врагами своими духовным оружием, а затем вышедшему на единоборство, Бог помогает одержать над врагами преславную победу; и Он венчает такого неизреченными Своими Божественными дарованиями, как совершенного Своего угодника и страдальца, должным образом подвигающегося. И для такого пустыня бывает умножением Божественной любви, поскольку сподобляется он весь быть в Боге и Бог бывает в нём.

После того, как всё это так чудно Духом Святым через святых отцов установлено и устроено, если кто, уйдя из мира в монашество и презрев такое законоположение Духа Святого, вместо того, чтобы предать себя в общежитии в святое и блаженное, по слову, то есть по разуму, писания, послушание (через которое он смог бы благодатью Христовой стяжать истинное смирение, а через него избавиться от своих страстей, в особенности же душевных), из кичливого усердия устремится в пустыню, будучи страстным и немощным душой

и неискусным в подвиге духовном, и изберет для себя житие безмолвное и уединенное, желая, вместо того, чтобы подражать страстям Христовым в общежитии, сразу же ранее времени на Крест Христов взойти удалением в пустыню, на такого гнев Божий приходит за его презорство, и он, как неискусный воин, не научившийся в общежитии искусству мысленной брани и не умеющий еще даже оружия духовного в руках держать, но дерзнувший отлучиться из стана искусных воинов Христовых на единоборство, чтобы наедине бороться с врагами своими — бесами, вместо победы, по Божию попущению за его презорство, терпит поражение, падает перед врагами своими и вскоре бывает ими умерщвлен. Ибо, говорят отцы, это дело сильных и совершенных — наедине с бесами бороться *и меч...*, *который есть слово Божие* (Еф. 6:17), против них извлекать. Дерзкий же такой и презорливый, прежде времени устремившийся в пустыню, вместо пшеницы пожнет терние и вместо спасения обретет погибель. Почему? Потому что он становится презрителем и разрушителем такого Богом преподанного чина, который, как сказано прежде, Христос Бог наш Своим пренепорочным и пречистым во плоти житием для нас установил; и вместо того, чтобы страдать со Христом в общежитии, он дерзнул по гордыне своей на Крест Его взойти, избрав для себя прежде общежития пустыню. И такой не пустынный, но самочинник, и житие такого не пустыня и уединенное безмолвное пребывание, но самочиние. И за таким самочинным житием обычно не последует никакого блага, но только одна прелесть диавольская, и от такого самочинного и бесчинного жительства и пребывания и в древние времена и в нынешние многое множество иноков погибли, будучи прельщены диаволом, сойдя с ума и различными и страшными способа-

ми себя умертвив. От такой прелести да избавит всех нас Христос Спаситель наш Своей благодатью.

Что же скажу и что возглашу о земном небе — общем житии — и о древе жизни, насажденном в нём Богом, — треблаженном послушании, к которому немощные и новоначальные прибегают, не смея прежде времени наедине бороться с врагами своими, и, вкушая от бессмертного плода этого древа, крайним и страстотерпческим отсечением своей воли и рассуждения избегают смерти и всякой прелести диавольской, которые преследуют самочинников.

Ограда и покров для такого жительства Дух Пресвятой; и такое житие — пристанище тихое и необуреваемое для всех хотящих избавиться от тревожнения этого суетного мира. Оно — корабль, благоуправляемый Духом Святым, безопасно переправляющий тех, которые вошли в него и такому благому управлению без сомнения повинуются, к пристани Царствия Небесного через соленое море этой жизни, не боящийся мысленного потопа страстей. Оно — общая лечебница и верное врачевание для всех одержимых душевными и телесными страстями и поистине хотящих от них исцелиться. Оно — законное обучение мысленной брани против мысленного врага для воинов Христовых, хотящих одержать над ним преславную и душеспасительную победу, и для них оружие на него непобедимое есть Сам Пресвятой и Поклоняемый Дух.

Общее житие и святое в нём послушание Сам Христос Спаситель наш Своим примером установил на земле для людей и предложил как образ совершеннейшего богоугодия Ему, проведя жизнь в общем житии со Своими учениками и апостолами, которые во всём повиновались Божественным Его заповедям. Ибо Он, прежде насадив на небесах у ангелов и в раю у людей

корень и основание общего жития — божественное послушание, как главнейшую из всех добродетелей и Им любимейшую добродетель, затем ее же, разоренную завистью диавольской и немощью нашей, по крайнему и неизреченному Своему человеколюбию и благоутробию Сам в Себе Самом возобновил и восстановил, *быв послушен Отцу Своему даже до смерти* (Флп. 2:8), и, послушанием Своим наше исцелив преслушание, отверз всем истинно в Него верующим и повинующимся Божественным Его заповедям двери Царствия Небесного.

Последуя этому примеру Христову, в первенствующей Церкви восемь тысяч христиан жили общежительно, не имея ничего своего, но всё имея общее, и благодаря такому житию сподобились стяжать сердце и душу единую (Деян. 4:32).

В таком общежитии проводили жизнь и древние преподобные отцы по всей вселенной, в Лаврах и монастырях, приняв законоположение*, которое было записано устами Христовыми — святым Василием Великим, и просияли более солнца. Ибо ни одно иное жительство не приносит человеку преуспевания так, как приносит общежитие с блаженным послушанием, проходимое с разумом, избавляющее его в скором времени от всех душевных и телесных страстей ради смирения, которое рождается от блаженного послушания; оно и в первообразное состояние приводит, — чтобы был человек поистине по образу и подобию Божию, как он изначала был создан; и дарованию Божию, полученному в божественном Крещении, позволяет воссиять в человеке более прочих дарований духовных, причастником которых ради благодати Божией сподобляется быть ис-

* Имеется в виду устав святителя Василия для общежительных монастырей.

тинный послушник через истинное свое смирение, как многократно и сам он чувством душевным мысленно может ощущать.

Такое общее жительство всех братьев, собранных в нём о имени Христовом, хотя бы они и из разных народов и стран были, столь великой любовью их связывает, что все они становятся единым телом, а друг для друга — членами (1Кор. 12:27); все вместе единую имеют главу — Христа, все горят любовью к Богу, к своему по Богу отцу и друг ко другу, все единодушно и единомысленно имеют единое намерение — усердно исполнять и соблюдать Божии заповеди, друг друга к этому поощряют, друг другу с такой мыслью повинуются, друг друга тяготы носят, друг другу бывают господами и друг другу рабами. И за такую свою истинную, духовную и единомысленную любовь становятся они подражателями жизни Господа, апостолов и ангелов, с верой и любовью повинуюсь во всём отцу своему по Богу и наставнику, как Самому Богу, все тайны сердца своего ему исповедуют, ничего никогда не утаивают, слово и заповедь от него, как из уст Божиих, с уверенностью принимают; волю свою и рассуждение, противное их отцу, как скверную одежду, оплевывая и проклиная, прочь от себя отбрасывают, избегая этого, как прелести диавольской, страшась, словно геенны огненной, и Бога непрестанно молят о том, чтобы избавиться им от такой тяготы Его благодатью. И к тому прилагают они тщание, чтобы прилепиться к отцу своему, как прилепляется дитя к матери, и следовать за ним, как овцы следуют за пастырем своим, и, как инструмент повинуются мастеру, и как скот — господину своему, так повиноваться отцу своему во всём, без какого-либо своего, противного ему рассуждения. Ибо это божественное послушание, будучи корнем и основанием общего жи-

тия и всего монашества, с общим житием настолько связано и соединено, словно душа с телом, и одно без другого не существует.

Вот кратчайшая лестница к небу, одну только ступень отсечения воли имеющая, — вступив на нее, послушник быстрее восходит на небеса. Послушание есть и готовый, возводящий к Богу путь; шедший по нему до конца жизни своей право и без уклонений сподобляется стать сыном Божиим по благодати, наследником Божиим и сонаследником Христа в Царствии Его Небесном. Ведь общее житие есть небо, а послушание святое — небо небес. Потому если кто отпадет от послушания, тот бывает отвержен от Бога и неба, как определяют богоносные отцы, по словам великого Григория Синаита.

Наставниками такого общего жития и всеблаженного послушания в древние времена были великие богоносные отцы, которые сами ради чистоты душ своих и совершенного в заповедях Божиих благоугождения сподобились стать жилищем Святого Духа и, благодаря Ему, подобно солнцу сияя дарованиями духовными, пришли в крайнее бесстрастие и совершенную любовь Божию, Духом Святым руководимые; и Богом собранному своему стаду словом, и делом, и примером своего богоугодного жития они показали истинный путь к спасению, направляя к бдительному хранению заповедей Божиих. Потому и ученики их, словно на столп одушевленный и на светозарное солнце, взирали на святых своих наставников, и сами наставлялись и просвещались во всех добродетелях светом их учения и добрых дел, и к высшему благоугождению приходили, и многое, несчетное и бесчисленное, множество из них спаслось.

В нынешние же лютые времена, когда до крайности оскудело число подобных наставников — что многого

плача и рыдания достойно, — если бы какие ревностные из иноков захотели в таком общежительном житии Богу угождать, то им учитель и наставник — Сам Бог и для чтения предназначенное слово тех преподобных отцов, общежительных наставников, по Божию Промыслу даже и донныне сохраненное. На это читаемое слово, как на самих тех отцов, взирая внимательно, читающие со страхом Божиим и рассуждением могут отчасти с Божией помощью и самому богоугодному житию тех отцов быть подражателями, будучи направляемы и вразумляемы отцом своим, о имени Христовом их собравшим или избранным ими единомысленно, — таким, который не от себя, но от Писания Святого и от того же учения святых отцов чад своих духовных поучает.

Ведь в древние времена многие из святых отцов, сами будучи неграмотными, поучали учеников своих от просвещения благодатью Божией. В нынешние же времена отнюдь не повелевают святые отцы кому-либо от себя братию поучать, но только от Писания Святого и от учения преподобных отцов, которые Духом Святым познав тайны и силу Писания Святого и по благодати Духа предузнав немалое оскудение здравого учения и истинных наставников среди иноков в эти последние времена, тем же Духом Святым будучи побуждаемы, написали святое свое и душеполезное учение для нашей вечной пользы и назидания, для утверждения и руководства на пути спасения. И в нынешние времена наставники монахов и сами их ученики, держась этого учения со смиренномудрием и страхом Божиим, как сами не погрешат в отношении своего спасения, так и слушающие их.

Итак, после того, как все эти три чина и устройства монашеского жития, их свойства и происходящая от них польза перед твоим боголюбием представлены

кратчайшим моим и скудоумным словом, я, зная твою сильную ко мне по Богу любовь и верную дружбу, хочу и о себе, и о нашем бедном житии хотя бы кратчайшим моим словом известить, даже если ты и знаешь об этом.

Да знает твое Боголюбие, что когда вышел я из мира с неизреченной ревностью — что тебе самому неизвестно — к тому, чтобы в монашестве усердно служить Богу (Бог знает, отец, я не лгу), то не сподобился в юности моей и в начале моего монашества даже и следа видеть чьего-либо здравого и правого рассуждения, совета и учения, согласного с учением святых отцов, о том, с какого чина мне, новонаначальному и неискусному, начать свое бедное монашество и с каким образом мыслей.

Ибо, когда я вначале вступил в один пустынный монастырь, где и начало монашеского образа по неизреченному благоутробию Божию удостоился получить, то не сподобился увидеть или уразуметь хоть какой-нибудь след чьего-либо здравого наставления о том, что такое послушание, и в какой силе и с каким разумом оно совершается, и какую сокровенную пользу в себе имеет и послушнику приносит. Потому что ни сам игумен, ни мой восприемник и старец никакого наставления мне об этом не преподали, ибо они постригли меня без всякого подобающего новоначным искуса, состоящего в отсечении своей воли и рассуждения, и оставили меня жить без всякого духовного руководства. Ибо восприемный мой отец после моего пострижения одну лишь неделю прожил в обители и ушел из нее (куда — неведомо мне и до сих пор), сказав мне только следующее: «Брат, ты грамотный, как тебя Бог научит, так и живи».

Итак, оставшись никем не руководимый, как овца без пастыря, я начал скитаться повсюду, ища, где об-

рести для души своей пользу, покой и руководство, и не обретал до тех пор, пока не достиг тихого и небурного пристанища Святой Горы в надежде хотя бы там получить для души своей некую отраду. Но и там, когда я туда пришел, мало оказалось братьев из нашего российского народа, к тому же знающих Святое Писание, то есть грамотных.

Итак, желаемого руководства для души моей не сподобившись получить, сидел я в одной келии в мнимом уединении некоторое время и, положившись на Божий Промысл о бедной моей душе, начал читать понемногу отеческие книги, беря их у своих по Богу благодетелей, в сербской и болгарской обителях, и читал внимательно.

Тогда, поскольку Господь вразумил меня, слепого, я словно в зеркале увидел, как и каким образом подобало бы мне бедное мое монашество начинать, и уразумел, сколь великой благодати Божией я лишился по своему невежеству, не предав себя душой и телом какому-нибудь искусному отцу в послушание, ни от кого на такое святое дело не сподобившись получить наставления. И понял я, что мое бедное мнимое безмолвие — не моей меры, но жить наедине есть дело совершенных и бесстрастных, и далее был я в недоумении о том, где бы мне предать себя в послушание, о котором много раз, как дитя по умершей матери, вздыхал и плакал. Но не найдя по многим благословным причинам, где бы жить в повиновении, задумал я царским путем проходить свою жизнь с одним единомысленным и единокордным братом: вместо отца иметь нам своим наставником Бога и учение святых отцов, повиноваться и служить друг другу, иметь единую душу и единое сердце, всё к поддержанию своей жизни иметь общее, зная, что этот путь монашества засвидетельствован святыми отца-

ми на основе Святого Писания. А поскольку Бог помог такому моему благому намерению, пришел на Святую Гору во всём единомысленный со мной брат, в общине нашей первый, который даже и доньше, по благодати Христовой, в живых пребывает, и начал жить со мной единомушно. И таким образом, по благодати Христовой, душа моя обрела отчасти некую отраду и многожеланный покой, поскольку и я, окаянный, сподобился видеть хотя бы некий след пользы от святого послушания, которое мы друг к другу имели через отсечение нашей воли, вместо отца и наставника имея учение святых отцов наших и повинуюсь друг другу в любви Божией.

Но недолго я наслаждался таким житием, потому что и другие братья, приходившие из мира в иночество, видя такое наше любовное с братом совместное *жительство*, *ревностью* возревновали присоединиться к такому же житию и начали меня усердным своим молением настойчиво упрашивать принять их к себе в сожительство и ученичество. Я же долго отказывался, боясь и трепеща принять кого-либо в ученичество, считая это делом совершенных и бесстрастных, а сам будучи немощным и страстным, и не принимал их — одного четыре года, другого три, иного два, а иных иное некое продолжительное время.

Однако после, убежденный, с одной стороны — великим беспокойством, какое они мне своими мольбами причиняли, с другой — слезным молением живущего со мной брата, очень братолюбивого, начал я и нехотя принимать к себе в сожительство по одному, каждому из них по силе моей открывая на основе Святого Писания и учения святых отцов силу святого послушания. И видя, что они имеют неизреченную веру и любовь к Святому Писанию и ко мне, недостойному, а друг с другом — мир и единомыслие, весьма такому их

благому произволению радовался душой и прославлял Бога, положившись на неизреченный Промысл Божий о душевном и телесном их окормлении, и принимал по одному предающих себя со всем усердием душой и телом в блаженное послушание.

И таким образом из царского пути, то есть из сожительства с одним или двумя братьями, составилось, по благодати Христовой, и наше общее житие, поскольку немало умножилось число братьев. Этому житию на Святой Горе Афонской не способствовало само то место, крайне суровое и доставляющее трудности, где даже двое или трое, живя вместе, едва могут с кровавым потом, скажу так, и с трудом удовлетворить свои телесные потребности, а тем более такое множество. Еще же боялись мы и турецких властей, чтобы не возложили они и на наше убогое общество даней, подобных тем, какие платят прочие монастыри святогорские, а это, как я уже от многих слышал, и должно было произойти. По таким и многим иным причинам, о которых я уже и писал твоей святыне, мы боялись, как бы не произошло крайнего и последнего, многого плача и рыдания достойного, разорения этого жития, немалым потом и трудом составленного. Потому, положившись на Бога вездесущего и всё исполняющего и на всяком месте Своего владычества благословляемого, переселились мы все вместе со Святой Горы в православную Молдовахийскую землю, где в данном нам благочестивым господарем и Преосвященным митрополитом монастыре Драгомирна еще лучше, чем в Святой Горе, утвердилось по благодати Христовой это наше жительство, до того времени пока Господь этого хочет, поскольку земля эта такому жительству отчасти способствует. И собралось уже в общежитии нашем братьев, единодушно в святом послушании Господу служить пожелавших, около ста

монахов, кроме мирских послушников; все они имеют единое общее благое стремление — Богу служить усердным соблюдением Его Божественных заповедей.

Во-первых, никакого собственного своего имущества братья не имеют, даже до малейшей вещи, ибо это, по святому Василию Великому, первое условие общего жития, которое и в нашем общежитии очень тщательно соблюдается, и настолько, что уже и на ум кому-либо из братии не может прийти пожелания стяжать в общежитии что-нибудь для себя, так как знают, что это путь Иуды предателя. Ибо всякий, когда принимается в наше совместное жительство, имение свое, если бы случилось кому что-либо иметь, и вещи, даже до малейшей вещицы, — всё перед ногами моими и братии полагая, передает это Господу, а вместе и самого себя душой и телом передает в святое послушание до самой смерти; иначе же никому в общество наше быть принятым невозможно.

Во-вторых, они понуждают себя не иметь даже и собственной воли и рассуждения, но строго соблюдать благоразумное послушание. Ибо это — второе условие общего жития, его корень и основание, как уже и сказано было многократно; и это условие, по благодати Божией, насколько возможно нашей человеческой немощи в это время, и в нашем общежитии строго соблюдается. Ведь даже и невозможно никому в общество наше быть принятым, если не имеет он намерения душой и телом и всем своим произволением предать себя в святое и блаженное и Святым Писанием засвидетельствованное послушание, дабы уже впредь не творить своей воли, не держаться своего рассуждения и не руководить собой, но быть руководимым и пасомым учением преподобных отцов наших. Это учение для жизни нашей по Богу есть кормчий, наставник и руководи-

тель к спасению, его я всем вместе и каждому в отдельности устами своими грешными предлагать дерзаю на осуждение моей окаянной души в день судный, ибо говорю и предлагаю братии совет душеполезный, а сам не творю ни единого благого дела.

Поскольку житие наше имеет такое основание, а именно нестяжание и послушание, то и все прочие общежительные уставы, о которых писать тебе подробно сейчас нет времени, в общежитии нашем по благодати Христовой соблюдаются, насколько возможно, а братья понуждают себя истинную и нелицемерную любовь Божию друг к другу стяжать. Ибо они, во-первых, возлюбив Господа и ради любви к Нему всё прекрасное и сладостное этого мира сочтя за нечистоту, оставили всё это и вслед за Господом своим, взяв крест свой, пошли; также они себя понуждают тяготы друг друга носить, сердце и душу единую иметь, друг друга к добрым делам побуждая, друг друга верой и любовью ко мне, недостойному, превзойти стараясь, как чада Божии; и я, видя их таким образом подвижающихся, радуюсь душой и со слезами прославляю Бога за то, что сподобил меня Господь видеть таких Своих рабов, и с ними житие иметь, и лицезрением их утешаться. Ведь я, словно ангелов Божиих, видя братьев, к святому послушанию себя понуждающих, недостойным себя считаю даже и на след их ступить, видя себя лишенным такой Божией благодати, то есть святого послушания.

Не все в нашем общежитии достигли одной меры преуспевания, но ведь это и невозможно. Одни из братьев — каких большинство — до конца умертвили свою волю и рассуждение, во всём повинаясь мне и братии, и, словно Самому Господу, оказывают братии послушание в страхе Божиим и со многим смирением претерпевают бесчестие, поругание, укоризну и всякий вид иску-

шения со столь великой радостью, какую испытывает кто-либо сподобившийся некой великой Божией благодати, и этого* всегда ненасытно желают, всегда и непрестанно себя пред Богом в тайне сердца своего укоряют и считают себя малейшими и последнейшими из всех. Другие же — опять немалые числом, — падая и вставая, согрешая и каясь, претерпевая укоризну и искушение, хотя и с трудом, но всё же понуждают себя от всей души сравняться с первыми и об этом усердно молят Бога со слезами. Иные же — немногие числом, — слабые и немощные, как младенцы, не могут еще принять твердой пищи, то есть претерпевать укоризны и искушения, нуждаются еще в том, чтобы их питали молоком милости, человеколюбия и снисхождения к немощам их до тех пор, пока не придут в духовный возраст терпения; одним благим произволением и постоянным самоукорением они скудость свою восполняют. Многократно и выше силы своей, до крови понуждают они себя претерпевать бесчестие и волю свою оставлять, то есть труд великий совершают, словно кровь пред Богом изливают, со слезами моля Бога о помощи им. И такие, хотя они и немощнейшие, однако *нуждницами* (Мф. 11:12) Царствия Небесного будут сочтены пред Богом. Все они хотя и не в одной, как сказано, мере, однако все вместе понуждают себя соблюдать Божии и святоотеческие заповеди и, будучи связаны друг с другом нерушимым союзом любви Божией, ради любви Божией и своего спасения претерпевают постоянную скудость в телесных нуждах с великодушием и непрестанным благодарением Бога, на одного Бога возлагая надежду как о своем спасении, так и об удовлетворении телесных, к поддержанию жизни необходимых потребностей.

* То есть бесчестия и поругания.

Представив в этом письме для тебя многожеланное, как я думаю, известие о трех устроениях монашеского жития, а вместе и о нашем многонищенском и убогом общежитии, — которое хотя и отстоит от общего жития, бывшего во дни святых отцов наших, как земля от неба, однако, насколько возможно, тем более в эти пребедные времена, с помощью благодати Божией составилось и держится, — сообщаю и о себе. По щедротам Божиим я, хотя и в немощи телесной, еще нахожусь в этой жизни. Непрестанную скорбь и болезнь душевную имею я о том, с каким лицом предстану страшному Судии на страшном Его и беспристрастном Судилище и какой отчет дам о стольких душах братьев, предавших себя мне в послушание, ведь не могу даже и об одной моей окаянной душе дать ответа, видя во всём слабость свою душевную и немощь, и не могу ни в одном добром деле явить собой примера для братии, чего требует моя должность в этом жительстве. После Бога и Богородицы только на молитвы братьев, со мной живущих, возлагаю несомненную надежду на свое спасение, хотя и недостойн, и не отчаиваюсь в том, что неизреченное и непостижимое Божие милосердие изольется и на мою грешную душу; если же нет, но праведно правосудием Божиим буду осужден по моим злым делам на вечную муку, да будет благословен Бог, ибо я достоин этого за мое о Божественных Его заповедях нерадение. Только о том я всегда молю Его благоутробие, чтобы Он по милости Своей за премалейший мой труд, какой я когда-либо имел или имею об этом общежитии, собранном во имя Его Пресвятое, хотя бы той милости Своей меня удостоил, чтобы сподобился я видеть в Царствии Его Небесном — как тот богач видел Лазаря на лоне Авраамовом, — что чада мои духовные, истинные рабы и страдальцы Христовы, за свое нынешнее маловре-

менное злострадание в послушании насыщаются с ангелами и святыми, в послушании Ему угодившими, божественным лицезрением Его. И этого было бы мне достаточно вместо всякой награды; впрочем, их святыми молитвами надеюсь я, окаянный, и спастись, о чём и святыню твою умоляя молить за меня Бога, всемирно пребываю искренним твоим и спасения тебе желающим другом.

Превозделенного лицезрения тебя искренне желаю. Неизменный друг, о имени Христовом собранного братства недостойный предстоятель иеромонах Паисий.

16 мая 1766 года, Молдовлахийская общежительная обитель Драгомирна

Письмо это послано с отцами Гавриилом и Спиридоном

Письмо второе иерею Димитрию

Всевозлюбленному моему другу, усердному делателю заповедей Христовых, благоговейнейшему во иереях отцу Димитрию — о Господе радоваться!

Благодарю Христа Бога за то, что искру огня Божественного, еще в юности твоей Им в блаженное твое сердце вверженную, ты деланием прилежным душе-спасительных Его заповедей соблюл неугасимой и желаешь разжечь ее в пламень совершенной к Нему любви получением, если Господь захочет, ангельского образа.

Но великое у тебя к этому, любимец мой, имеется препятствие, ибо оженившийся, по Лествичнику, уподобился тому, кто имеет руки и ноги связанные, и если и захочет идти в иночество, не может. Во-вторых, ты обязался пасти паству словесных Христовых овец, ко-

торую небезопасно оставить просто так и как случится. В-третьих, привычку, приобретенную в мирской жизни за столь долгое время и превратившуюся почти в естество, еще же к жене и детям вкорененную естественную любовь, а также к миру и сущему в мире пристрастие оставить весьма нелегко. Находясь в таком положении, как сможешь от неудоборазрешимых этих уз освободиться и эти препятствия преодолеть?

Во-первых, превозлюбленный, следует тебе с данной тебе Богом помощницей иметь об этом духовный совет, поступая с ее на это дело позволения. Во-вторых, должно детей своих законно и по Богу устроить. В-третьих, что самое главное, нужно у Преосвященнейшего архипастыря, если бы Дух Святой вдохнул в святое его сердце согласие на это, испросить: тебе — на такое святое дело благословение, а для паствы твоей — после тебя искусного пастыря. *Сéй о благословении, о благословении и по́жнет* (2Кор. 9:6). И поскольку ты начнешь совершать дело свое по чину, будет твое стремление к монашеству по Богу крепко и непоколебимо, похвально перед Богом и людьми.

Но если бы ты и этих вышеописанных средств* по Божией благодати легко сподобился и от всякого препятствия избавился, то и еще должно было бы тебе с великим рассуждением пересчитывать свое душевное имение и так столп монашества начинать возводить, — да не будет твое дело, из-за безрассудного начала строительства и неоконченности его, посмешищем и поруганием, по Евангелию (Лк. 14:28–29); и чаша сия со слезами, и хлеб монашества с горечью да не будут нам из-за нерассудительности в осуждение в день Судный. «Ибо никто, — говорит Лествичник, — не войдет

* К получению пострига.

в чертог небесный с венцом, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое — отречение от мира и того, что в мире; второе — отречение от своей воли и рассуждения; третье — отречение от тщеславия, последующего за послушанием. Из них первое — удобнейшее, но для боголюбцев. Второе до смерти требует подвига и труда кровавого. Третье достигается непрестанным укорением себя. Всем же им соприсутствует невидимая Божия помощь, без которой ни одного из них исполнить невозможно».

Потому, всевожденный, если ты при содействии помогающей тебе Божией благодати уповаешь, что сможешь, освободившись от преждеупомянутых препятствий, поистине отречься от мира и от всего, что в мире, отречься также и от воли своей и рассуждения, и предать себя в истинное по Богу и Божиим заповедям до самой смерти послушание, и отнюдь ничего из своего имущества, даже до малейшей вещи, не иметь, считать же себя меньшим и последним из всех и претерпевать великодушно мысленную брань, непрестанно наносимую рабам Божиим невидимым врагом душ наших, если имеешь еще произволение до смерти любви ради Божией со сладостью претерпевать голод и жажду и скудость в потребном для тела, поругание и бесчестие и всякую тесноту и скорбь, которыми начертывается монашеское житие, — радуйся и веселись, прославляй Бога и несомненно веруй, что Бог дивными Своими судьбами твое богоугодное намерение претворит в дело. И пусть ты и в одиннадцатый час жизни своей сподобишься в ангельском образе Богу послужить, однако не усомнись, ибо равную с первыми, от юности своей до старости в иночестве Богу служившими, от всещедрой Божией десницы получишь мзду на Небесах — неизреченные, боголюб-

цам уготованные блага, сподобиться которых тебе о Христе Иисусе Господе нашем, богомольчески желая, являюсь зрению превожделенного лица твоего искренний желатель и неизменный друг, о имени Христовом собранного братства недостойный предстоятель иеромонах Паисий.

18 марта 1772 г., Общежительная Молдовлахийская обитель Драгомирна

Послано с отцом Спиридоном

Письмо настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины

Пречестной госпоже Марии* с богособорными сестрами — о Господе радоваться!

Христос, истинный Бог наш, говорит: *огня приидох воверици на землю, и что хочу, аще уже возгорися?* (Лк. 12:49). Приняв от Него этот огонь Божественный, вверженный на землю сердец их, святые апостолы и ученики Господни тотчас пламенем любви к Нему возгорелись, оставили мир и все, что в мире, и, придя к Нему, как к Господу и Учителю своему и истинному Наставнику на путь спасения, предали себя душой и телом в истинное послушание и отсечение своей воли и разума до последнего своего издыхания и с великой и неисповедимой радостью сказали Ему: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом* (Мф. 19:27). Имея всегда этот Божественный огонь в сердцах своих и во всем следуя Божественной воле Господа и Учителя своего, они чисто и непорочно, как зеницу ока сохранили послушание до конца жизни своей, утвердив его терпением бесчисленных искушений и многообразных смертей и пролитием крови своей, которую пролили до последней капли за веру свою и любовь ко Христу Богу, чтобы сохранить свое послушание Ему, как жертву чистую и непорочную до смерти. Приняв этот Божественный огонь любви Божией, святые мученики с

* Письмо адресовано Марии Петровне Протасьевой, настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины.

неизреченной радостью претерпели многие и различные мучения и прелютейшие смерти за Христа Бога и приняли от Него венец Его Божественной славы в Царствии Небесном. Приняв этот Божественный огонь, все преподобные и богоносные отцы наши бежали от мира и всего, что в мире, и одни из них, пребыв в общежитии в совершенном послушании и отсечении своей воли до последнего издыхания, мученический венец из десницы Господней приняли; другие же, подвизаясь *в пустынях и в горах и в вертепах и в пропастях земных* (см. Евр. 11:38), тесным и узким путем ходили, всегда мертвость Господа Иисуса в теле своем нося (см. 2Кор. 4:10), Христу сраспинаясь, пребывая в голоде, и жажде, и всяком злострадании, в молитве непрестанной, и молениях, и слезах; проводили они жизнь в последней нищете, подражая Христу и святым апостолам, и евангельские заповеди сохраняли как зеницу ока, чисто и непорочно, и сподобились Царствия Небесного. И что много говорить? Приняв этот Божественный огонь благодати Божией, все святые, истинные рабы Христовы, всякого чина и звания и на всяком месте владычества Его (см. Пс. 102:22), получили спасение, ибо всеприлежно сохранили душеспасительные евангельские заповеди, без исполнения которых одной только православной верой спастись невозможно.

Приняв от благодати Его этот огонь божественной любви Христовой, по действию благодати Его вверженный в землю твоего сердца, благодаря прилежному и внимательному прочтению некой душеполезной книги, ты тотчас возненавидела мир и все, что в нем, и возымела намерение, оставив мир, в беспсупружном житии день и ночь безмолвно служить Богу. Родитель же твой, узнав о намерении твоём, хотя и покушался всячески от него отворать и воздвигал на тебя мно-

горазличные гонения, желая угасить огонь ревности Божией в душе твоей, но ты, при содействии благодати Божией, всё это победила своим терпением. Так что и сам родитель твой, не имея более надежды удерживать тебя в миру и видя твердое намерение твое служить Богу, оставив мир, — отпустил тебя в монастырь, находящийся в Костроме. Пребывая здесь в течение четырех лет, ты сподобилась, побуждаемая на то благодатью Божией, прочесть множество отеческих книг, от чтения которых получила такую душевную пользу, что пожелала общего жительства и просила у Христа Спасителя подать тебе истинного наставника. И давала такое обещание, что если обретишь совершенного наставника, то, по учению Василия Великого, святого Иоанна Лествичника и святого Симеона Нового Богослова, предашь себя ему в совершенное, душой и телом, послушание, всё свое желание и волю возненавидев и отвергнув, и будешь в общем житии всем на поправление (см. 1Кор. 4:13).

Исполняя такое твое желание и о нем прошение, как во всем благое и благоугодное, Христос сердцеведец дал тебе истинного ко спасению наставника, покойного блаженной памяти отца Феодора, услышав о котором ездила ты к нему на Соловецкий остров и которого Господь возвратил в общежительный его монастырь. А поскольку он имел и другой общежительный монастырь, женский, в расстоянии ста верст от его мужского, то ты и переехала из Костромы в Арзамас, из прежнего штатного монастыря в общежительный. И там пребывала со святыми сестрами у вышеназванного святого мужа в совершенном послушании, по Божественному Писанию и Преданию и учению святых отцов наших, и в отсечении во всем своей воли и разумения, принимая от него учение, словно из уст Божиих, и повинуюсь ему

во всем не как человеку, но как самому Христу Богу, со всеми сестрами исповедуя ему, как самому Богу, тайны сердца своего, когда приезжал он из своей обители для посещения вас, и принимая от него во всем, вплоть до малейшей вещи, наставление духовное.

За три года пребывания твоего в обители в таком послушании возлюбил тебя по Богу отец и наставник твой, также и все сестры тебя возлюбили. И захотел духовный твой отец за святое послушание вручить тебе сестер святых на твое о них попечение. Ты же вовсе этого не искала и не хотела, но, зная силу святого и божественного послушания и то, что послушание — жизнь, а преслушание — смерть, нехотя подклонила выю твою под благое иго Христова послушания и приняла на себя легкое бремя Христово — попечение о спасении душ сестер святых, собравшихся во имя Христово и добровольно себя предавших тебе в святое послушание. Приняв же эту тяготу, ты имела верную надежду на то, что не ты, а духовный твой отец и тобой, и всеми сестрами управляет и на нем, а не на тебе лежит вся тягота управления душами святого собора. И потому ты проходила святое послушание с неисповедимой радостью, повинувшись во всем святому отцу как Самому Богу.

И когда ты прожила после получения начальства два года, по Божию попущению нашли на тебя различные душевные искушения и многообразные душевные немощи, и умаление веры и любви к отцу твоему духовному, и прочее, все подробности чего мне излагаешь. После того, как в таком многообразном разорении душевном прожила ты два года, духовный отец твой и учитель преставился от временной жизни к вечной. И тогда отверзлись у тебя душевные очи, и начала ты познавать тщету душевную и то, какого по Богу наставника ты лишилась. Вспоминая последовавшее искуше-

нию разорение твоей души, плачешь и рыдаешь, и едва не приходишь в отчаяние от сильной скорби и печали твоего сердца, и пишешь мне, и просишь, и молишь со многими слезами, чтобы я написал тебе что-нибудь в духовное утешение.

Не презирая твоего об этом моления, — хотя я художеству писать к кому-либо совсем не обучен и в нем неискусен — пишу твоей честности и молю и советую о прошедшем искушении и немощи души твоей не скорбеть выше меры и не отчаиваться, но с несомненной надеждой на милосердие Божие полагать пред Богом истинное начало истинного покаяния в прошедших немощах и от всего сердца и от всей души каяться и прощения у благодати Его просить. Он же, как благой и человеколюбивый Бог, радующийся о истинном твоём покаянии, подобно тому, как всех грешников покаявшихся простил, простит и тебе все согрешения твои, без всякого сомнения.

Приходит мне, честная госпожа, на мысль и то, что Христос Спаситель, истинный Бог наш, когда намеревался вручить вселенную святым своим первоверховным ученикам и апостолам Петру и Павлу, чтобы они проповедовали в ней Его благовествование и наставляли на истинное богопознание и хранение Его заповедей уверовавших в Него от их проповеди, попустил по Божественным и непостижимым Своим судьбам Петру отречься от Него трижды, а Павлу гнать и разрушать Церковь Божию, чтобы стали они милостивыми к согрешающим и удобнее прощали согрешения кающихся. После же истинного покаяния Петра и чудесного обращения к вере во Христа Павла, оба этих святых апостола, поскольку на себе самих познали немощь человеческого естества, были, подобно Христу Господу, премилосерднейшими к согрешающим и истинно ка-

ющимся. И как сами тяготы всех на себе носили, так и всех к тому побуждают, говоря: *друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал. 6:2).

Не таким ли образом по неведомым судьбам Христос Спаситель попустил и на тебя найти вышеупомянутым душевным искушениям и немощам, чтобы ты, по прошествии долгого времени вполне увидев, как в зеркале, немощь души твоей и слабость естества человеческого, научилась носить немощи немощных и была удобопреклонна к милованию согрешающих по немощи и кающихся и исправляла таких духом *кротости* (см. Гал. 6:1). Поэтому, каясь перед Богом, прославляй его непостижимый Промысл, дивно устраивающий спасение боящихся Его и кающихся. А поскольку, всечестная госпожа, от чтения книг отеческих ты желанием возжелала обрести истинного наставника, который наставил бы тебя на путь спасения, и поскольку, с Божией помощью обрета такого, ты пребывала у него в истинном послушании и сестер святых держишь в таком же послушании, и самым делом и опытом познала плоды и благословенного послушания, и проклятого преслушания, то надлежит мне и о святом послушании немного написать твоей честности.

Божественное послушание — вещь столь нужная для истинного богоугождения, что без него вовсе невозможно благоугодить Богу. Поэтому пресвятое послушание было насаждено Богом в трех местах: на небесах, в раю и на земле. На небесах — среди сил небесных, в раю — у первозданных людей, на земле же — среди святых учеников и апостолов Господних. И в этих трех местах явился плод преблагословенного послушания и плод треклятого преслушания.

На небесах все силы небесные, по доброму своему произволению сохранив послушание Богу, сподоби-

лись, Духом Святым просвещаемые, вечного в Нем пребывания. Дьявол же, принадлежа к ангельскому чину, по самовластному своему произволению отпал от послушания и, возгордившись, низвержен был с неба со всеми отступившими силами того же ангельского чина, которые послушались добровольно нечестивого его совета и, лишившись света Божественного, по воле своей навечно стали тьмой, врагами Бога и спасения правоверных христиан. Вот и на небе явился плод и послушания и преслушания.

В раю первозданные люди, пока пребывали в истинном послушании Богу, наслаждались видением Бога и многообразных даров Пресвятого Духа; когда же они произвольно послушались совета дьявольского и, отпав от послушания и возгордившись, захотели быть равными Богу, тогда, услышав от Него осуждение на смерть, были изгнаны из рая и стали повинны в смерти всего рода человеческого. И если бы Сын Божий Своим послушанием до смерти Богу и Отцу не разорил преслушания Адама, то совсем не осталось бы роду человеческому иной надежды на спасение от смерти и вечной гибели. Вот и в раю среди первозданных показался плод послушания и преслушания.

На земле же Христос, Сын Божий, сошедший с небес, чтобы творить не Свою волю, но *волю пославшего Его Отца* (см. Ин. 6:38), которому *послушен был до смерти, смерти же крестной* (см. Флп. 2:8), насадил Свое Божественное послушание в святых Своих учениках и апостолах. Те, которые пребыли в нем даже до смерти, сподобились своей проповедью всю вселенную привести к богопознанию и ныне с Христом, Господом своим и Учителем, царствуют на небесах. А треклятейший Иуда, который отпал от послушания и вместо того, чтобы слушаться Господа, во всем послушался дьявола, —

придя в отчаяние, удавился и погиб навечно душой и телом. Вот и на земле явился плод послушания и преслушания.

Это божественное послушание, насажденное Самим Христом Господом в святых Его учениках, перешло к святому, ангельскому монашескому чину, в котором многие в святом послушании просияли, как солнце, и совершенно Богу угодили. Да и весь монашеский чин основан на святом послушании. И в древние времена отцы или пребывали в общежитиях, или шли царским путем, то есть жили вдвоем или втроем, а если и в пустынях пребывали, то житие свое по большей части начинали в послушании и тем по благодати Божией избегали прелести бесовской. А самочинно начинавшим монашеское житие много раз случалось впадать в многообразную бесовскую прелесть, от которой да избавит нас Господь Своей благодатью.

Божественное послушание еще и потому имеет великую похвалу, что, по учению святого Иоанна Лествичника и прочих святых отцов, оно — мать основанию всех заповедей евангельских, то есть любви, которая достигается послушанием, как и Господь сказал: *еще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте* (Ин. 14:15), и еще: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14:21), и еще: *не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (Ин. 14:24). Соблюдение же заповедей Христовых и слов Его есть не что иное, как только совершенное послушание Христу Господу. Послушание божественное — столь великая пред Богом добродетель, что, по согласному учению многих святых, истинные послушники, пребывшие в истинном послушании до конца своей жизни, венец мученический получают от Христа Бога, поскольку отсечение пред настоятелем во всем своей воли и разумения вменится им в день пра-

ведного воздаяния по делам нашим в мысленное и самопроизвольное пролитие крови за имя Христово.

В таком божественном, святом и треблаженном послушании, честная госпожа, содержа собор сестер святых, во имя Христово собранных, наставляй их на путь спасения не иначе, как по истинному разуму Божественного Писания, как передали и учат преподобные и богоносные отцы наши. Укрепляемая помощью Божией, саму себя представляй им в образец всякого благого дела прилежным исполнением заповедей евангельских, любовью к Богу и ближнему, кротостью и смирением, преглубочайшим всегда и ко всем миром Христовым, материнским к ним милосердием, терпением и долготерпением, молением со слезами, утешением и побуждением на всякое дело благое, нося с любовью Божией все тяготы их и немощи, горя к ним любовью Божией, как к сестрам и ученицам Христовым, прилежно наставляя их на истинное во всем Богу послушание и на отсечение, а вернее, умерщвление своей противящейся воли, на отречение своего мнения и рассуждения. Себя же в тайне сердца твоего и души твоей считай пред Богом за прах и пепел, худшей и грешнейшей более всех людей. Постарайся преподать собой образ святым сестрам: и соблюдением заповедей святых отцов, и трудами телесными по силе твоей, если сможешь, стоянием на правиле церковном, поклонами великими и малыми. Еще же и правило келейное, установленное святыми отцами, совершай со страхом Божиим в молитвах, псалмопении и чтении. Также прилежно и с великим вниманием и исследованием прочитывай в книгах отеческих о молитве, одним умом в сердце совершаемой, она есть самый истинный, более всего приятный Богу подвиг монашеский. И если с Божией помощью стяжешь о ней истинное разумение из учения

святых отцов, то и понудь себя на делание ее, призывая на помощь Бога, и великую от нее обретешь пользу для души твоей. Понудь себя никого не осуждать, ибо один праведный Судия — Христос Господь, Который воздаст каждому по делам его, но только себя осуждай, и не будешь осуждена во время Страшного Второго Его Пришествия. Всякому согрешающему пред тобой отпуская от сердца согрешения, чтобы и Отец Небесный отпустил тебе согрешения твои (см. Мф. 6:14). И что более скажу? Ко всем заповедям евангельским от всей души твоей всегда себя понуждай, всю же надежду на спасение души твоей полагай без всякого сомнения в одном милосердии Божиим. За бывшие прежде по попущению Божию немощи твои и согрешения душевные да простит тебя Бог по благодати Своей и человеколюбию и да благословит Он тебя и в этом веке и в будущем.

Писать же мне — со всяким дерзновением пиши, и Господа ради молю тебя подробно написать мне, недостойному, о вашем общежитии и чине церковном и трапезном, о пропитании вашем и всем устройстве вашей жизни. Господь же наш Иисус Христос, истинный Бог наш, сказавший: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту Есмь посреде их* (Мф. 18:20), по молитвам Пресвятой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых да будет посреди вас, собравшихся во имя Его пресвятое, во веки. Аминь.

Пречестности твоей со всеми святыми, во имя Христово собравшимися сестрами в заповедях евангельских совершенного преуспeyания всеусердно желаю.

*Недостойный богомолец, Свято-Вознесенского Нямецкого
и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей
архимандрит Паисий*

Письмо отцам Поляномерульской обители

Пречестным о Господе отцам Поляномерульской обители Рождества Пресвятой Богородицы — о Господе радоваться!

Святые и богоносные отцы наши в писаниях своих святых завещают, что не подобает братьям, в некотором числе собравшимся о имени Христовом, жить без настоятеля, но непременно должны братья иметь одного опытного в рассуждении духовном, которому они отдали бы всю свою волю и во всем повиновались, как Самому Господу.

Исполняя это, блаженной памяти, преставившийся общий отец наш* не оставил стадо свое, Богом утвержденное, по смерти своей без пастыря, но, отходя ко Господу, поставил на место свое всечестного отца Феодосия, могущего направить и наставить души братьев на путь спасения. Бог же премилосердный, судьбы Которого непостижимы, любя раба Своего**, посетил его, как чадо Свое любимое, ради большего воздаяния такой болезнью телесной, что ему и из келии выйти трудно, как сообщил он в письме своем. Его святыня, видя, что из-за такой тяжелой болезни совсем не может более нести управления обителью и всей братией, а также следуя желанию блаженной памяти покойного отца нашего, поставил на место свое всечестного отца Алек-

* Преподобный Василий Поляномерульский.

** То есть отца Феодосия.

сия. Узнав о поставлении его, я весьма возрадовался душой и благодарил Всемогущего Господа, что такого мужа явил Он рабам Своим. И думаю, что это не иначе совершилось, как только благодатью Пресвятого Духа, осенившей сердце всечестного старца отца Феодосия и приведшей всё общество братьев в единомыслие, чтобы по общему доброму изволению избрали они себе настоятелем этого достойного мужа, отца Алексия, относительно которого душа моя убеждена, что он силен будет, по дарованному ему Богом духовному разуму, наставлять и пасти души братьев на пажити спасения.

Что же до того, отцы святые и братья возлюбленные, что вы, зная смиренный нрав и крайнее незлобие отца Алексия, с детства ему Богом дарованные, также и трудом снисканные, и неопытность его в управлении, сомневаетесь в том, сможет ли он из-за этого управлять обителью и братией, и просите у меня в этом совета и помощи, — об этом да возвестит вам Господь. Ибо если хотите меня послушать и совету моему во всем повиноваться, как обещаете, то преподаю вам такой по Богу совет: никого иного не желайте избрать на настоятельство, кроме отца Алексия, он да будет вам по Богу наставником и отцом, ему повинуйтесь, как Самому Господу, и из уст его, как из уст Божиих, принимайте слово на пользу душ ваших. Ведь сами рассудите, кому более приличествует управление душами братьев, как не такому духовному мужу? Во-первых, он один из старейших учеников блаженной памяти покойного отца нашего, пострижен и духовно усыновлен им в вашей обители, сподоблен священства и опытный духовник. Во-вторых, что важнее всего, он стяжал любовь к Богу и ближнему, имеет правый разум и здравое рассуждение, житием добродетельным всем приносит пользу.

Не сомневайтесь же из-за смирения и незлобия его, ибо это корень и основание всякого настоятеля, как пишут святые отцы: «Да будет настоятель с братьями смирен, кроток, незлобив, тих, способен с легкостью всякие укоризны сам первый перенести, если бы они случились от кого-либо по навету противника, чтобы мог он и братьям подать собой образ терпения и целомудренного жития». Не сомневайтесь из-за того, что он по видимости не может хорошо знать управления: силен Бог устроить это через иных братьев. Самое же нужное для общего спасения — уметь хорошо благоустроить души братьев по заповедям Господним и учению святых отцов. Не надо сомневаться из-за того, что он немощен телом, тогда как здоров духом, здоров в рассуждении духовном. Потому, отцы пречестные и братья о Господе возлюбленные, мысленно к ногам всех вас припадая, со слезами молю: не презирайте моего совета, хотя я и недостойн, но примите Богом дарованного вам пастыря и наставника, всечестного отца Алексия, и не желайте больше никого иного до конца жизни его. Хотя бы и сам он не хотел настоятельства и отказывался от начальства, со всяческим смирением умоляйте его и против его желания; зная слабость здоровья его, не требуйте от него трудов телесных выше его силы, но покойте во всем, чтобы прежде времени не истощил он силу здоровья телесного и братия не лишилась пользы. Довольно для него сидеть больше в келии, храня свое здоровье, и читать книги душеполезные, чтобы мог вовремя подать братии подобающий совет, здоровый и душеспасительный.

Также и во внешнем управлении хозяйством не презирайте его, как плохо знающего, но во всяком начинании, на всякое дело всегда благословение и совет от него принимайте со всяческим смирением и изве-

щением его о деле, хотя бы и казалось какому-нибудь брату в том или ином деле, что не нужно спрашивать отца, так как брат и сам знает и может. Ибо это от врага. От Бога же и от святых отцов то, чтобы во всяком деле, хотя бы и очень опытен был брат, прежде спрашивать настоятеля и не принуждать его к согласию, но оставить всё на его рассуждение и волю, ибо подобает брату совершенно смирить свой помысл и, словно крайнему невежде, подойти к отцу и спросить, есть ли на это позволение его и благословение, и так по воле его начать дело. Тогда Бог, видя смирение и истинное послушание брата (без смирения же нет и послушания), вразумит Духом Своим Святым сердце настоятеля дать ответ и совет полезный, а послушнику поможет невидимой Своей благодатью в начатом деле. Если же настоятель добровольно ответит: «Делай как знаешь», тогда со страхом Божиим, полагаясь на молитвы его, должно начать, как Бог вразумит. Исполнив же послушание, внутри или вне обители, или возвратившись из отлучки, должно вновь прийти к отцу и, исповедав до тонкостей всё сделанное, припасть к ногам его, прося прощения за то, в чем согрешил в святом послушании, ибо нисколько ни в чем не согрешать свойственно одним лишь ангелам.

Также друг перед другом должно смиряться, и друг друга предпочитать, и иметь любовь по Богу между собой — и да будет у вас по благодати Христовой одна душа и одно сердце.

Если услышу и узнаю о таком вашем устроении, возрадуюсь и прослаблю Бога Преподобного, и буду молить Господа, да подаст Он вам по Своей неисчислимой милости крепость и силу для сохранения в совершенстве Божественных Его заповедей, и буду всячески, сколько есть сил, помогать вам в душевных и телесных нуждах

и обитель вашу, по общему вашему желанию, считать словно своей.

Для управления же экономического посылаю ныне отцу Алексию двух братьев: отца Матфея и отца Дионисия, которые, надеюсь, будут великой помощью для всей святой обители.

Предложив это любви вашей с надеждой на богоугодное ваше преуспеяние в исполнении заповедей Господних, остаюсь здоровья и спасения вам желающий иеромонах Паисий, старец Драгомирнский.

Послание иеромонаху Агафону, настоятелю Поляноворонской обители

Всечестной господин, иеросхимонах отец Агафон, начальник святой Поляноворонской обители, со всей о Христе братией, спасайтесь о Господе!

Писание святыни вашей вместе с донесением святых отцов собора вашего на иеромонаха Феопемпта, хулителя отеческих книг преподобных и богоносных отцов наших, научающих умному деланию, то есть молитве Иисусовой, я с радостью получил через возлюбленного о Господе брата нашего духовника Иакинфа. И, всё в них написанное уразумев, прославил Бога за то, что и в эти последние, плача и рыдания достойные времена, в которые едва ли не совсем угасли в монахах божественная ревность и любовь к книгам отеческим, научающим истинному деланию Божественных евангельских заповедей и священной молитве Иисусовой, единым умом в сердце совершаемой, у вас, по Божественному смотрению, и доныне имеются упомянутые ревность и любовь к книгам отеческим и их душеспасительному учению об этой молитве.

Побуждаемые этой божественной ревностью, вы, собравшись в святую церковь, призвали того хулителя, чтобы он дал ответ за свои хуления. Но, поскольку он не послушался и не захотел прийти в церковь, вы были вынуждены пойти к нему в келию и спросить его, почему он вас называет еретиками. Он же, отвечая всем вам, называл все книги отеческие химерами, вас всех — прельщенными, а молитву Иисусову — ересью, которая

якобы произошла из Мошенских гор, и прочее изблевал хульное и лживое, бессмысленное и безумное свое блудословие. А на увещание духовное нашего духовника Иакинфа, чтобы тот перестал хулить учение святых отцов и священную Иисусову молитву, он те же свои хуления повторил. Вы же, святыня ваша, видя его нераскаянный нрав и непрекращающееся хуление, с изволения святых отцов и братьев, пишете ко мне, называя себя сиротами, и просите в этом деле вас не оставить. Дело же это хотя ко мне и не относится, потому что святая обитель ваша не зависит от меня, но ради любви Божией, видя вашу ко мне, недостойному, по Богу веру и любовь, видя и ревность вашу божественную к этой всесвятой молитве и книгам отеческим, а также соболезнуя скорби и печали, наносимым душам вашим хулениями на такую святыню, решил я поведать вам нечто об этой хуле, откуда в наши времена она берёт начало.

Когда мы только пришли со Святой Горы Афонской в эту православную, христианскую и более прочих земель страннолюбивую и странноприимную Молдовлахийскую землю, то я, пребывая еще в Драгомирнской обители, услышал, что из Мошенских гор от некоего суетного философа-монаха не молитва Иисусова, святая и священная, проистекла, которую он хулит на свое вечное (если не покается) осуждение и ересью называет, но явилась прескверная, и всемерзостная, и слухом нашим до сих пор неслыханная, нестерпимая хула на эту всесвятую и пренепорочную, умом в сердце совершаемую Иисусову молитву, и на всех святых отцов, и на святые книги их, об этой святой молитве учащие. Той хулой — ибо диавол говорил его устами — некоторых скудоумных монахов он настолько повредил, что они и книги отеческие, привязав к ним кирпичи, в реке Тясмин дерзнули потопить. Еще же, не довольствуясь тем,

чтобы одним лишь своим всескверным языком произносить хулы, он возымел намерение и рукой, письменно, хулить и опровергать это божественное делание молитвы и книги отеческие, о нём учащие, но тотчас ослеп, потому что Бог не допустил, чтобы злое его намерение осуществилось на деле.

Но с того времени даже и доньше, как видим, не истребилось еще до конца хуление это, которое явилось от этого хулителя. Да обратит его Бог на истинное покаяние, дабы не погиб он на веки с проклятым еретиком Варлаамом Калабрийским, первым хулителем этой священной Иисусовой молитвы, которого Церковь Божия соборно трижды предала анафеме и до сих пор каждый год в святую Неделю Православия предаёт, и до скончания мира предавать будет такими словами: «Варлааму, и Акиндину, и последователям, и преемникам их — анафема (трижды)».

Как Сам Христос, истинный Бог наш, от начала веры православной и до настоящего времени для неверующих есть *камень претыкания и камень соблазна* (1Пет. 2:7; Рим. 9:33), а верующим — *спасение душам* (1Пет. 1:9), еще же и сама спасительная проповедь евангельская *овем убо*, — по апостолу, — *воня смертная в смерть, овем же — воня животная в живот* (2Кор. 2:16), так и эта священная молитва хотя некоторым не веровавшим и сомневавшимся в ней и была *камнем претыкания и камнем соблазна* (как усматриваем в заново напечатанных, по Промыслу Божию, греческих книгах преподобных отцов наших Симеона Нового Богослова и ученика его Никиты Стифата), однако до времен упомянутого еретика никто не дерзнул открыто, и языком и письменно, хулить мысленное делание этой молитвы и ее делателей. Он же показал себя первым хулителем этой божественной молитвы. Как змей из бездны, вый-

дя из Калабрии, страны Италийской, пришел он в греческую землю и поселился сначала в Солуни, где, пребывая, услышал (поскольку недалеко находился от Святой Горы Афонской) о святогорских монахах и об этой священной молитве. И, гордясь своей философской премудростью и знанием астрономии, тотчас отверз он скверные свои уста и начал испускать смертоносный яд хулений — сперва на молитву, умом совершаемую, и на монахов, хуля и называя их евхитами, пуподушными и мессалианами, потом же обратил хулу свою и на всю Церковь Божию, и на догматы ее, называя созданием несозданный и присносущный свет Божества Христова, воссиявший на Фаворе от пресвятого лица Его святым Его ученикам и апостолам. К тому же еретик этот, ученик его Акиндин и прочие последователи и преемники их тварью и созданием называли и всё существенное и естественное общее, от одного и того же существа и естества Пресвятой Троицы, как от солнца лучи, свет и сияние, естественно и существенно происходящее, то есть действие, силу, благодать, свет и сияние, дары и дарования и прочее, что неисчислимо. И всех православных христиан, исповедующих, что в Боге нет ничего созданного, но всё несозданно и присносущно, дерзали называть двубожниками и многобожниками, сами будучи безбожниками.

Ради этого — сначала против Варлаама, не послушавшего многократных словесных и письменных увещаний святого Григория Паламы и не захотевшего покаяться и прекратить свои хуления, — на Святой Горе Афонской собрался Собор святых отцов святогорских, которые соборно все хулы его предали анафеме. Так же против этих еретиков и последователей их в различные времена собирались в Царьграде в великой церкви Премудрости Божией четыре превеликих Собора. На двух

из них святой Григорий Палама был еще в иеромонашеском чине, а на третьем он был уже архиепископом Фессалоникийским, четвертый же Собор был уже после преставления святого ко Господу. На всех этих Соборах были предъявлены неопровержимые доказательства от всего Божественного Писания, от постановлений святых Вселенских Соборов и учения всех святых отцов, пастырей и учителей вселенной. И после того как истина воссияла ярче солнца, а эти еретики, то есть Варлаам, Акиндин, философ Григора и все их последователи и преемники, не захотели покаяться и проклятию предать ереси свои и хуления, но пребывали в упрямстве и явном противлении Церкви Божией, Церковь Божественная соборно всех их трижды предала анафеме. И таким образом после их многолетнего нападения на Церковь она обрела совершенную тишину, объявив соборно чистоту и неповинность монахов против всех еретических на них хулений и клеветы. А божественная молитва Иисусова, не только устами, но и умом в сердце совершаемая, непорочное солнце, остается солнцем, не помрачаемым тьмой еретических хулений и прославляемым от всей Святой Церкви как дело божественное.

Потому молю и прошу святыню вашу, весь собор святой обители вашей: имейте ревность Божественную и веру несомненную к книгам отеческим и к учению, в них находящемуся, то есть к Писанию Божественному, и к разуму всех вселенских и всей Святой Церкви учителей; будьте во всем согласны с ними без всякого сомнения, поскольку один и тот же Дух Святой действовал как в учителях вселенских, так и в святых отцах, учителях и наставниках монашеского жития, и тем и другим за совершенное их богоугождение равным образом открыл тайны Царствия Небесного, то есть глубину Божественного Писания. И это учение, находя-

щееся в книгах отеческих, есть для хотящих спастись монахов истинное наставление на путь спасения, которого всей душой держась, бегите и удаляйтесь от хулений этого хулителя на святые книги и на богоносных отцов наших. Ибо таковой и другие — если бы нашлись подобные ему — отнюдь не могут иметь среди святых ни одного свидетеля зломудрию и хулам своим, но на песке развращенного и богопротивного своего разума основание имеют (Мф. 7:26), ибо заблуждаются от чрева и говорят ложь (Пс. 57:4), отцом лжи — диаволом (Ин. 8:44) будучи наущены хулению на истину.

Вы же, верные и истинные сыны Православной Церкви Божией, держась истины, основаны на недвижимом камне веры (Мф. 7:24) и имеете об истинном делании заповедей Христовых и всесвященной этой молитве такое великое множество свидетелей преподобных и богоносных отцов наших, имена которых сообщаю при этом послании. Последуйте всеусердно святому их учению, понуждая душу и тело на всякое благое и угодное Богу дело по силе вашей, при содействии вам Божией благодати. С хульником же этим, если не захочет покаяться, прошу и молю, не имейте никакого общения и, если это возможно, с любовью удалите его от себя, чтобы было житие ваше тихим и мирным, без всякого смущения, во славу Божию и во спасение душ ваших, чего всеусердно вам желая, остаюсь святыне Вашей и всей о Христе братии вашей преусерднейший желатель во всяком деле благом совершенного преуспевания и о мне, грешном, к Богу благоприятного вашего моления.

*Святых и честных монастырей Свято-Вознесенского
Нямецкого и Предтечева Секульского
старец и архимандрит Паисий*

Послание к игумену скита Цыбукан Феодосию

Всечестнейшему из отцов Феодосию, скита Цыбукан игумену, с возлюбленными чадами — о Господе радоваться!

Благодарю Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, хранящего здоровье святыни вашей для пользы и назидания братьев Господних, которых Дух Святой нерушимым союзом любви к святыне вашей привязал.

И весьма возрадовался я духом, ощутив в писании вашем благоухание смиренномудрия вашей боголюбивой души, ибо по благодати Божией ты можешь и словом и делом показать боговрученному тебе стаду словесных Божиих овец безошибочный путь к спасению, по данному тебе от Бога такому дарованию. И на пажити Божественных заповедей можешь их пасти, давая в питье упокоевающую и в живот вечный текущую воду словес Божиих (см. Ин. 4:14) — правого и истинного, по силе Писания, духовного рассуждения. Подвигоположнику истинного и совершенного послушания — Христу Господу (см. Рим. 5:19; Флп. 2:8; Евр. 5:7–9) подражая, желаешь, самого себя предав, по слову апостола (см. 2Кор. 10:5; Рим. 6:16; Рим. 6:22), в послушание, в нем и жизнь свою завершить. И о том ты сильно скорбишь, что такого неуклонного и верного пути к спасению лишился.

Видя, боголюбивый, в блаженной твоей душе такое твое богоугодное намерение, — явственное знамение основания всех добродетелей, то есть смиренномудрия,

без которого никто не сможет спастись, — я сильно радуюсь душой, поскольку им ты и себя, и следующих за тобой, при содействии благодати Божией, спасешь.

Потому увещаю тебя, блаженный, не сильно об этом скорбеть и не изнемогать душой, будто бы ты лишен послушания, ибо может Господь и произволение благое в дело вменять; ведь не из-за презрения ты этого лишаешься, но из-за любви Божией к братии, ради общей ее пользы, что более всех добродетелей приятно Христу Богу, *положившему за нас душу Свою* (см. Мф. 20:28; Мк. 10:45; Ин. 10:11; Ин. 10:15). Только постарайся, укрепляемый благодатью Божией, истинным твоим на заповеди Божии наставлением вверившиеся тебе души представить Христу Богу чистыми и непорочными жертвами, достойными мысленного жертвенника, через всесовершенное умерщвление воли своей и рассуждения. И не только мзды послушания за твое благое к нему произволение не будешь лишен, но и сугубый венец за истинное на путь Божий чад Божиих наставление от Христа Бога восприимешь (см. 1Пет. 5:4), как *положивший душу свою за други своя* (см. Ин. 15:13; 1Ин. 3:16).

Послание к Никифору Феотоки

Преподобнейшему учителю, иеромонаху кир Никифору — о Господе радоваться!

От любви, основание которой — Сам Бог (см. 1Ин. 4:16), от любви истинной и непритворной, ты подумал о нас, о священная мне и честная глава, намного больше, нежели подобало. Ты счел, что много у нас таких мужей, которые вместе с грамотой могли бы и заповедям Господним, и добродетели учить детей и делом и словом, бывая для них примером и начертанием благодаря своему честнолепному, целомудренному и трезвенному житию; которых ты и просишь, а еще больше просят их у нас на это дело христолюбцы из матери городов* этой земли.

Мы же, совесть нашу в свидетели перед боголюбием твоим призывая, извещаем, что нет еще и доньше у нас таких мужей, годных на это дело, каких просит обращенное к нам слово и вы.

Ибо хотя мы и сошлись о имени Христовом во лечебницу, то есть в общежитие, к истинному врачу душ и тел Христу Богу с надеждой на исцеление, но еще больны и немощны, еще от недуга нашего не исцелились, еще смердят и гниют из-за нерадения нашего душевные наши раны, еще желаемого не сподобились здравия, чтобы быть способными и иных исцелять.

* Имеются в виду Яссы, столица Молдавского княжества в то время.

Мы — соль, взятая из воды, и если в воду опять будем ввержены, разольемся страстями. Кирпич внутренне-го нашего человека еще огнем Духа не обожжен, чтобы мы смогли выдержать напор воды страстей и не рассыпаться. Еще не получили мы *крыле, яко голубине* (Пс. 54:7), Духа, чтобы смогли, ввергнув себя в пучину раздражений греховных, которые перед очами нашими, к пристанищу Небесному перелететь, не погрязая в страстях.

Ужасаемся и трепещем, не дерзая вступить в печь вавилонскую страстей и похотей, которую смог бы посреди народа разжечь для нас мысленный вавилонский мучитель, из-за немощи чувств наших, поскольку не сподобились мы еще росы бесстрастия, — да не будем сожжены, как и те, которые стояли вокруг печи халдейской (см. Дан. 3:19–50). Знаем мы — о блаженный! — хотя и отчасти, что такое мир, из учения треблаженных отцов наших: он есть (твои речи заимствую) похоть плоти, суетность приобретения и воля диавола.

Знаем мы и то из учения тех же отцов, что немощным душой монахам полезно бегство от мира и от мирских людей, от видения их, и слышания, и собеседования с ними, а тем более от сопребывания.

Мы о высоте совершенства святыни пребывающих в миру, а умом вне мира и помыслить недостойны, ибо таковых почитаем за равноангельных. Мы же, находясь вне мира, пребываем в миру, окаянные, — это исповедуем перед Богом и людьми.

Знаешь ты, богомудрый, сколь великая злоба диавола, и знаешь, что брань его мысленная простирается на всех людей, в особенности на православных христиан. Насколько же более простирается она на монахов, превышесущественной добродетелью девства и чистоты понуждающих себя во плоти подражать бесплотным.

И если на пребывающих вне мира, в пустыне, страдальцев Христовых воздвигается такая лютая, постоянная и непрестанная его брань, то насколько более на пребывающих в миру монахов.

Сколь великая требуется таким крепость душевная и совершенное бесстрастие, а также крайняя к Богу любовь и вера и благодать Святого Духа, чтобы смогли они, как три отрока, посреди пламени такой лютой брани вражеской и искушений девство свое и чистоту души и тела, как храм Божий (см. 1Кор. 3:16), соблюсти неопалимыми. Мы же, будучи боязливыми и слабыми сердцем, от такой силу нашу превосходящей брани мысленного нашего противника, по слову учения святых отцов наших, уходим и возвращаемся в дом нашего внутреннего человека (и, сидя в нем, плачем о немощи нашей), боясь и трепеща, как бы по слабости и немощи души нашей не поддаться врагам нашим, поползнувшись в плотские похоти и страсти, и не утратить сердца братьев наших, хотящих спастись, став соблазном и преткновением для них таким нашим душевредным примером.

Знаем, что учить детей — дело божественное и дело любви, но превосходит оно силу нашу, потому веруем, что такого делания любви от нас, немощных, Сердце-ведец Господь (см. Деян. 1:24; 15:8) не потребует, зная немощь нашу.

Всё это кто знает так обстоятельно, как твое богомудрие? Ведь и письмо к худости нашей ты написал как бы от лица школьных зрителей. Потому молим твое боголюбие помиловать немощь нашу и оставить нас плакать о грехах наших, молим также известить и зрителей по дарованной вам Богом премудрости о неспособности нашей к такому делу. За такое благодеяние ваше, которое оказано будет душам нашим, воз-

даяние иметь будете в Царствии Небесном — блага, уготованные любящим Бога от Мздовоздателя праведного, Христа Бога нашего, Которому мы, последние, о здравии и спасении вашем молимся постоянно.

Послание к отцам, оставшимся в Драгомирне

Другое послание после переселения в Секулярский монастырь, к отцам, оставшимся в Драгомирне.

Братья и отцы и чада мои духовные, знаю я, что сластолюбие, любовь не по Богу, изнеженность и в особенности самолюбие, как и прочие страсти, побеждают нас всегда и настолько изменяют и придают нам иной облик, что мы начинаем взирать долу, на землю, становимся *плотью и кровью* (см. 1Кор. 15:50) и от этого совсем отчуждаемся от благого Бога, и поэтому всегда было у меня в мыслях написать хотя бы вкратце и самыми простыми словами малое поучение для поощрения вас к исполнению заповедей Божиих и сохранению заповедей святых отцов, а также для того, чтобы о Господе посоветовать вам, каким образом должно проходить поприще святого послушания и пребывать на нем, совершая дела благочестия. И до сих пор не мог написать, будучи обременен как слабостью моей телесной, так и иными многими обязанностями и попечениями, которые предстоят всегда предо мной.

Но теперь, при всей немощи и слабости, какую имею, большую помощь получая от святых ваших молитв, я три-четыре раза читал здесь в собрании отцам, которые во имя Господа собрались под ярмо святого и божественного послушания, нечто из слов святого отца нашего аввы Дорофея, объясняя отцам подробно поучения святого, которые говорят о смиренномудрии и,

скажу вкратце, о делании всякой заповеди Божией и о том, каким образом совершать дела благочестия. И воскресли души многих братьев, ибо начали они все сразу на деле последовать поучениям святого, а истиннее сказать — Святого и Животворящего Духа. Поэтому ныне немалую радость имею я в душе моей по случаю этого, за что ежечасно со слезами прославляю премилостивого Бога.

Правда и то, что я по обязанности, которую имею, не уклонился от того, чтобы написать и вам, прелюбезные мои братья и чада, эти простые и малые поучительные слова, поскольку долг имею как находящихся здесь* братьев, так и вас поучать и советом по Богу поощрять ко всякому доброму делу. Ибо хотя мы и разлучились так, что живем в этих двух святых монастырях, однако собор наш один и весь он связан теми же узами любви по Богу, как если бы мы жили все вместе неразлучно.

Узнал я и о вашей жизни, в особенности о некоторых из братьев — не обо всех говорю, — что они легко склоняются к нарушению заповедей, которые святые отцы заповедуют соблюдать и исполнять со всяким вниманием, чтобы сохранилась между нами благая благоговейность: ходят со всякой распушенностью из келии в келию, проводя время в суетных разговорах и смехе. И не только это, но они и выходят открыто к воротам святого монастыря и сидят без страха Божия праздно, и от праздности некоторые из подобных, сделавшись неблагоговейными, доходили до полной невнимательности и бесчувственности, сделавшись строптивыми, непокорными, вспыльчивыми, сердитыми, непослушными, прекословящими, ропшущими,

* То есть в Секульском монастыре.

неблагодарными и ленивыми во всяком благом Божием деле. Ибо чему иному праздность может научить, если только не всякому злу, как свидетельствуют святые отцы.

Поэтому, отцы и братья и чада мои любезные, с болью сердца моего умоляю вас: трезвитесь все те, которые впали в такие прегрешения, и положите с помощью Божией начало исправления, оплевав всякую привычку и злобный, проклятый нрав, и *делайте ваши члены, как говорит апостол, рабами справедливости в святости* (см. Рим. 6:19). *Примите Божественное разумение* (ср.: 1Кор. 2:16). *Уклонитесь от зла и сотворите благо* (см. Пс. 33:15). Любите мир и возделывайте его. Убегайте от развращенных советов, которые враг наш, диавол, изливает через неутвержденных и легкомысленных, как излил некогда в раю через змея на Еву, праматерь нашу. Ибо многие, в том числе и некоторые из наших братьев, слушая развращенные советы и последуя своей воле и мнению, не только не преуспели в какой-либо добродетели и жительстве по воле Божией, но и отпали от общего братского жительства, отреклись от обетов своих, которые дали при постриге пред Богом и святыми ангелами, и ныне все делают по воле своей к воспламенению вечного огня. Бог Святой по молитвам вашим да подаст им познание справедливости и исправление.

Впрочем, и сами вы познали, какое помрачение и тягость появляется в душе от презрения и несоблюдения святых заповедей и Божественного Евангелия, советов и решений, оставленных святыми отцами по просвещению от Святого Духа. Поэтому и я, недостойный, о Господе советую и повелеваю: положите отныне и впредь начало исправлению и в особенности истребляйте с помощью Божией из среды вашей празднос-

ловие, которое втайне умерщвляет души ваши, равно и хождение из келии в келию без надобности, а если возникнет надобность одному идти к другому, то и это да будет с ведома и благословения духовника. Будьте ко всем кроткими и смиренными, последуя кротости и смирению Христа, Который во время всех страданий Своих, какие Он добровольно претерпел для нашего спасения, не прогневался, не противоречил тем, кто бесчестил и поносил Его, но еще и помолился Отцу Своему Небесному о них, чтобы Он простил им эти прегрешения. Будьте покорными, скорыми на послушание, непрекословящими и помимо всего этого стяжите в сердцах ваших смиренномудрие, которым сможете *угасить все огненные стрелы диавола* (см. Еф. 6:16), который, *как лев, ходит, рыкая и ища вокруг, кого бы поглотить* (1Пет. 5:8).

Всегда исповедуйте духовнику все помыслы ваши, ибо через чистое исповедание рассыплются все советы врага. И не любите сидеть в келиях ваших хотя бы один час без рукоделия и праздно, поскольку праздность, как я уже сказал, научает монаха всякому злу. Занимайтесь все деланием рук ваших и всеми общественными делами, какие повелевается делать. И сохраняйте порядок и правило Святой Церкви, тем более что есть у вас там и теплая церковь. Те, которые знают грамоту, пусть читают со вниманием книги святых отцов, поскольку благодаря книгам просвещается ум человека, и он обретает ревность исполнять заповеди Святого Евангелия, ибо без делания заповедей Божиих, только одной нагой христианской верой спастись невозможно. Ведь, как говорит апостол, *вера без добрых дел мертва* (см. Иак. 2:20), равно и *дела без веры мертвы* (ср.: 1Пет. 1:9; Рим. 1:17; 3:28). Потому сочетайте и то и другое, то есть веру и делание заповедей Божиих,

чтобы не был отнесен и к вам тот пророческий глас, говорящий: *народ этот близок ко Мне устами, но далек сердцем* (см. Ис. 29:13; Мф. 15:8; Мк. 7:6). И в другом месте еще сказано: *есть некоторые, которые своими устами благословляют Бога, а делами своими отрекаются от Бога* (см. Тит 1:16). Поэтому трезвитесь, чада, ибо наша брань не против плоти и крови, но против начал и властей тьмы (см. Еф. 6:12). Бог, в вышних почивающий на херувимах, видя подвиг и усердие ваше, да укрепит вас Своей благодатью на исполнение святых Его заповедей и на совершение всякого благого дела.

В особенности пишу вам и о том, чтобы каждый ежедневно сохранял ненарушимо следующие заповеди (ибо так я заповедал здесь всем братьям): каждый да принесет по лохани или хотя бы по лоханочке воды в поварню и поможет хоть немного мыть посуду, и другим чем-либо да поможет, в чем будет нужда. То же самое и на пекарне — да просеет по одной или две сеялки муки и поможет месить тесто (кто покрепче телом), потому что и братьям, определенным на те послушания, следует иметь облегчение. Также всякий брат каждую неделю должен чистить трубу своей печи, и никто пусть не кладет дрова или щепки на печь или между печью и стеной, чтобы исчезло у вас всякое беспокойство о пожаре. В монастыре все должны ходить с благоговением, держа руки сложенными у пояса. По кельям никто один к другому без надобности да не ходит, а при необходимости посещение должно быть с ведома и благословения духовника, как я уже сказал. Также и сборищ, при вратах ли или в каком бы то ни было месте, и в особенности с празднословием, да не будет. Назначил я и епитимию для тех, которые не соблюдают и не исполняют этих заповедей: они вина да не пьют.

И так как находящиеся здесь* приучились делать и соблюдать это с великим вниманием, то умоляю и вас, честные и прелюбезные чада мои, — поскольку здесь и там без различия всё один собор, — чтобы и вы там со всем усердием и тщанием соблюдали и исполняли это. Как бы ни были велики и тяжки эти заповеди, но если только явите произволение, вы все, кроме больных и старых, сможете их исполнять, чтобы как там, так и здесь — везде был один порядок.

Также и церковные братья** — и они должны стараться последовать всему этому, поскольку могут и они найти время, тем более после церковного богослужения; и пусть знает каждый, что если кто-либо по лени или пренебрежению не будет соблюдать этого, то я дал твердое, особенное повеление отцам-распорядителям, вместо меня там поставленным, никому из таких вина не давать.

При всем этом еще умоляю вас со слезами, прелюбезные мои чада и братья, чтобы каждый пребывал в своем служении с мужеством, во всяком благоделании, дабы телесные ваши дела соединились с прочими вашими добродетелями. Потому что в том месте, где это есть и исполняется, там и Бог почивает, там сияет свет, там является мир, там сатана не имеет себе места, оттуда далеко убегают страсти. А где нет тщания об этом, там все противоположное: вместо блага — зло, вместо света — тьма, вместо Христа — диавол.

Поэтому будь бдителен, ты, чадо мое, духовник Наркисс, бодрствуй, рассматривай сердца братьев через исповедь и наставь их на всякое благое дело, чтобы они

* То есть братья Секульского монастыря.

** То есть священнослужители и братья, несущие послушания в церкви при богослужении.

получили вместе со всеми и награду от подвигоположника Бога.

Благодать же Господа нашего Иисуса Христа да будет всегда с вами, всечестнейшие мои братья. Аминь.

*Написано преподобным Паисием после того,
как он переселился с частью братии
из Драгомирнского монастыря в Секульский*

Послание к ученикам на хутор Некшаны

Послание преподобного отца нашего старца Паисия из святого монастыря Драгомирна к ученикам своим, которые находились на жатве на хуторе (метохе) Некшаны.

Прелюбезные мои, все те, которые находитесь на святом послушании на жатве, духовные мои чада и во Христе братья и отцы, радуйтесь о Господе!

Премилостивый Бог знает, как был бы я рад прислать вам и другого иерея в помощь, для порядка. Но поверьте мне, чада мои, что тогда некому будет служить в святой церкви Божественную службу, на которую мы по Бозе все упование наше и упование с благой вестью о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов наших, твердо по вере христианской возлагаем. Поэтому я рассудил для укрепления вас в ваших трудах послать вам, любезные мои чада, это мое наставительное поучение.

Любезные и дорогие мои чада, страдальцы Христовы, причастники венца мученического и наследники Царствия Небесного, станьте храбро в святом послушании, станьте твердо в вере в Бога и в доверии ко мне; по словам святого апостола Павла, *не ослабевайте, будьте единомышленными, мирными, относитесь один к другому и ко всем с любовью и благоговением* (см. Флп. 2:2–3; 1Фес. 3:12; Рим. 12:9–12). Так как враг — проклятый диавол, всегда подстерегающий нас в засаде, день и ночь ходит

вокруг нас, ища и среди подвизающихся, *кого поглотить* (см. 1Петр. 5:8) и на дно ада с собой низвергнуть на веки веков, и особенно в это смутное время. Но вы, чада святого и треблаженного послушания и мои любезные чада, будьте мудры и искусны, попирайте рассуждением вашим духовным его главу, вызывающую смятение, и всю силу его лукавую; старайтесь ради Господа, сколько есть сил ваших, так же как телесно вы трудитесь, трудиться и духовно, в особенности не последовать своей воле, мнению и не сопротивляться друг другу, — такие дела Богу ненавистны, а мне и всем братьям враждебны и чужды. Остерегайтесь роптания, так как *на тех, кто ропщет, нисходит гнев Божий, и земля живыми их поглощает* (см. Чис. 16:23–34). А более всего *смиряться, братья, и любите один другого* духовной любовью, и Бог мира и любви да будет с вами (см. Флп. 4:9); и из того все познают, что вы — ученики Христа, если истинную любовь будете иметь между собой (см. Ин. 13:35). Так как тот, кто любит брата, во свете пребывает, а тот, кто ненавидит, — во тьме (см. 1Ин. 2:10–11). Остерегайтесь, братья, и зависти — сети диавольской, потому что где пребывает зависть и памятозлобие, там не бывает посещения Божественной благодати, но все — поводы к хулению, памятозлобие диавольское и отверстая яма погибели. Удержите во время святого дела, то есть послушания, *язык ваш от зла* (см. Пс. 33:14), чтобы не говорил он слов праздных, так как страшно и грозно каждый будет допрошен Господом обо всем, даже и о слове праздном, в день грозного испытания. *Положите хранение устам вашим* (см. Пс. 140:3), языку и помышлениям, если благоволите по вере христианской проводить эту жизнь, потому что *уста молчаливого источают благо* (см. Притч. 10:31). Ибо кто сохраняет язык, тот сохраняет от скорбей

душу свою (см. Притч. 21:23), поскольку *смерть и живот в руце языка* (Притч. 18:21). Этому поучает нас и Иаков, брат Божий, говоря: *Да будет всякий человек скор на слушание и медлен на разговор, ибо кто не падает языком, тот муж совершенный, могущий удержать от зла и все тело свое* (см. Иак. 1:19; 3:2).

Соблюдайте это, не собирайтесь на кухне, в палатке, в пекарне и во всяком месте без надобности, потому что при многословии не избежим празднословия, смеха и клеветы. Да не ходит один к другому по шалашам без благословной надобности и без благословения духовника, в особенности после повечерия, ибо это святыя отцы строго запрещают.

А в особенности остерегайтесь с осмотрительностью и такой ловушки диавола — дерзости между собой, ибо эта сеть диавола, братья, люта и ужасна, может всякого монаха, и старого и молодого, вниз головой низвергнуть во все пропасти. И вы, братья старшие, в понятиях и в рассуждении более опытные, теми делами вашими, которые одобрены, покажите пример младшим, в понятиях еще неопытным, и преподайте наставление. Ибо от вас Господь требует большего. Находясь в шалашах или на работе, не оставляйте внимания, как если бы вы были в монастыре. Учитесь Божественным заповедям, то есть смирению, кротости и любви, так как Сам Господь в Евангелии говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11:29). А для того, чтобы научиться смирению, полезно каждому иметь сокровенное поучение в душе своей: самому себя укорять, под ногами у всех себя иметь, прахом и пеплом себя считать. Также за трапезой, на посевах и повсюду в страхе Божиим, в памяти смертной, в памятовании о муках вечных каждый сам себя да утверждает непрестанно и

да воздерживается: глазами туда и сюда пусть не смотрит, но взирает долу, и о своих грехах помышляет, и ежедневным истинным исповеданием совесть свою очищает, а различные искушения, которые приходят от немощных братьев, с радостью и благодарением терпевает.

Одно такое вышеописанное поучение и внимание иссушает помыслы скверные, ранит страсти душевные и телесные, озаряет ум, просвещает помысл и доставляет сердцу радость. Тайное поучение и чтение есть дом души, в который не могут проникнуть и к которому не могут приступить противные силы, — это столп непоколебимый, пристанище тихое, безмятежное, неподвижное, спасающее душу. Потому что много бунтуют и шумят демоны, когда монах вооружает себя тайным поучением и вместе с тем непрерывным повторением: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» — и особым чтением.

И если так будете делать, любезные мои чада, то я, услышав об этом, порадуюсь за вас ради вашего богоугодного дела, так как вы и мои, грешного, труды не презрели. Ибо как вначале я вскормил вас молоком духовным и наставлял, так и теперь наставляю не на что-либо другое, но на путь, ведущий в Царствие Небесное. И ожидаю иметь себе облегчение хотя бы в годы старости моей, при слабости здоровья моего, — ваше божественное и истинное святое послушание и, как какой-нибудь очень дорогой и многоценный жемчуг, спасение душ ваших и моей, грешника, души, и о нем ходатайствую. А вы, любезные и духовные мои сыновья, отверзите слух ваш и внимайте следующему. Не воздавайте мне противным: за добро — злом. Вместо радости не доставляйте беспокойство, вместо пшеницы чистой — плевелы, тернии и волчцы, вместо наслажде-

ния милостью Божией в Царстве Небесном и неизреченной радости в одном месте с вами — вечные муки и невыразимые скорби из-за вашего непослушания, от которого Бог да избавит нас. Но, истинно говорю, принесите Господу Богу жертву чистую, без порока, с благоуханием, по христианскому вашему обету, — святое послушание, выбрасывая вон скверную и вонючую жертву — оного дохлого и злосмрадного пса, то есть непослушание. Принесите труды ваши и пот кровавый как всесожжение во всем тучное, пребывание ваше под жгучим солнцем и тягости — как терпение мученическое и вас самих с душой вашей — как живое приношение, благоприятное Богу, *в воню благоухания* (см. Еф. 5:2).

А что касается ваших добрых подвигов, вверяю вас, любезные мои чада, Господу Богу для защиты и покрова, чтобы Он защищал вас от всякого зла душевного и телесного, и покрыв от всякого смущения вражеского, и даровал вам одно такое богоугодное дело — пресвятое послушание — со страхом Божиим, по приведенному выше духовному моему поучению, основанному на Святом Евангелии и засвидетельствованному святыми, с терпением в душеспасительных подвигах совершать. Знайте, что ненавидящие Христа иудеи проповедь пророков и святых апостолов слышали и много чудес Христа Спасителя нашего видели, но им не отдали предпочтения и не согласились ходить по пути Божию, но еще — увы! — невинного Христа Бога нашего, окаянные, мучили и смерти предали. А язычники, и не зная истины, уверовали и нареклись блаженными сынами Божиими (см. Ин. 20:29). Вас же да удостоит Бог, как в этой маловременной жизни в душах ваших принять от Христа Спасителя мир, божественную радость, так и по прошествии этой жизни в Царствии Небесном вме-

сте с ликами ангельскими наслаждаться вечно неизреченной радостью и сынами Божиими именоваться (см. Мф. 5:9).

*По-отечески ваш молитвенник к Богу
и усердный доброжелатель,
духовный ваш отец Паисий
21 июля 1775 года*

Слово к отцу Феодосию, архимандриту пустыни Софрониевой

О любви своей к нему. И о том, чтобы не искать чести и богатства. И какую любовь отеческую подобает иметь настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании в обители. О том, чтобы иметь время для чтения отеческих книг и молитвы в келии. О книгах отеческих, переведенных с греческого языка. И еще о некоем хулителе умной молитвы.

Писание святыни вашей, посланное ко мне, недостойному, через честных отцов, монахов Климента и Иоанникия, я с радостью получил и прославил Бога за здоровье ваше и богоугодное пребывание, и написанное ко мне после внимательного прочтения уразумел.

Прежде всего вы сообщаете мне о вашем невыразимом страдании и печали, случившихся по следующей причине: некоторые, не внимая своему спасению, сильным своим лжесловесием настолько будто бы смутили душу мою и настроили сердце мое против вас, искреннюю любовь ко мне имеющих, что совсем разорвали союз любви с моей стороны. И сообщаете мне подробно, какое попечение об освобождении братьев наших вы имели и какой подавали им об этом совет, который воистину помог бы им получить освобождение, если бы они ему последовали. Но поскольку они, поверив своему мнению, отринули ваше о них попечение, потому и подверглись заточению.

Отец святой, поверьте мне, не только это ваше известие, но и непрестанная ваша ко мне любовь удосто-

веряют меня в том, что вы в случившемся с братьями нашими отнюдь неповинны. И они о святине вашей никоим образом не упоминают, когда пишут письма свои, но плачут и рыдают и от всего сердца и от всей души пред Богом и предо мной исповедуют, что во всем случившемся они сами повинны за свое непослушание мне. Ибо они в какой-то мере насильовали волю мою.

Ибо Афанасию — мать престарелая, а Феофану — отец престарелый писали и слезно молили, чтобы они потрудились их посетить и к монашескому житию привести. Братья, показав мне их письма, со многими слезами долгое время просили у меня позволения пойти к своим родителям и исполнить на деле их прошение. Я со многими слезами увещевал их оставить такое намерение и на всемогущий Промысл Божий возложить это дело. Однако спустя некоторое время, снизойдя к прилежному их прошению, я позволил им пойти, послав с ними брата Амвросия ради духовного наставления. Преподаявая же им благословение на путь, я со слезами сказал: «Более уже, возлюбленные мои братья, в настоящей жизни мы друг с другом не увидимся, разве только Бог всемогущий явит чудо, да сподоблюсь я, окаянный, еще узреть вас в этой маловременной жизни». И в самом деле Бог попустил мне это претерпеть за мое недостойнство и лишиться лицезрения превозлюбленных чад моих духовных. И они, вспоминая об этом и плача, — сами на себя, а не на кого-то иного вину возлагают и со многим смиренномудрием, великодушием и благодарением претерпевают это попущенное им по неисповедимым судьбам Божиим искушение.

Один некто на словах сообщил мне о братьях наших то же, что и вы в письме своем мне о них возвещаете: как будто бы они жаловались ему, что от вас претерпели то, что претерпели. Но поскольку в их письмах я это-

го не нашел, потому такому его сообщению отнюдь не поверил и счел это сообщение за некие праздные слова. Потому и святыню вашу молю: не имейте обо мне такого мнения, будто бы я союз любви с вами совсем разорвал, — да не попустит преблагой Бог мне, окаянному, такое претерпеть. Ведь хотя любви к Богу и ближнему по своему нерадению я отнюдь не стяжал, но знаю и твердо верую, что без любви к Богу и ближнему одной православной верой спастись совершенно невозможно, ибо *вера без дел, по Писанию, мертва есть* (Иак. 2:20 и 26). Я должен, если хотя бы малейшую надежду на спасение хочу иметь, с помощью Божией понуждать себя к ней по крайней мере отчасти и ни по какой причине не нарушать любви к ближнему, поэтому и к святыне вашей я должен по заповеди Божией (см. Мф. 22:39; Мк. 12:31; Лк. 10:27) иметь постоянную и никогда не нарушаемую любовь.

Ради большего уверения святыни вашей, по любви Божией представляю вам залог моей душевной любви, какую я прежде к вам имел и ныне имею, о чем знает один Бог. Когда святыня твоя еще в скиту Цыбуканском пребывала, я имел о вас в душе моей такое извещение, что в эти последние дни Бог по благодати Своей явил подобного мужа (то есть святыню твою), который хотящих спастись может и словом и делом наставить на истинный путь спасения. Когда же святыня твоя возымела намерение перейти в монастырь Должешти и об этом просила у меня совета, я отнюдь вам не советовал это делать, боясь всесовершенного вашего душевного и телесного разорения, и сказал вам, что если вы это сделаете, то пойдете в тот монастырь с неизреченной радостью, а оттуда выйдете с неизреченной скорбью, что на самом деле с вами и случилось. После этого вы возымали намерение взять монастырь Берзунец,

пришли ко мне в монастырь Драгомирну и прилежно молили меня написать прошение ктиторах, чтобы они дали вам тот монастырь. И по доброму своему произволению, по совести христианской святыня твоя дала обет пред Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, взяв в свидетели Пресвятую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, что во всем по Бозе будет советоваться со мной и без моего совета ничего не станет начинать и творить, но будет иметь со мной в управлении братьями духовное единомыслие и единодушие и во всем последует правому разуму Священного Писания и учения святых отцов наших.

Я, окаянный, услышав такой обет святыни твоей, данный добровольно пред Христом Богом, возрадовался радостью неизреченной, надеясь, что этот обет ваш пребудет навсегда ненарушимым. И по прилежному моему у тех лиц прошению и дан был вам для постоянного пребывания тот монастырь, в который святыня ваша с братией и переселились всерадостно, и там вы некоторое время по обету вашему советовались со мной. Но спустя некоторое время вы совершенно прекратили иметь со мной духовный совет, преступив данное пред Христом Богом свое обещание. И с того времени как бы естественным стало в душе моей о святыне вашей такое убеждение, что святыня твоя уже и до смерти моей не примет от меня совета духовного и житие ваше не будет управляемо по воле Божией, поскольку начали вы во всем следовать своей воле и рассуждению, а не учению святых отцов и начали с тех пор управлять братией странным и необычным управлением.

Во время опасности вы стали защищать себя оружием, а не обращением к всемогущей помощи Божией. Во время нападения неприятелей вы не пришли с братией и со всем движимым монастырским имуществом ко

мне в Драгомирну (где пробыли бы непродолжительное время и снова возвратились бы с радостью в свою обитель), но, не сообщив мне ни на словах, ни в письме, вышли из этой земли и потерпели немалое и душевное и телесное разорение. Затем опять по ходатайству моему вам был дан в Молдавской земле монастырь Снагов для постоянного вашего в нем пребывания, — переселившись в него, вы таким образом братией управляли, что ужас нападает на меня и при одном воспоминании. Ибо, вместо того чтобы отеческим милосердием, любовью, кротостью, смирением, терпением и долготерпением и благостью исправлять согрешающих братьев, ваша святыня стремилась исправлять их суровостью, жестокостью, немилостивыми и бесчеловечными побоями, узами, темницами и прочими подобающими гражданской власти, а не монашескому чину наказаниями. В монашеский чин постригали вы несвоевременно и в диаконскую и священническую степени возводили не по возрасту, — и то и другое творили вопреки священным правилам Святой Церкви. И хотя блаженные и вечно достойные памяти старцы наши и по Богу духовные отцы и наставники спасения нашего, Василий и Михаил, и прочие ревнители и истинные последователи Слова Божия и учения книг отеческих во все дни жизни своей бегали и удалялись от скверного прибытка, святыня ваша, напротив, всей душой и с ненасытным желанием устремляется к стяжанию серебра и имущества.

Во всем этом святыню вашу, когда вы из Снагова приезжали ко мне в Драгомирну, я нелицемерно со всяким дерзновением по должности моей обличал духовно, но ничего не достиг. Ибо хотя святыня твоя после обличения моего, Бога призывая в свидетели, и обещала во всем исправиться, но обещание то было дано из

одного лишь притворства, а не по самой истине христианской. Обещанию этому я отнюдь не поверил, но счел его за ложь и не только в душе моей тайно держал неверие мое, но и в лицо святыне твоей сказал, что я такому твоему обещанию нисколько не верю. И в этом я не ошибся. Потому что, воистину, не только никакого исправления не последовало за моим любовным обличением твоей святыни, но ты еще и в худшем преуспел. Ибо по прошествии некоторого времени дошел до меня слух, что святыня твоя всякие способы употребляет и обращается к славным и могущественным лицам для того, чтобы взять первенствующий в Молдавской земле преславный и пребогатый монастырь Тисман. И настолько этот слух поразил мою душу язвой печали и сожаления о святыне твоей, что от нестерпимого страдания и печали сердца моего начал я о вас помышлять следующее.

Святыня твоя по неистовому желанию тщетной славы и по ненасытной и сребролюбивой страсти к собиранию денег, не исследуя уже более ни разума Божественного Писания, ни учения святых отцов, но, упомянутыми страстями помрачив и смежив душевное око, без всякого рассуждения слепо ввергает себя и следующих за тобой в пропасть крайнего и окончательного твоего и братии твоей душевного и телесного разорения. И бурю нестерпимых бед и искушений, ненависти и зависти и восстания со стороны всех ты сам на себя добровольно воздвигаешь, нисколько не рассуждая, какой конец за этим делом последует. И от великого о вас сожаления я и братьям некоторым, единоклубным со мной, многократно говорил, что диавол проклятый, завидующий спасению рабов Божиих, изобрел во вред отцу Феодосию эту кознь, при помощи которой не только душу его, но и жителство всего его

собора окончательно разорит и по Божию попущению воздвигнет на него такие страшные гонения, что и с земель этих совсем истребит их жительство. Что на самом деле и последовало. Потом возникли и некоторые другие причины полного разорения жительства вашего, как вы мне сообщили.

Первопричина же разорения жительства вашего в здешних странах заключается в том, что вы начали столь великое дело без совета. Потому что, если бы у святыни вашей по благословной причине — из-за вреда, который претерпевали вы в Снагове от воздуха, — и возникла необходимая нужда просить для жительства своего другие обители и вы, зная свою меру, искали бы обители, подобные Снагову, то сердцеведец Господь, видя вашу нужду, вложил бы в сердце властям дать вам со всякой радостью такую обитель для пребывания вашего. А так как вы, меру свою превосходя, искали первенствующей обители, последовало то, что последовало.

По переселении же вашем отсюда в свое отечество, в той обители (которую вы уподобляете Святой Горе Афонской), которая дана вам богоуправляемой властью, вы воистину могли бы с братией проводить жизнь в крайнем безмолвии, бегая и удаляясь от всех попечений и молвы этого мира, если бы у святыни вашей была истинная ревность Божия к спасению. Но по крайней мере теперь управляет ли святыня ваша братией с кротостью, смирением и отеческим милосердием, чтобы окаянная моя душа, слыша это, могла бы получить хотя малейшую отраду и некое извещение о том, что святыня ваша управляет братией по воле Божией и по разуму святого Евангелия? Но увы мне, увы мне! Поистине даже и теперь не сподобляюсь я хотя бы отчасти услышать эту многожеланную мне весть, но слышу только

всё противоположное. Потому что многие ваши братья, уйдя от вас, по совести мне сообщают, что из-за безмерной жестокости вашей не могут у вас жить, ибо не устаиваются они вас любить, как отца своего премилосердного, но боятся и трепещут, как некоего страшного и презрестокрого мирского властелина. Ужасаются они и наказаний ваших, не иноческому чину, но мирской власти подобающих: уз, цепей, мрачных затворов, грозных и меру терпения превосходящих наглых укоризн и прочих подобных жестоких наказаний. А потому, убежав от вас на свободу, они считают, что убежали от некоего страшного пленения и порабощения, и возвратиться к вам не смеют, хотя и много я их увещаю. Ведь если бы вы всегда управляли ими с кротостью, смирением и отеческим милосердием, то они после ухода своего от вас вновь с неизреченной радостью возвращались бы к вам, как к своему прелюбимейшему и чадолюбивому отцу. А так как они не имеют ни малейшей надежды на милосердное ваше управление ими, то, как овцы без пастыря, в чужой стране пребывают не без печали душевной.

Отец Феодосий, если бы вы по истинной ревности Божией стремились к безмолвию, то могли бы с братией в обители вашей при помощи благодати Божией упражняться в совершенном безмолвии, удалении от всех попечений этого мира, келейном пребывании в трезвении и внимании умном и в непрестанном призывании Господа Иисуса, то есть в священной и сотворяющей Богом молитве, умом в сердце совершаемой, — словно во втором раю и пустыне Иорданской. Пищу свою и одежду имели бы от приходов монастырских, от мельниц, пасек и милостыни, по Божию Промыслу посылаемой христолюбцами, так что вы не знали бы никаких попечений этого мира.

Но где у вас такая ревность? Где такое внимание к своему спасению? Где истинное желание упражняться в непрестанной молитве? Где исходящее от всей души усердие к тому, чтобы бежать от молвы и попечений этого мира и пребывать в крайнем безмолвии? Ничего такого в святыне твоей я не вижу. Но вижу, что происходит, как полагаю, по наваждению вражескому, всё противоположное: молва и попечение, устройство ски-тов, а вернее сказать, хуторов, прилежное попечение о размножении различного скота, частые, без всякой необходимой причины и предолговременные ваши отъезды из обители и оставление братии, из-за чего в отсутствие настоятеля бывает такое разорение душам братьев, что выразить невозможно. Ведь если бы в душе вашей было истинное желание понуждать себя от всего сердца и души к упомянутым благим деланиям, то вы стремились бы в обители и в келии, как в гробе, пребывать безвыходно, день и ночь непрестанно заботясь о своем и братьев своих спасении. А поскольку для святыни твоей самое любимое — частые и долговременные выходы из обители, сопряженные с небольшим разорением души твоей и душ братьев, то зачем и пишете мне все, как малому и несмысленному отроку, о ревности вашей к безмолвию, молитве и к книгам отеческим? Я, отец святой, не на слова, но на плоды ваши взираю и от плодов по заповеди Господней (см. Мф. 7:20) познаю, что слова ваши с плодами отнюдь не согласны, но в них одно только притворство, а не самая сущая, истинная, от внутреннего расположения душевного бывающая Божия ревность к упомянутым благим деланиям и к книгам отеческим.

Все, что я до этого места написал святыне твоей, написал не с той целью, чтобы вас осудить, да не будет этого. Ибо верую и исповедую, что один есть истинный и

праведный Судия живых и мертвых (см. Деян. 10:42) — Христос Бог наш, Который и воздаст каждому по делам его (см. Мф. 16:27; Рим. 2:6), и что осуждающий ближнего своего власть Христову себе присваивает. Но я с тем намерением это написал и по любви Божией со всеми подробностями, как в зеркале, святыне вашей показал, чтобы было ясно, что не я по упомянутой причине союз любви со святыней вашей с моей стороны окончательно разорвал, но святыня ваша: вы союз искренней вашей, как пишите, ко мне любви с вашей стороны совершенно разорвали с того времени, когда добровольно данный вами пред Богом обет советоваться со мной совсем попрали и отринули от души вашей, — и даже до нынешнего дня.

Любовь мою духовную, которую я к вам имел по Богу, когда вы еще пребывали в Цыбуканах, ту же самую имею по благодати Божией и ныне, но только в действии своем она изменилась. Тогда я вас любил как истинного раба Божия и последователя душеспасительных Его заповедей, и радовался душой, и прославлял Бога за ваше духовное преуспеяние во всех благих делах. Ныне же, после отвержения вами данного пред Богом вашего обета, я из глубины души моей вздыхаю о вашем душевном состоянии, и плачу сердцем, и рыдаю, и всеусердно молю милосердного Бога, дабы Он, хотящий, чтобы все спаслись и получили познание истины (см. 1Тим. 2:4), благодатью Своей коснулся души вашей, и подал ей во всем всесовершенное исправление, и возвратил всемогущей Своей силой в первое, и более того — в несравненно лучшее состояние и духовное во всех благих делах преуспеяние.

Вот, отец святой, по совести моей известил я твою святыню, что ту же самую по Бозе любовь всегда к вам имею, но только в действии своем, как сказал, изменен-

ную. Поэтому молю святыню твою: никогда не имейте ни малейшего сомнения в любви моей к вам, но твердо веруйте, что одну и ту же любовь к вам по Бозе всегда имею. Но поскольку святыня ваша явным знаком моего с вами примирения и любви считает пересылку книг отеческих вам для переписывания, то, следовательно, отказ присылать вам эти книги будет, по мнению вашему, знаком моей с вами вражды и нелюбви к вам. Поэтому посчитал я необходимым и об этом подробно возвестить святыне вашей, чтобы при содействии Божией благодати исчезло такое неподобающее мнение обо мне из души вашей. Ведь не из-за того, что я не примирился с вами и не имею любви к вам, как вам представляется, я до сих пор не прислал вам книг отеческих по прошению вашему для переписывания. Но потому не прислал, что труд мой как в исправлении, так и в переводе книг отеческих хотя воистину и многострадален, и велик, и многомогущую телесную и душевную силу мою несравненно превосходит, но еще хром и несовершенен, по благословной причине, о которой сказано будет ниже. Ради большей убедительности должен я святыне твоей подробно рассказать, по какой причине и с какими мыслями и намерением это дело мной было начато, — чтобы из двух сбылось одно: или святыня твоя, из моего рассказа совершенно уразумев это дело, перестанет меня этим более беспокоить, или хотя бы сейчас согласится с моим советом о книгах отеческих ради общей пользы монашествующих. Но начну с самого начала.

Когда я еще пребывал на Святой Горе Афонской с малым числом братьев, то, зная достоверно из учения и заповедей богоносных отцов наших, что имеющему под своим руководством братьев не подобает наставлять и учить их по своему разуму и рассуждению, но

следует наставлять по истинному и правому разуму Божественного Писания, как учат божественные отцы, учителя вселенские, а также учителя и наставники монашеского жития, просветившиеся благодатью Пресвятого Духа; зная также и свое малоумие, и боясь, и трепеща, как бы из-за своей неопытности я и сам не упал, как слепец, в яму погибели, по слову Господа (см. Лк. 6:39), и следующих за мной в нее не ввергнул, я потому и положил непоколебимое основание истинного, непрелестного и не уводящего от истинного пути Божия наставления и для моей бедной души, и для святой братии — Божественное Писание Ветхого и Нового Заветов и истинное его по благодати Пресвятого Духа толкование, то есть учение богоносных отцов наших, вселенских учителей, и святых отцов, учителей и наставников монашеского жития, а также постановления святых Соборов и все апостольские, соборные и свято-отеческие правила, которые содержит Святая Соборная и Апостольская Восточная Церковь, все ее заповеди и уставы. Всё это, как сказал, я предложил в наставление себе и братии святой, чтобы как я, так и живущая со мной братия, наставляясь от этого при содействии вразумляющей Божией благодати, не погрешили против истинного и соборного разума Святой Православной Церкви.

И прежде всего начал я прилежно, с Божией помощью, с немалым трудом и расходами приобретать книги отеческие, учащие о послушании и трезвении, внимании и молитве: то сам своей рукой их переписывал, а то и покупал на деньги, которые мы трудом наших рук на необходимые нужды наши зарабатывали. Много раз соглашаясь претерпевать скудость в пище и одежде, мы покупали на эти деньги упомянутые книги на славянском языке и почитали их за небесное сокровище,

туне нам от Бога дарованное. Читая их несколько лет с прилежанием, в весьма многих местах я находил в них невразумительные неясности, а в премногих местах не обретал отнюдь и самого грамматического смысла; и хотя многократно читал с неизреченным трудом и пытливостью, но и таким образом не обретал названного смысла. Один Бог знает, какой печали душа моя исполнялась, и, недоумевая, что делать, подумал я, что славянские отеческие книги можно хотя бы немного исправить по другим славянским книгам.

И начал я с четырех книг своей рукой переписывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, святого Филофея Синаита и святого Феодора Едесского, чтобы, сравнив между собой по крайней мере четыре, сподобиться мне увидеть грамматический смысл. Но весь этот мой труд был напрасен, потому что и в тех четырех книгах при их сопоставлении я не сподобился увидеть оного совершенного смысла.

Когда же я так многократно пострадал, тогда познал, что всеу тружусь в мнимом исправлении славянских книг по славянским, и начал прилежно исследовать, откуда в книгах славянских такая невразумительная неясность и недостаток грамматического смысла. И постижением немощного ума своего нашел, что тому есть две причины: первая — неискусность древних переводчиков книг с эллиногреческого на славянский язык, вторая — неискусность и нерадение неискусных переписчиков. И тогда я уже совершенно отчаялся увидеть в славянских отеческих книгах правый и истинный смысл, какой содержится в тех же эллиногреческих книгах.

После многолетнего моего пребывания на Святой Горе, когда я отчасти научился говорить на греческом языке, появилось у меня всеприлежное намерение с

болезнью сердца искать эллиногреческие отеческие книги в надежде исправить по ним славянские, и, поискав во многих местах и не один раз, я не мог найти. Затем пошел я в Великий лаврский скит святой Анны, и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия, и в прочие лавры и монастыри и, всюду спрашивая именитых лиц, опытных и престарелых духовников и честных иноков о книгах отеческих по именам их авторов, нигде не сподобился найти таковых, но от всех получал такой единогласный ответ: «Мы даже до сего дня не только таких книг не знаем, но и имен этих святых не слышали». Получив такой ответ, Бог знает, в какое недоумение я впал, рассуждая, что в этом святом и для тихого и безмолвного пребывания иноков Богом избранном месте, где жили многие великие и совершенные святые, не сподобился я не только обрести многожеланные мне святые книги, но даже и имен тех святых от кого-либо услышать. И потому впал я в немалую об этом печаль, однако всю мою надежду на обретение таких книг возложил на Бога и молил Его неизреченное милосердие, чтобы «имиже вестъ судьбами», как Всесильный и Всемогущий, сподобил меня обрести такие книги. Бог же Премилосердный, не презрев мое усердное желание приобрести книги отеческие на эллиногреческом языке, сподобил меня по Своему неизреченному Промыслу найти такие книги и некоторую часть из них приобрести следующим образом.

Однажды я шел с двумя братьями из святой Великой Лавры святого Афанасия Афонского в Великий лаврский скит святой Анны, и мы пришли к превысокому холму святого пророка Илии, который по высоте равен третьей части великого превысочайшего святого Афона и под которым на превысоком месте со стороны моря находится скит святого Василия Великого, соз-

данный в недавние времена иноками, пришедшими из Кесарии Каппадокийской, на пресуровейшем месте, не имеющем ни потока, ни источника текущей воды, отчего тот скит ни виноградников, ни оливковых деревьев, ни смоков, ни садов, ни иного какого-либо утешения этого мира не имеет, но одной дождевой водой удовлетворяет необходимую нужду братии. И появилось у нас желание в скит тот пойти, отчасти ради поклонения, отчасти же ради того, чтобы увидеть место, в котором до того времени мы еще не бывали.

Когда же мы пришли в тот скит и сели близ святой церкви, увидел нас один благоговейный инок, который и открыл нам, а после того как мы поклонились святым иконам в той церкви и вышли из нее, позвал нас с любовью в свою келию и вышел приготовить для нас пищу, чтобы доставить нам покой от труда пути. Взглянув на столик у окна, я увидел лежащую на нем открытую книгу, с которой он списывал другую, ибо ремеслом он был краснописец. И когда я заглянул в нее, увидел, что это была книга святого Петра Дамаскина; увидев ее, какой пренеизреченной радости духовной я преисполнился, высказать не могу, ибо показалось мне, что сподобился я увидеть на земле небесное сокровище. Когда же он возвратился в келию, я начал его расспрашивать с великой радостью и невыразимым удивлением, откуда такая книга сверх ожидания моего у святыни его оказалась? Он сказал мне, что есть у него еще и другая книга этого же святого, имеющая двадцать четыре слова по буквам алфавита. Когда же я спрашивал его, есть ли у них и прочие такие книги, он отвечал, что есть следующие: святого Антония Великого, святого Григория Синаита (но не вся), святого Филофея, святого Исихия, святого Диадокха, святого Фалассия, святого Симеона Нового Богослова «Слово о молитве», святого Никифо-

ра-монаха «Слово о молитве», книга святого Исаии и прочие такие книги, святого же Никиты Стифата только двадцать две главы, а целой книги, сказал он, у них нет, разве только в библиотеках больших монастырей она имеется. Когда же я спросил его о том, почему я, столь многое время с болезнью сердца искавший такие книги, не нашел их и, прилежно спрашивая многих честных лиц, даже слышать о них не сподобился, он отвечал мне: «Причина этого, по мнению моему, состоит в том, что книги эти написаны самым чистым эллино-греческим языком, который ныне, кроме ученых лиц, едва ли кто из греков хотя бы немного понимает, многие же и совсем не знают, а потому и книги эти пришли во всеовершенство почти забвение, из-за чего не сподобился ты, спрашивая о таких книгах, даже и слышать о них. Живущие же в этом скиту иноки, еще когда пребывали в стране своей, Кесарии Каппадокийской, немало о таких книгах слышали, а после того как пришли на Святую Гору, благодаря многому труду, по долгом времени и с немалыми издержками, зарабатывая своим рукоделием, за плату научились у знающих лиц не только простому, но и самому эллиногреческому языку и, найдя с Божией помощью в некоторых обителях такие книги, их переписывают, читают, получают пользу и на делание, которому учат эти книги, по силе своей себя понуждают».

Услышав это и чрезвычайно возрадовавшись радостью неизреченной об обретении такого на земле небесного сокровища, я начал прилежно молить этого краснописца, чтобы он переписал и мне любви ради Божией такие книги, обещая ему дать какую ни захочет цену за труд его. Он же, поскольку имел много работы по переписыванию, отказался и повел меня к другому краснописцу, который пребывал в том же скиту и

которого я также с великим усердием о переписывании книг отеческих молил, обещая ему за труд дать тройную цену. Но он, видя немалое мое желание приобрести такие книги, любви ради Божией тройной цены не захотел и, несмотря на то что и сам имел много работы по переписыванию, обещал мне за обычную цену, сколько сможет и сколько сил Бог подаст его руке, переписать некоторую часть этих книг. Итак, за два с небольшим года до выхода нашего со Святой Горы краснописец тот начал переписывать, сколько сил Бог подал его руке, и часть некую многожеланных мне книг переписал. Получив их со всей радостью, как дар Божий, с небес посланный нам, мы вышли со Святой Горы Афонской, чтобы в здешних странах иметь большее удобство в попечении о необходимых нуждах собора нашего.

Когда же мы вселились в святую обитель Драгомирскую, начал я всеприлежно размышлять и заботиться о том, каким бы образом я смог или исправить отеческие славянские книги, или даже начать новый перевод их с эллиногреческих, и начал это дело следующим образом. Взял я себе за руководство переводные книги отеческие на молдавском языке, которые перевели с эллиногреческих, переписанных для меня на Святой Горе, на свой природный молдовлахийский язык возлюбленные братья наши, иеромонахи Макарий и Иларион-даскал, искусные в переводе книг и ученые мужи. Часть из них брат Макарий перевел еще на Святой Горе Афонской, а часть — в Драгомирне, также и честной даскал отец Иларион часть некоторую из них перевел в соборе нашем. Посчитав, что их перевод, без всякого сомнения, во всем верен, начал я имеющиеся у меня книги, в древности переведенные на славянский язык с эллиногреческого, исправлять, а иные и вновь переводить, прилежно взирая и на те эллиногреческие

книги, которые были переписаны для меня на Святой Горе. И перевел вновь книги следующих святых: святого Антония Великого, святого Иоанна Лествичника, святого Исихия, святого Филофея, святого Нила Синайского «О молитве», святого Исаии Отшельника главы о молитве и святого Фалассия. В древности же переведенные книги исправлял следующие: святого Диадوخа, святого Макария вторую книгу, святого Исаака, святого Григория Синаита, святого Симеона Нового Богослова «Слово о молитве и внимании», святого Кассиана Римлянина «О восьми помыслах» и «Слово о рассуждении» и прочие.

В 1774 году пришел со Святой Горы к нам в Драгомирну, когда мы еще там пребывали, один монах-грек по имени Констанций. Он принес с собой эллиногреческую книгу, переписанную его собственной рукой и имеющую в себе множество сочинений отеческих. Обнаружились же в ней некоторые сочинения, которых на славянском языке я вплоть до того времени еще не видел и которые он по прилежному моему молению переписал нам своей рукой. Но поскольку он совсем не знал грамматического учения, потому из-за совершенной своей неискренности в орфографии он как в свою книгу, так и из своей в переписанное для нас привнес премногие и бесчисленные погрешности. И, воистину, нашли мы золото словес святых валяющимся в грязи неправописания, от которой даже из хорошо образованных лиц кто сможет без достоверных эллиногреческих подлинников его очистить? Из этих переписанных упомянутым Константином книг я вновь перевел следующие: святого Марка Постника, святого Феодора Едесского и святого Никиты Стифата «Триста глав». Эти книги более всех упомянутых не только для печати, но и для переписывания ныне в иной обители совершенно не-

пригодны, пока не будут исправлены по достоверным печатным или даже рукописным подлинникам.

Вот, как в зеркале я показал святыне твоей, каким был мой труд в исправлении отеческих славянских книг по эллиногреческим или в новом переводе последних на славянский язык. Ибо превыше силы моей был этот труд, но и еще он несовершенен по упомянутой благословной причине, по которой ныне не только для напечатания, но и для переписывания в иной обители эти книги совсем непригодны до совершенного исправления их по найдостоверным эллиногреческим подлинникам. Потому и святыне вашей прислать такие книги для переписывания или напечатания я не мог никоим образом, боясь насиловать мою христианскую и монашескую совесть и боясь вечного осуждения души моей в день Страшного Суда Божия за это дело, хромающее и несовершенное.

Святыня же ваша, если даже и донныне еще имеет хотя бы одну неугасшую искру истинной по заповеди Христовой любви ко мне, не должна мой отказ присылать вам эти книги считать знаком того, что я с вами не примирился, или враждую с вами, или будто бы позавидовал общей пользе хотящих спастись и получить пользу от таких книг, — да не попустит мне Христос Спаситель такого безумия! Иной причины отказа присылать вам такие книги, кроме упомянутой, по благодати Божией в душе моей не усматриваю. Потому молю святыню вашу: после того, как вы уразумеете мое столь ясное уверение относительно причин отказа присылать вам такие книги, всякое неподобающее мнение обо мне из-за этого дела в душе вашей истребите и более меня этим не беспокойте, ибо сколько не приложите к этому труда — он будет напрасным. Ведь пока книги эти не будут совершенно исправлены по истинным

эллиногреческим подлинникам, по моему душевному обету из собора нашего они не выйдут.

Святыня же ваша если воистину Божию, а не притворную ревность о приобретении душеспасительных этих книг в душе своей имеет, то ничем иным не может уверить в этом душу мою, как только тем, что примет здравый мой совет о многожеланном для вас приобретении таких книг. Если хотя бы ныне от всей души вашей слушаете его, я верю Господу и не сомневаюсь, что отнюдь не обманетесь в этом столь долговременном вашем желании, но с Божией помощью, без всякого сомнения, сподобитесь увидеть, как оно и на самом деле сбудется.

Преосвященнейший кир Макарий, бывший митрополит Коринфский, еще с юного возраста стяжал столь неизреченную, по Божию действию, любовь к книгам отеческим, учащим трезвению, вниманию ума, безмолвию и молитве умной, то есть умом в сердце совершаемой, что всю жизнь свою посвятил всеприлежному их поиску и переписыванию, как трудолюбивому собственноручному (ибо он был преискусен в светских науках), так и дорогостоящему — руками краснописцев. Придя на Святую Афонскую Гору, он с неизреченным усердием и превеликим старанием во всех библиотеках великих святых обителей нашел много таких отеческих книг, каких у себя до того времени еще не имел. Сверх всего этого в библиотеке преславной и великой обители Ватопедской он нашел бесценное сокровище — книгу о соединении ума с Богом, собранную великими ревнителями в древние времена из поучений всех святых, и прочие книги о молитве, о которых мы до тех пор еще не слышали. При помощи многих преискусных краснописцев, с немалыми расходами переписав эти книги через несколько лет, он сам всеприлежно

сравнил их с подлинниками, предостовверно исправил, а жития всех святых авторов этих книг поместил в начале их сочинений, после чего вышел со Святой Горы Афонской с неизреченной радостью, словно нашел на земле небесное сокровище. Придя в преславный Асийский город Смирну, он послал в Венецию с немалой суммой, собранной от милостыни христолюбцев, тридцать шесть отеческих книг, в числе каковых была и книга святого Каллиста Второго, о которой свидетельствует святой Симеон Солунский, а сверх этого числа и великий «Патерик» Скита Египетского, для издания их печатным тиснением. Он имеет намерение через непродолжительное время передать в печать и большую книгу святого Симеона Нового Богослова, для этого совсем готовую. И по некотором времени, как меня обо всем этом недавно письменно известило одно лицо, с Божией помощью упомянутые книги из печати выйдут в свет.

Этот воистину блаженный митрополит кир Макарий с давних лет имел желание напечатать такие книги с тем намерением, чтобы не пришли эти святые книги во всеконечное забвение и не были истреблены с лица земли, что чуть было уже и не произошло. Ибо сам он на деле познал, какой труд подъял, и едва ли не всю жизнь свою потратил на поиск тех книг, и, после того как с неизреченным старанием повсюду, а особенно на Святой Горе Афонской всеприлежно и всеми способами искал, едва-едва обрел такое духовное сокровище, погребенное, как в земле, в долговременном забвении и крайнем неведении, — сокровище, более всего, и даже более самого дыхания, дерзаю сказать, необходимое подвижникам монашеского чина для наставления их на мысленную брань с невидимыми духами, необходимое и для того, чтобы ревнители смогли приобретать

эти печатные книги с бóльшим удобством и меньшими расходами, чем рукописные.

Это всё я заранее возвестил святыне твоей, понемногу приступая к тому, чтобы преподать вам мой совет, каким образом смогли бы и святыня ваша с братией, и мы с собором нашим сподобиться приобрести истинные, без всяких погрешностей славянские отеческие книги. Знает святыня ваша, что по Божию неизреченному милосердию в последние времена Православная наша Всероссийская Церковь сподобилась принять от Православной Греческой Церкви веру святую православную и Святое Крещение. С верой же святой приняла она и Божественное Писание, и все святыне церковные книги, и книги святых учителей, и отеческие в переводе с эллиногреческих, которые суть источники славянских книг, ибо от них славянские получили начало. Со временем Божественное Писание и все церковные книги по Божией благодати были исправлены по эллиногреческим текстам, как по своим источникам, отеческие же остались в древнем своем переводе и до сих пор не исправлены по своим эллиногреческим источникам, к тому же по вине неискусных переписчиков приобрели и тьмочисленные погрешности. Поэтому нужда есть необходимая, чтобы и эти книги по своим же источникам исправлены были.

Потому, отец, как я часто повторяю, если вы имеете в душе своей воистину истинную, а не притворную ревность Божию о приобретении таких книг, то послушайтесь в этом моего здравого совета, и такое послушание ваше будет истинным знаком искренней вашей ко мне любви и истинного, а не притворного желания приобрести отеческие книги. Молю вас, отец святой, Господа ради и советую вам: от всего сердца вашего и от всей души постарайтесь приобрести упомянутые

источники, то есть эллиногреческие отеческие книги, ибо есть несомненная на Бога надежда, что и славянские отеческие книги, в древности с них переведенные, будут вседостоверно по ним исправлены, а иные и вновь переведены. И не щадите для приобретения этих книг не только тленного и ничтожного, маловременного и преходящего имущества, но и самой души своей. И если Бог пожелает, и мы живы будем, и время мирное будет, то в следующем году весной, избрав из собора вашего заслуживающего наибольшего доверия брата и дав ему, откуда Промысел Божий подаст вам, не менее тысячи левов, присылайте его ко мне. А я, также избрав из собора нашего подобного ему брата, немного знающего греческий язык, пошлю его на полном вашем иждивении с братом вашим на Святую Гору, куда книги те после выхода из печати скорее привезены будут для продажи. Без всякого труда, легко купив там таких книг не меньше двух собраний или, если пожелаете, и больше, братья с Божией помощью к нам возвратятся. Оставив у нас одно собрание в знак истинной вашей по Бозе ко мне любви и ради вечной о вас памяти и вашего спасения, с другим собранием к вам всерадостно возвратятся.

Вы же, получив такие святыя книги, отвезете их сами к тем богоизбранным и богодухновенным лицам, о которых мне возвещаете, что они горят Божией неизреченной любовью к таким книгам и невыразимую и превеликую имеют ревность издать их в свет печатным тиснением. Всерадостно приняв из рук ваших эти многожеланные книги, они, действием Духа Святого побуждаемые, повелят учителям, всё светское обучение эллиногреческому языку в совершенстве прошедшим и самого богословия не перстом коснувшимся, перевести их на самый чистый славянский язык, на который

Божественное Писание и все церковные книги были переведены, а переведенные в древности — истинно и предостовверно по ним исправить. После нового перевода тех книг или после истинного и предостовверного исправления переведенных в древности, они исполняют душеспасительное свое желание, если позаботятся благословением своим и иждивением напечатать их ради общей пользы монашествующих (ибо монахам наиболее прилично изучение отеческих книг), чтобы все монахи, а в особенности те из них, которые суть истинные по внутреннему человеку подвижники, не только из православного отечества нашего, но и из всех православных славянского языка народов: сербов, болгар и прочих, — от чтения их сподобились получать пользу. Тогда не только исполнилось бы столь долговременное и превожделенное желание святыни вашей приобрести такие книги, поскольку вы сподобились бы уже иметь их у себя, но и мы сами, если бы сподобились их получить, то имеющиеся у нас положили бы на доброе сохранение, а от чтения тех книг, как предостовверных, получали бы пользу, прославляя Бога.

Этот мой совет приобрести такие книги в том случае будет действителен, если окажется всеистинной та вестъ (которая и представляется мне достоверной), что упомянутые книги уже точно посланы в Венецию для напечатания. Тогда-то на означенную сумму, при всех расходах в оба конца пути, можно будет купить два собрания таких книг. Если же, чего Бог да не попустит, новость эта не окажется истинной, возникнет нужда книги эти переписывать на Святой Горе, что на упомянутую сумму сделать совершенно невозможно, но потребуются денег несравненно больше. Потому что необходимо будет подать святогорскому собору Карейскому, то есть всем святым святогорским монастырям,

не меньше тысячи левов милостыни, чтобы все к этому делу отнеслись доброжелательно и руку помощи подали. Ведь всему миру известно, что все святые места, а вместе с ними и Святая Гора, содержатся более всего на милостыню христолюбцев, особенно же в эти бедственные времена, и без милостыни столь превеликое дело начинать стыдно и неприлично, да и невозможно. Также особо и обителям святым, трем или четверем, в которых такие книги находятся, нужно хотя бы по пятьсот левов дать милостыни, чтобы начальствующие в них со всякой радостью согласились, открыв свои библиотеки, выдать из них такие книги для переписывания. Также подобает постараться дать и переписчикам не только обычную, но и несравненно большую плату за переписывание, чтобы они со всякой радостью и всеприлежным усердием стремились переписывать те книги правильно, без каких-либо погрешностей, а после переписывания сверяли их с подлинниками и исправляли верно. Переписать же непременно подобает два собрания таких книг, чтобы одно у нас осталось, другое же было отнесено к вам. Только на само это переписывание должно потратить денег не меньше двух тысяч левов. На пропитание же на Святой Горе братьев, посланных для переписывания книг, в течение одного года или даже двух лет, а также и на расходы в оба конца пути потребуется около пятисот левов.

Итак, отец святой, если возникнет необходимая нужда переписывать упомянутые книги, благодаря которым души желающих спастись надеются обрести вечную пользу, то святыне вашей, как имеющей ревность Божию об этом, не подобает ли и столь большое количество денег со всем усердием потратить на приобретение такого бесценного духовного сокровища? И не только это, но, если возникнет нужда, не подобает ли

и душу свою положить за приобретение тех книг ради пользы ближнего? Воистину подобает. И если вы понесли столько расходов на создание каменной странноприимницы с железной кровлей, то не подобает ли понести несравненно большие расходы на приобретение упомянутых книг ради вечной пользы своей и ближнего? Но поскольку ту весть о печатании упомянутых книг не считаю неистинной, но всеистинной, постольку и святыня ваша избавится от столь великих расходов на их переписывание, но следует употребить только меньшую названную сумму на их покупку, как я подробно об этом написал.

Если же и это никоим образом, хотя бы и от всей души вы захотели, святыне вашей невозможно будет сделать (или по крайней и последней, совершенной монашеской, христоподражательной вашей нищете, или и по иным некоторым благословным причинам, или по бедственности времени), то не осудит вас Господь, ибо вы имели произволение со всем усердием это сотворить, но не смогли. И если это случится, то со всем усердием молю вас не презреть Господа ради хотя бы этот, уже последний мой совет: весть о том, что посланы в Венецию для напечатания отеческие книги на эллино-греческом языке, передайте тем лицам, о которых мне сообщаете. Они же, как мужи богодухновенные и имеющие неизреченную ревность Божию к таким книгам, после выхода их из печати могут преудобно их получить, как лица, обладающие большой властью, а после всеистиннейшего на славянский язык перевода переведенные книги издать. И тогда уже и святыня ваша, от упомянутых расходов избавившись, сможет с Божией помощью приобрести те книги с бóльшим удобством, и так на самом деле исполнится ваше превожделенное желание приобрести их.

Молю же святыню вашу: ответное мое письмо к Его Преосвященству, если Бог подаст вам силы, отвезите сами. В нем написано о причине отказа присылать святыне вашей книги, об упомянутой вести относительно отправки тех книг для напечатания и прошение к Его Преосвященству, да соблаговолит он увещевать святыню твою послушать моего совета, написанного вам, — и ничего другого. Потому не сомневайтесь, сами отвезите это письмо и передайте Его Преосвященству, к чьим святым стопам мысленно припав, всемирнейше со всем моим собором кланяюсь и лобызаю святую и благословляющую его десницу.

Извещаю духовно святыню вашу, что из-за печатного издания книг отеческих как на эллиногреческом, так и на славянском языках меня охватывает и радость, и страх. Радость, так как уже не будут преданы всеконечному забвению эти книги и ревнители смогут с большим удобством приобретать их; страх же, поскольку боюсь и трепещу, чтобы, когда они не только инокам, но и всем вообще православным христианам будут предложены как продаваемая вещь, подобно прочим книгам, последствием этого не стала прелесть тех, которые самочинно, без наставления опытных, научатся по ним деланию умной молитвы, а по причине прелести — хула суетоумных на это святое и пренепорочное, премногими и великими святыми отцами засвидетельствованное дело. Что и на самом деле в дни наши случилось.

Один монах, философ суетоумный, пребывающий в Мошенских горах, увидев, что некоторые ревнители, впрочем не по разуму, этой молитвы впали в прелесть из-за их самочиния и от невежественных наставлений неискусных наставников этой молитвы, и не возложив вины на самочиние и неискусное наставление, по дей-

ствию дьявольскому столь сильно вооружился хулой на эту святую молитву, что и древних треклятых еретиков, Варлаама и Акиндина, хуливших эту молитву, несравненно превзошел. Ибо он, ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, столь страшные, срамные и скверные хулы устремил на эту святую молитву, на ревнителей и делателей ее, что и для слуха человека целомудренного они нестерпимы. Кроме того, на ревнителей этой молитвы он воздвиг столь великое гонение, что иные, оставив все, в страну эту прибежали и живут в ней в пустынных местах богоугодно. Иные же, будучи скудоумными, от его развращенных словес в такое безумие пришли, что и некоторые свои отеческие книги, как мы слышали, в реке Тясмин потопили, привязав к ним кирпичи. И столь великую силу обрели его хулы, что некоторые под угрозой лишиться благословения запретили читать отеческие книги. Когда же, не довольствуясь устной хулой, он умыслил ее записать, тогда по Божию наказанию ослеп на оба глаза, и такое его богоборное намерение было пресечено.

Как выше сказал, я того боюсь и трепещу, как бы не впали самочинники в прелесть, а за прелестью не последовала бы хула, за хулой же — сомнение в учении богоносных отцов наших, в котором отцы, после того как сами молитве этой по благодати Пресвятого Духа деланием и опытом научились, богомудро учат ей и подвижников, усердствующих со всяким смиренномудрием понуждать себя к ее деланию.

Книги отеческие, в особенности те, которые учат истинному послушанию, трезвению ума и безмолвию, вниманию и молитве умной, то есть умом в сердце совершаемой, приличны одному лишь монашескому чину, а не вообще всем православным христианам. Поэтому богоносные отцы, молитве этой учащие, началом

ее и основанием непоколебимым называют истинное послушание, от которого рождается истинное смирение, смирение же хранит подвижащегося в молитве от всякой прелести, возникающей у самочинников. И как возможно будет мирским людям по самочинию, за которым последует прелесть, к столь страшному и ужасному делу, то есть к такой молитве, без всякого наставления понуждать себя и избежать при этом многообразных и многоразличных обольщений вражеских, на молитву эту и подвижников ее прехитростно наводимых? Ибо столь страшно это дело, то есть молитва умная, что и истинные послушники, которые волю свою и рассуждение перед отцами своими, истинными и преискусными наставниками делания этой молитвы, не только отсекли, но и совершенно умертвили, всегда пребывают в страхе и трепете, боясь и трепеща, как бы не подвергнуться в молитве этой некой прелести, хотя они всегда хранимы Богом от нее за истинное свое смирение, которое по благодати Божией стяжали истинным своим послушанием.

Молитва эта святыми называется художеством из художеств, и кто может без художника, то есть без искусного наставника, ей научиться? Молитва эта есть меч духовный, на заклятие врага Богом нам дарованный, но для неискусно действующего им есть опасность — да не обратит его на заклятие самого себя. Под молитвой же этой имею в виду не просто умную, то есть не просто умом и устами совершаемую, — ибо такая молитва приличествует всякому христианину, желающему спастись, — но художно умом в сердце совершаемую и невидимо язвящую врага Божественным именем. Молитва эта, а вернее — делание сердечное, как солнце сияла только среди монахов, особенно в странах Египетских, также и в странах Иерусалимских,

на горах Синайской и Нитрийской, в Палестине и в иных многих местах. И если она где-либо и совершалась и сияла среди монахов, то и там делание молитвы этой хранилось как тайна великая и неизреченная, одному только Богу и делателям ее ведомая; мирскому же народу делание этой молитвы было совсем неведомо. Ныне же, благодаря напечатанию отеческих книг, не только монахам, но и всему христианскому народу о ней станет известно.

И потому, как я сказал, боюсь и трепещу, чтобы по упомянутой причине, то есть из-за самочинного, без наставника, начинания этой молитвы, не впали такие самочинники в некую прелесть, от которой Христос Спаситель да избавит Своей благодатью всех желающих спастись.

Обо всем этом святыню вашу как бы ради предостережения духовно известив, остаюсь во всех заповедях Божиих совершенного вам преуспeyания желатель. *Бог же любви и мира да будет с вами* (см. 2Кор. 13:11). Аминь.

Житие
молдавского старца
Паисия
Величковского

Предисловие

Побуждением к составлению жизнеописания старца Паисия было, прежде всего, его собственное желание. В собственноручной его повести написано следующее: «Коль желательно будет чадам моим духовным, истинную ко мне по Бозе любовь стяжавшим, поне частно услышавшим о моем рождении и воспитании и из мира изшествии, и в монашестве образе пребывания». К этим словам старца жизнеописатель присовокупил: явно ради того, чтобы подражать ревности твоей и богоугодным подвигам, в особенности же глубокому твоему смиренномудрию. А вместе это будет на общую пользу и всем ревнителям благочестия христианам.

Но не тотчас после кончины старца Паисия приступлено было к составлению его жизнеописания. Более двадцати лет после того прошло в молчании, если не сказать — в небрежении. Наконец согрел Господь сердца старейших и преданнейших учеников блаженного старца, дабы непременно написать житие его. И поручили это дело одному из старейших учеников старца Паисия, схимонаху Митрофану, который, собрав о нем сведения, написал жизнь старца на славянском языке, но по старости и слабости сил, в особенности же по слабости зрения исправить не мог.

По кончине о. Митрофана, схимник Иоанн, видя жизнеописание старца, составленное Митрофаном, не-

исправленным, сам, по совету других духовных отцов, поревновал вновь составить его жизнеописание и составил обширнее прежнего на молдавском языке. Но только эти два жизнеописания были несходны между собою и сходились только в главнейших частях. Кроме того читателям не нравилось составленное о. Иоанном жизнеописание за его длинноту. И потому братия монастыря Нямца упростили жившего в то время в Нямецком монастыре иеродиакона Григория (бывшего впоследствии митрополитом г. Букурешта и всей Валахии) составить краткое жизнеописание старца Паисия, — что он и исполнил. Труд иеродиакона Григория прочтен был Ясскому Митрополиту Вениамину и бывшему тогда князю, и с их дозволения напечатан в монастыре Нямце и разошелся во множестве экземпляров.

Впоследствии братия монастыря Нямца стали скорбеть о разногласии двух жизнеописаний старца Паисия; и потому, рассмотрев их тщательно и держась более составленного схимонахом Митрофаном жизнеописания, собрав в одно более важное и нужное, определили напечатать жизнеописание старца Паисия вторым изданием на славянском и молдавском языках.

Теперь это жизнеописание издается Оптиной Введенской Пустынью на русском языке с самыми незначительными изменениями.

I

От рождения до водворения старца Паисия на Афоне

Великий старец, схимонах, архимандрит Паисий в мире Петр Величковский, родился в Малороссии, в г. Полтаве, в 1722 году, от благочестивых родителей:

протоиерея соборной Успенской церкви Иоанна и матери Ирины Величковских. В четвертый год, по рождении Петра, родитель его скончался; и отрок остался на попечении своей матери и старшего родного брата Иоанна, который, по кончине отца, был на его месте тоже настоятелем соборной церкви, где прежде и дед, и прадед его священствовали.

Мать озаботилась обучить отрока грамоте. При помощи Божией, чрез два года с небольшим, он навыв читать Букварь, Часослов и Псалтирь. Выучился от старшего же своего брата и писать. С того времени он уже свободно стал читать книги и отчасти понимать. С великим прилежанием прочитывал он книги Божественнаго Писания Ветхого и в особенности Новаго Заветов, Жития святых, поучения преподобных отцов Ефрема и Дорофея, св. Иоанна Златоуста и прочие. От чтения таковых книг, и преимущественно житий преподобных отцов наших, в монашеском чине просиявших, начала появляться и в душе отрока Петра ревность к оставлению мира и восприятию святаго монашеского, ангельского образа. Почему он и уединялся, и ненасытно занимался чтением. И так любил он молчание, что даже мать его редко слышала его говорящим; ибо он был кроток, весьма стыдлив и сдержан не только в отношении к людям посторонним, но и к своим. Таково было усердие к Богу в этом дивном еще десятилетнем отроке! Все видевшие и слышавшие о нем люди благоразумные удивлялись его добронравию, ревности и усердию, и прославляли Бога, говоря: Слава Тебе, Христе Боже, что возносишь избранного от людей Своих!

На тринадцатом году от роду Петр лишился старшего брата своего Иоанна, который преставился ко Господу, прослужив священником только пять лет. Вследствие сего нужда заставила мать отрока, захватив его с

собою, пойти в Киев к архипастырю Рафаилу и просить его о зачислении за сыном отцовского места в вышеупомянутой соборной церкви. Она снабжена была и просительным письмом ко владыке о сем деле со стороны крестного отца мальчика, полтавского полковника, и почтенных граждан. Это было в 1734 году. Когда же Петр, став пред святителем, толково и с подобающею почтительностью произнес приготовленные к сему случаю одним ученым мужем стихи, владыка обрадовался, благословил его, и сказал: «Быть тебе наследником (родительского места)». Выдал матери его грамоту и, повелев отдать отрока в Киевское училище, отпустил их с благословением. Возвратившись домой, мать немедленно отправила сына своего в Киев ради школьного обучения, где он проучился только четыре года. С горячим усердием упражнялся он в это время более в чтении духовных книг. От чего в нем более укреплялось непереносимое намерение быть монахом.

К тому еще у него были единомысленные друзья, также имевшие одинаковое желание монашества. По вечерам они собирались в потаенное и уединенное место и во всю ночь до утреннего звона рассуждали как бы им удобнее было осуществить свое намерение, и где бы можно было найти такое место, в котором, при помощи Божией, постригшись в иночество, они по истине могли бы проводить жизнь свою согласно с монашескими обетами. После многократных совещаний, при тщательном рассмотрении, они положили в душах своих твердое и непереносимое намерение: ради отречения от мира и пострижения монашеского не поступать в такие обители, где проводят жизнь в сладкопитании, в возможном телесном удовольствии, покое и славе. В подтверждение этого своего намерения они указывали на святые писания всех древних святых, проводивших

в нищете жизнь монашескую, и на св. Симеона Нового Богослова, который говорит так: «Имея в намерении удалиться от мира, смотри — не вдавай души своей в плотския утешения», и проч. Ибо если нам, говорили они, принять постриг в таких обителях, то неудобно будет, по обету монашескому, подражать нищете Христовой и проводить жизнь воздержную т. е. в скудости нужных потребностей и во всяком телесном злострадании, ради душевного спасения. Но по причине еще нашей немощи и удобопреклонного произволения и нетвёрдого неустановившегося душевного усердия, а более от суеты и общения с другими, нам поневоле придется уклониться от тесного пути, вводящего в жизнь вечную, и зайти в широкий, который, по слову Господню, ведет в погибель. В таком случае они думали, что уж лучше оставаться в миру, нежели, отрекшись мира и всего мирского проводить жизнь во всяком покое и довольстве ради угождения плоти, на соблазн миру и поношение монашеского образа и на вечное осуждение душ своих в День Судный.

Кроме того, благоговейный отрок Петр, из Божественного Евангелия и святоотеческих писаний основательно дознал, что желающему монашествовать без послушания, смирения, беспристрастия (к вещам) и терпения, без верности и любви и совершенного отсечения своей воли и своего рассуждения, и вообще сказать — без тщательного исполнения всех Христовых заповедей, одною православною верою спастись отнюдь невозможно. Потому он положил в душе своей пред Богом твердую решительность, ради исполнения заповедей Христовых, вместе с верою всячески понуждаться и на добрые дела. Как, например: не осуждать ближнего своего, хотя бы и своими очами увидел, что он грешит; ибо осуждающий ближнего своего сам себе присвоает

достоинство Божие; а есть ли что страшнее сего? Также отнюдь не иметь ненависти к ближнему; ибо, по свидетельству Св. Писания, *ненависть и злоба тяжелее всех грехов* (1Ин. 3:15). От всего сердца и от всей души прощать ближнему всякое оскорбление, в надежде отпущения и своих грехов; ибо кто не прощает ближнему своему проступков или какой-либо обиды, тот и сам не получит отпущения грехов своих от Отца Небесного. Этот, данный Богу, обет свой он во всю свою жизнь, при помощи благодати Божией, выполнял на самом деле.

Так пребывал отрок, упражняясь в чтении и сказанном поучении. В особенности же он скорбел и плакал, недоумевая — что делать. И вот он с сокрушенным сердцем и со многими и горькими слезами, бия в перси свои, начал припадать ко Христу Богу и молиться, дабы Он поставил его на путь спасения. В плаче же размышлял: что мне делать и куда идти? Ощувив в душе сильное рвение к странствованию, он немедленно, оставив училище, удалился из города Киева и как некий нищий и странник, в печали душевной скитался, взыскуя Отчества Небесного. Ибо еще в юности даровал ему Господь дарования разума, мудрости и смиренномудрия.

Оставил он и друзей своих, которые препятствовали его скорому отбытию, и пошел, по указанию Божию, во святой монастырь Любичский, который расположен близ города Любича над рекою Днепром. Когда же он пришел в обитель, один монах сказал ему: «Вот стоит наш игумен Никифор», и привел его к нему. Петр пал к ногам его и просил благословения. А игумен, по обычаю благословив пришедшего, начал расспрашивать: «Откуда ты, брат? Как твое имя? и за чем пришел в нашу обитель?» Юноша ответил: «Я с Киевской стороны, пришел в эту святую обитель на послушание, а имя мне Петр». Услышав это, игумен принял его с любовью, дал

ему келлию и назначил послушание келаря. Поклонившись в ноги игумену, пришлец принял от него благословение и стал с усердием исполнять свое послушание.

Пребывая в сей обители, Петр ощущал в душе своей великое утешение. Ибо видел, что преподобный игумен, как отец чадолюбивый, управлял братией с великою любовию и кротостию, смирением и долготерпением. И если бы случилось кому из братии, как человеку, в чем-либо провиниться: то когда виновный просил прощения, игумен тот час прощал его, исправляя такового духом кротости и поучая душеполезными наставлениями. Назначал ему и какое-либо покаянное правило по его силе, смотря на вину его. Потому и все братия пребывали в глубоком мире и любви к отцу своему и друг к другу.

Но вот спустя месяца три, по вступлении Петра в эту обитель, назначен был в нее иной игумен, муж ученый, Герман Загоровский. Прибыв в Любицкий монастырь, он стал управлять им не так, как вышеупомянутый блаженный игумен, с любовию, но властительски. Поняв его душевное устройство, братия пришли в большое смущение; так что некоторые от страха и разбрелись из обители незнамо куда.

Петр же продолжал нести послушание келаря, находясь в большом страхе и опасении как бы в чем не провиниться; однако и так не уберегся от искушения. Однажды призвал его игумен и приказал, чтобы к столу его подана была капуста. Не поняв приказания по причине его краткости и не посмев переспросить игумена, он передал приказание его поварам; а они что знали лучше, то и приготовили для него. Настоятель призвал Петра в свою келью, встал из за стола и сказал: «Такую-то пищу ты велел подать мне к столу?» Сказав это, он так крепко ударил юношу по щеке, что

тот едва мог удержаться на ногах; а за тем так сильно толкнул его, что он упал чрез порог его келлии. Когда же он встал, игумен крикнул на него: «Иди вон, бездельник!» В страхе и трепете вышел вон смиренный Петр, размышляя так: если за это разгневался он на меня бедного: то, если случится мне в чем-либо большем провиниться пред ним, чего не придется потерпеть? Кроме сего он услышал от духовнаго отца своего, что игумен грозил подвергнуть его еще более жестокому наказанию. Посему Петр задумал уйти за Днепр. И в ту же ночь тайно, со слезами помолившись Господу, он сошел к Днепру и при помощи Божией перешел на другую сторону реки по льду. Возблагодарив Бога с радостными слезами, он пошел вниз по Днепру в Украину к монастырям.

Дошедши до монастыря Святителя Христова Николая, именуемого Медведовским, который стоит на острове реки Тясмина, где настоятелем был всечестный иеромонах Никифор (иной от вышеупомянутого Никифора), Петр подошел к нему, поклонился в ноги, получил благословение и начал просить его, чтобы принял в обитель в послушание. Настоятель принял его с любовию, дал ему келью и послушание трудиться в трапезе и ходить на клирос. Когда же настал пост Успения Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, настоятель в праздник Преображения Господня постриг его в рясофор, переименовав из Петра Платоном. Тогда ему было от роду 19 лет. Пребывая в этой обители, он с усердием проходил послушание в трапезе. Всячески старался исполнять и правило церковное; днем сколько позволяло послушание, а ночью опущений у него никогда не было. По повелению настоятеля ходил и на клирос. Кроме того, по своему усердию, и повару много помогал.

Тихо и мирно подвизался Платон в означенной обители. Но вот попущением Божиим воздвигнуто было в Украине униатами гонение на православную веру, которые старались совращать православных к своему нечестию. Вследствие чего и в этой обители произошли большие смуты и озлобления. И когда жившие там монахи увидели, что уже более месяца церковь их была заперта и запечатана, то некоторые из них и начали расходиться, — кто куда захотел. С некоторыми из братий, пошедшими в Киев, пошел и Платон; ибо вследствие преследования от поляков (папистов) невозможно было тогда идти в Молдавию. Между тем случилось это по Божьему смотрению, дабы верный раб Господень узнал об обстоятельствах своей матери. Пришедший в Киево-Печерскую Лавру, Платон был принят там и определен при типографии, под ведением иеромонаха Макария, обучаться изображать иконы на меди. Когда же он пребывал в Лавре, пришла из Полтавы в Киев на поклонение святыни родственница его, жена покойного его брата протоиерея Иоанна. Увидевшись с ним, она начала рассказывать ему о матери его следующее.

«После того, как ты ушел из Киева, мать твоя предалась столь великой скорби, что неутешно плакала с горькими рыданиями. Затем, вследствие безмерной печали, она задумала ничего не есть, не пить, пока не умрет. И чрез несколько дней стала мешаться умом. Ощувив же некоторый страх и ужас, она начала читать Акафист Божией Матери. Потом, пришедши в умоиступление, она замолчала; а так — как бы чрез полчаса громко воскликнула: «Если такова воля Божия, то уже не буду скорбеть о сыне моем». Когда же она опомнилась, то рассказала пред духовным отцом и пред всеми вот что: «Когда я от долгого неядения и от печали со-

вершенно ослабела, и ожидала близкой смерти, — увидела множество весьма мрачных и страшных бесов, покушавшихся напасть на меня, от чего пришла я в великий страх и ужас. Тогда попросила у вас книгу и стала прилежно читать акафист Пресвятой Богородице беспрерывно весь день и ночь. Этим чтением я защищалась от бесов; ибо слыша, как я читала акафист, они были в страхе и трепете и отнюдь не могли приблизиться ко мне. Затем я пришла в изступление и, взглянув вверх, увидела отверстые небеса и пресветлого ангела Божия, как молнию, сшедшаго с неба. Он стал близ меня, и начал мне говорить так: «О, окаянная! что это ты сделала? вместо того, чтобы возлюбить от всей души и от всего твоего сердца Господа Бога, Создателя твоего, ты паче твоего Создателя возлюбила Его создание, сына своего; и по причине безразсудной и богопротивной любви своей задумала уморить себя голодом, и за это подвергнуться вечному осуждению. Знай же достоверно, что сын твой при помощи благодати Божией непременно будет монах. Должно и тебе, подражая своему сыну, отречься мира и всего, что в мире, и быть монахиней. Ибо такова воля Божия. Если же ты этой воле Божией будешь противиться: то свидетельствуюсь Христом Господом Богом и Создателем моим, что сей час же предам тебя ждущим схватить тебя бесам на поругание душе и телу твоему; дабы и другие родители чрез это научились не любить детей своих более Бога». Как только ангел Божий изрек мне это и подобное сему, я воскликнула: «Если такова воля Божия, то уже отселе не буду скорбеть о сыне моем». И тотчас бесы исчезли; ангел же Господний, радуясь, взлетел на небо. А духовник и родственники матери твоей, услышав это от нея, со страхом, а вместе и с радостью, прославляя Бога, разошлись по домам своим».

Ужаснулся Платон, услышав от своей родственницы, что уходом своим столь великую печаль причинил он душе матери своей. Впрочем, он утешался тем, что, повинаясь воле Божией, она решилась быть монахиней, — что и исполнилось. Вступивши в девичий монастырь, она была пострижена и переименована из Ирины Иулианией. Прожила в обители, подвизаясь в монашестве о спасении души своей, лет десять и более, и преставилась ко Господу.

Пребывая, как выше сказано было, в Киево-Печерской Лавре, о. Платон часто ходил во святые пещеры, и с горячею любовью и со слезами лобызал святые мощи, прося помощи от угодников Божиих и наставления на путь спасения. Ибо он горел желанием проводить пустынное, безмолвное и уединенное житительство с отцом духовным, который был бы сведущ во всех Божественных и отеческих писаниях, и понуждался и преуспевал бы в делании духовном, и был бы опытен в монашеском ратоборстве с бесами и страстями, пребывая в то же время в пустыни в нищете и скудости, и делая своими руками все для себя потребное. Прошло немного времени и, по Божию смотрению, пришлось ему обрести двух почтенных монахов, которые собирались идти в Валахию. Он стал просить их, чтобы они и его взяли с собою в путешествие. Так согласившись, они приготовились к странствию, и, помолившись Господу, отправились.

Миновав благополучно Украину и затем Молдавию, они чрез долгое время, при помощи Божией, достигли Валахии и пришли в скит святителя Христова, Николая Чудотворца, называемый Трейстены, начальник которого иеромонах Димитрий принял их с любовью и дал им приют. Старец же онаго скита иеросхимонах Михаил на этот раз был в отсутствии. Он отправился на время

по делам в один монастырь в Украину. Когда о. Платон пребывал в этом ските, исполняя общие с братьями послушания, прибыл туда для посещения братии из скита Мерлополяны общий всех там пребывающих учитель и наставник монашеского жития, преподобный старец схимонах Василий, о высокой жизни и разуме которого написал немного старец Паисий (в то время еще Платон) — что приводится здесь дословно: «Прежде он (схимонах Василий) по ревности Божией прожил немалое время в России и в Мошенских горах и в других пустынях с великими ревнителями монашеского жительства, а затем вместе с учеником своим, вышеупомянутым иеросхимонахом Михаилом, прибыл в Богохранимую Валахскую землю. Этот Богоугодный муж, в знании Божественного писания и учения Богоносных отцов, и в рассуждении духовном и всесовершенном ведении священных правил св. Восточной Церкви и их толкования весьма искусный, несравненно превосходил всех в его время бывших отцов. Слава о его учении и Богоугодном наставлении на путь спасения разносилась повсюду». Этот старец святой жизни, пробыв несколько дней в ските Трейстены, много преподавал братьям душеполезных наставлений. Слыша их, о. Платон радовался неизреченною радостью, и со слезами прославлял Бога, что сподобил его видеть такого мужа и слышать от него слова назидания. Старец же этот чрез начальника Дометия приглашал о. Платона к себе в сожитие. Но он (будучи предупрежден одним отцом) опасался, как бы его там не принудили и против воли принять сан священства, и так чрез начальника отвечал: «Я не намерен принимать такой высокий и страшный сан до самой смерти». Это и было причиною, что о. Платон не сподобился пожить в ските Мерлополяне с таким святым старцем, а оставался в ските Трей-

стены. Ибо и этот скит, как и скит Долгоуцы, находился под духовным окормлением старца Василия. И потому некоторые говорили, что о. Платон был несколько времени в послушании у старца Василия. Но хотя он и не жил с ним, однако сподобился быть его учеником, как о сем сказано будет ниже.

По отбытии старца Василия, в скором времени пришла радостная весть, что старец Михаил возвращается из Украины и уже приближается к обители. Услышав об этом, начальник и все братия исполнились радости, вышли ему навстречу и приняли от него благословение. И все были этим утешены.

О. Платону, проходившему общее послушание, начальник дал келью недалеко от скита над потоком, откуда не видно было церкви. Случилось однажды, что, пребывая в этой келье, он ночью спал и не слышал, как ударяли в било к утрени; а день был воскресный. Когда же он проснулся, тотчас прибежал к церкви; но услышав, что уже прочтено было Евангелие и начали петь канон, весьма опечалился, и по причине стыда и смущения не вошел в церковь, а возвратился в свою келью, скорбя и плача о таковом, случившемся с ним, искушении. И так он опечалился, и такой ощутил страх и стыд неизреченный, что совсем не мог придти и к Божественной Литургии; но отшед недалеко от кельи, сел на землю под деревом и горько плакал. Когда же после Литургии настал час обеда, старец, начальник и братия удивились тому, что не видели его ни на утрени, ни на Литургии. И сказал старец братиям: «Прошу вас, Господа ради, подождите немного обедать; узнаем сначала, что случилось с братом нашим Платоном». Сказав это, он послал одного брата, по имени Афанасий, переписчика отеческих книг, поискать его. Не без труда посланный нашел о. Платона, который сидел на

земле и горько плакал. Тот начал допытываться причины его плача; а он от стыда ничего не мог отвечать ему, но еще больше плакал и едва возмог, будучи весьма к тому убежден, открыть причину своей скорби. Утешая его духовно, Афанасий всячески упрашивал его не скорбеть чрезмерно о случившемся искушении, и немедленно идти в скит к святым отцам, которые, в ожидании его, еще не обедали. Он же едва возмог проговорить ему: «Как же, отче святой, могу я придти к святым отцам, и с каким лицом явлюсь я к ним, сотворив такой грех на вечное мое пред Богом и пред ними посрамление?» И просил Афанасия со слезами оставить его и не принуждать идти к отцам. Между тем Афанасий, не переставая, еще более просил его и увещевал не скорбеть и идти, и едва принудил его против воли идти с ним в скит. Тогда, вставши, пошел он с плачем и рыданием. Когда же пришел в скит и увидел старца со всеми братьями, сидящих пред трапезою, о, какой тогда еще более напал на него страх и стыд безмерный! Он упал пред ними на землю, горько плача и неутешно рыдая, и просил прощения. Ужаснулись все. И тотчас вставши, старец, начальник и братия подняли его от земли. Когда же все братия от приведшего его к ним монаха узнали причину его скорби и слез, удивились и, вздохнув каждый о себе, умолкли. Старец же, как отец чадолюбивый, начал утешать его своею духовною беседою. Он молил, просил и увещевал его не скорбеть чрезмерно о таком невольном с ним случае. Немного утешив его, все воздали Богу благодарение, что нашли его здоровым и душою и телом. Затем вошли в трапезу и начали вкушать пищу. Велели и ему сесть с ними и есть. Однако по причине объявших его тогда печали и стыда он ничего из пищи не мог вкусить; и только после вкусил немного. С того времени, во все свое тамошнее пребы-

вание, он уже не ложился спать по ночам, а спал, сидя на лавке.

Вышедши из трапезы, старец и другие с ним старейшие духовные отцы сели под садовыми деревьями, и, беседуя, прославляли Бога Дародателя, удивляясь такой в юном Божественной ревности. Когда же о. Платон был еще в трапезе, старец говорил всем присутствовавшим братьям и в особенности младшим: «Видите, братие, какую ревность по Боге и огненную печаль имеет брат сей. Да будет он всем вам в пример и подражание, чтобы вам с усердием вставать и ходить на церковное правило. Ибо он, и по причине неволью случившегося с ним опущения молитвы, настолько опечалился душою и так много болезновал и плакал, что и хлеба лишил себя, и не хотел видеть света солнечного, вследствие великой болезни сердечной и сокрушения. Молитесь и вы от всей души Христу Богу, понуждаясь к исполнению всех Его заповедей, да подаст Господь и вам всем такую же ревность и огненную печаль, по Боге разженную, о которой Божественный Исаак (Сирин) во многих местах и другие святые отцы повелевают молиться и просить себе у Бога». Сказав это, старец умолк. Братия же, поклонившись ему, разошлись каждый по своим кельям.

Пребывая, как сказано, в оном скиту в послушании, о. Платон с великим вниманием слушал духовные наставления, которыми поучал братию старец Михаил. Ибо и этот муж так преуспел в смиренномудрии, любви и разуме духовном, и такой получил от Бога дар откровения тайн, заключенных в святых Писаниях, что стал подобен своему старцу Василию. Ибо он возревновал самым делом подражать всем трудам и подвигам его. Потому и просиял подобными ему дарованиями Духа Святаго, разве мало не всеми. Часто и этот старец, поучая братию о многообразных душевных, весьма нуж-

ных обстоятельствах, говорил: «Подобает нам, братие, в сии бедственные времена, при совершенном оскудении истинных наставников монашеского духовного делания и разума, вседушно даже до смерти держаться учения и наставления святых и Богоносных отцов наших и верно следовать им и в словах и делах». А еще сей блаженный старец с воздыханием и слезами говорил братиям о тщательном и верном исполнении душе-спасительных Евангельских заповедей Христовых, также о хранении правил, преданий и учений апостолов и всех святых православных вселенских и поместных Соборов восточной Церкви и великих Богоносных отцов, а еще о неотложном соблюдении святых постов и других чиноположений церковных, преданных всем христианам от святых апостолов и великих Богоносных отцов. «Не будем увлекаться, — говорил он, — духом нынешних тяжких времен и слабостями людей, живущих в бесстрашии, но будем держаться преданий святых апостолов и святых отцов, бывших на соборах. Ибо св. Василий Великий говорит: все издревле преданное святыми и духовными отцами достойно почитания; вновь же привходящее весьма неуместно и бессильно». Все это видя и слыша, о. Платон радовался неизреченною радостью и со многими слезами благодарил Бога, что сподобил его слышать такие наставления из уст таких мужей — Василия и Михаила, и пользоваться ими.

По времени прибыл в сию обитель из скита, называемого Кыркул, всечестный старец, схимонах Онуфрий, посетил старца Михаила и братию. И после бывшей о Господе, по благословению старца Михаила, ко всей братии от отца Онуфрия духовной беседы, говорил сей старец о местоположении своего скита Кыркула, что оно весьма красиво, что там хорошая вода и здоровый воздух и множество различных плодов и овощей

и прочее нужное для монашеского жительства, и что там великая тишина и безмолвие. Эта речь старца возбудила в о. Платоне желание видеть это место. Потому, поблагодарив честнейшего старца Михаила за его отеческую любовь и наставление и получив от него благословение, пошел он с о. Онуфрием в предлежащий путь, который пролегал среди величайших лесов и по прекрасным долинам и чрез высокие горы. На третий день они при помощи Божией пришли в сказанный скит, начальник которого всечестный иеромонах Феодосий принял о. Платона с любовию. На другой же день после его прихода дал ему и келью пустынноическую. И стал о. Платон пребывать в келлии своей, радуясь и со слезами прославляя Бога, обучаясь истинному монашескому безмолвию, по словам св. Исаака, матери покаяния и молитвы. Для удовлетворения же необходимых потребностей он в начале получал помощь от начальника о. Феодосия.

Чин онаго скита установлен был по подобию скитов Святой Горы. Ибо только по воскресным и праздничным дням все братия сходились вместе на церковную молитву; и после Божественной Литургии для всех предлагалась общая трапеза. По трапезе же они беседовали между собою, подавая один другому духовные советы и укрепляя друг друга с воздыханием и слезами умоляли — мужественно и со благодарением претерпевать различные тяжкие душевные и телесные искушения и скорби и часто молиться, припадая со слезами ко Христу Богу. Так проводили они время до вечерни; а после вечерни все отшельники расходились по своим кельям. Так и о. Платон пребывал в келлии на безмолвии, занимаясь малым неким рукоделием — деланием ложек. Прилежно внимая молитве и чтению отеческих писаний, простираясь в любовь Божию и поминая грехи

свои и повседневные недостатки, внезапно находящую смерть, Страшный Божий Суд и уготованные бесам и не покающимся грешникам жестокие и вечные мучения, он горько плакал и рыдал повседневно, полагая начало исправления пред Богом; и со слезами исповедуя грехи свои, облегчал свою совесть и обретал мир и радость о Господе и некое утешение души. Также удерживая мысли свои от скитания и ум от худых помыслов, он пребывал до времени со смирением и надеждою на Христа Бога Спасителя своего.

Ходил о. Платон и к вышеупомянутому пустынножителю Онуфрию, который жил на высокой горе, расстоянием от скита как-бы на один час ходьбы. Келья его была на самой вершине горы, оттуда видны были на далеком расстоянии прекрасные пустынные места, горы, холмы и долины, — все покрытое великим лесом; а внизу под горою, где келья, источник воды беспрестанно текущей. Старец упражнялся в молитве, чтении, псалмопении и рукоделии. Беседами своими он подавал великое утешение и с усердием вопрошавшим его подробно говорил о страстях душевных и телесных, о страшной мысленной брани с бесами, об их засадах, нападениях и искушениях недомысленных. «И если бы, — говорил он, — не защищал людей Своих, по Своему человеколюбию, истинный Спаситель, и если бы не ратоборствовал за верных Своих Христос, то поистине не спасся бы ни один человек из святых, как ясно свидетельствует о сем Святейший Константинопольский Патриарх Каллист II. Также и еще говорил: «Но припадающему ко Христу Богу с верою и любовью, со смирением и слезами вскоре приходят душе неизреченные утешения, мир, радость о Господе и горячая любовь к Богу. Признаками же всего этого бывают обильно изливаемые от любви непрелестные слезы, самоукорение, и

ненасытное благодарение Христу Богу. В этот час весь человек от любви к Богу становится нечувствителен к миру сему. Кто достиг сего хотя отчасти, тот знает, что я говорю правду».

Все это блаженный Онуфрий ясно высказывал от всей души жаждающему назидания о. Платону. От этой святой его беседы слушатель так разгорался сердцем и как огнем пылал Божественною любовью, имея великую ревность к подвигам духовным, что, укрываясь где-нибудь, падал ниц на землю, бия в перси свои и с горькими слезами молясь Христу Богу, прося Его помощи. И это было началом исполнения его обетов, данных Богу в детстве. Однако он не мог предать себя в послушание оным Богодухновенными отцам, ибо они жили не в пустыни, а в скитах. А он боялся жить в скиту, дабы не принудили его, как сказано выше, и против воли его принять страшное иго священства.

Только три года и немного более пробыл блаженный Платон в Валахии, с целью обучиться Молдаво-Валахскому языку, в особенности же, чтобы, видя благоприятное время, собрать от оных святых отцов духовный мед, от уст их истекавший. Насладившись им до сытости, он сохранил его в клети своего сердца и молчанием до времени запечатлел, дабы возмог впоследствии улаживать им души имевших присоединиться к нему, и насыщать их и к добродетелям возбуждать. Ибо он узнал от оных отцов, — что есть истинное послушание, от которого рождается истинное смирение и совершается умерщвление своей воли и рассуждения и всего, что в мире сем. А это есть начало и конец нескончаемый истинного монашеского делания. И что есть видение, и умное истинное безмолвие, и внимание молитвы, умом в сердце совершаемой, не только уразумел он, но отчасти наслаждался и действием Божественной

силы ея, в сердце приснодвижущейся. Ибо не мог бы он претерпевать такую нищету и скорбь, и радоваться со благодарением во всяких искушениях и теснотах, и за все скорбное прославлять Бога, что сподобился неким образом быть подражателем своему Владыке Христу, ради нас обнищавшему, если бы сердце его от Божественной молитвы не было разжигается в любовь к Богу и ближнему. Любовь же Божия началась в нем еще в отрочестве от чтения книг, что было семенем Божественным, падшим, по слову Господню, на добрую землю, и впоследствии принесшим сторичные плоды Духа. Ибо там между оными скитскими подвижниками, посредством исполнения заповедей Божиих и упражнения в добродетелях нравственности, семя это, укрепляемое непрестанною умною молитвою, соделало в сердце его благоухание Христово; будучи же поливаемо многими слезами, при содействии Божиим, возросло и процвело. Так о. Платон, укрепляясь Божественною умною рачительностью, преуспевал в благодати Христовой, которая и наполнила душу его совершенною любовью к Богу и ближнему и неизреченною радостью о Господе, и разжигала ее ревностью, как сказано, к подвигам духовным, подобно оленю, бегущему к источникам вод.

II

Пребывание старца Паисия на св. Афонской горе

Пришло время, возжелал о. Платон видеть и св. Афонскую гору. Потому посетив всех святых отцов в своем скиту и в других скитах, и особо пребывающих, он со слезами просил у них прощения, молитв и благословения на путь, благодаря их за великую к нему милость,

любовь и духовное отеческое наставление. Святые же оные отцы Василий, Михаил и Онуфрий — каких слов, каких молений, каких советований не употребляли, не желая лишиться такого сподвижника! Ибо, беседуя между собою и удивляясь в нем благодати Божией и добронравию, они называли его юным старцем. Тогда блаженному было только 24 года от роду. Но не смогли удержать его, они помолились, благословили его и отпустили с миром, поручая его воле Божией. Вышедши от них, он начал искать себе спутника на святую Афонскую Гору. Между тем он ничего не имел на путь, как только 20 пар. Впрочем, он и не заботился об этом, ибо возложил всю свою надежду на всемогущий Промысл Божий. Нашел он и спутника себе, иеромонаха Трифона. Согласившись вместе они, воздавая благодарение Богу, отправились в путь. Но каких бед от мора и голода, и каких страхов от смертных случаев, более же всего от турок, претерпел юный старец! Только свыше помощь Божия подала ему силу все это перенести. Однако все-таки они с радостью и благодушием достигли Святой Афонской Горы.

Здесь, отступив немного от предмета, скажу вкратце нечто, достойное плача и рыдания.

Достигши пристанища жилищ монашеских, юный старец радовался духом, видя святое место, где издревле заботились о душевном спасении, шла непрерывная брань с бесами, находился вертоград и жребий Пречистой Богоматери. А в то время она Святая Гора, которая в древности, как рай, цвела Богообразными и духовными старцами и добродетельными подвижниками, уже не вертоградом представлялась, но вертепом от бедствия и жилищем разбойников. Ибо враг и ненавистник всякого добра и губитель христианского спасения, древний сеятель плевел посреди пшеницы,

богоборец диавол так устроил, что, где была большая святость и преподобие, где весь мир, в особенности же христианские народы, взирали на живших в Горе сей, как на столп и утверждение православной веры, как на образ благочестия и спасения, благоговения и всякой душевной пользы; там лукавый постарался посеять свои плевелы, что началось в особенности с 1721 года. Устроил же он это чрез некоторых, пришедших зломудрых и страха Божия не имевших людей, которые, считая себя мудрыми и первыми, заблудили от чрева и обезумели. Будучи заражены гордостью, они произвели беспорядки и смущения, и для многих были на великий соблазн и душевное разорение. *Сего ради*, как говорит апостол, *предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 11:28). Видя все это, жившие там благоговейные и боящиеся Бога мужи, с воздыханием горько плакали и молились Господу, дабы виновные сознали свое заблуждение и свои губительные страсти — гордость и тщеславие. Ибо знали они, что прогневанный сим Бог наведет на них праведный Свой гнев, а вместе с ними и на неповинных, за прелесть бесовскую, в особенности же за нерадение прельщенных человеков. Это вскоре и случилось. И по истине в то время Святоименитая Гора стояла на позор всему миру. В особенности же она возбуждала плач во всех любящих по Богу тихое и безмолвное, ведущее к преуспеянию, жительство, т. е. в истинных ревнителях благочестия — в монахах. Была Гора уничиженная, поруганная, разграбленная, и с разогнанными монахами, и просто сказать — была под владычеством турок. Ибо все святые обители, скиты и келлии наполнены были турками. И только немногие некоторые мужественнейшие духом, а телом уже немощные, оставались там как пленники, служившие варварам, повседневно терпевшие всякия бедствия и

самую смерть, блаженные, верные в обетах своих рабы Христу Богу, будучи убеждены в том, что терпят это от варваров ради своего спасения.

Сказав о сем вкратце, возвращаюсь к своему предмету.

Достигши Святой Афонской Горы и вышедши из корабля, отцы Платон и Трифон вошли во св. Лавру преподобного Афанасия, и отдохнули немного от пути, со слезами воздавая благодарение Христу Богу и Пречистой Его Матери, что сподобила их Царица Небесная прибыть во святой жребий Ея. Отправляясь же из Лавры к своим братьям, славянам, жившим под ведением монастыря Пантократора, спутник о. Платона иеромонах Трифон сильно простудился и впал в неисцельную болезнь. Поболев четыре дня, он и скончался. А о. Платон поместился вблизи братьев своих, славян, в одной калибе, именуемой Капарис. Оттуда он обходил отшельников и пустынножителей, ища, по намерению своему, некоего духовного отца, преуспевающего в монашеском делании и сведущего в Божественных и отеческих писаниях, пребывающего на едине в безмолвии, тишине и нищете, которому он мог бы предать себя в послушание. Но, по смотрению судеб Господних, он не обрел такового, и желаемого душе своей послушания не улучил. Потому, положившись на Промысл Божий, он стал пребывать один. Тогда блаженному было от роду 25 лет (1747 г.).

Но кто может высказать все его подвиги, когда он пребывал один с Единым Господом, объятый разженным к Богу рачением? Кто мог исчислить его коленопреклонения и упражнения в псалмопении и ненасытном чтении святых Писаний? Каких не показал он — самопонуждения, воздержания, поста, алчбы и жажды, воздыхания, сетования! Каких не испустил молений,

горьких слез и стенаний из глубины сердца! Каких не преодолел браней от гнева, похоти, взимающагося на разум Божий возношения и лютаго для безмолвника уныния и от прочих злых страстей! Каких не претерпел искушений и злостраданий, болезней и немощей и скорбей душевных и телесных! Ко всему этому прилагались приражения недоумения, безнадёжия и отчаяния, и страшные и лютые мысленные борения, наносимые от зависти бесовской. Но, прилепляясь верою и любовью ко Христу Богу, побеждал все это юный старец о укрепляющем его Господе. И за победу от всего сердца и от всей души сколько излил он и принес теплых слез и благодарений Христу Богу! Воздержание же его было таково: кроме субботних, воскресных и праздничных дней, вкушал он пищу через день однажды и только сухари с водою. Нищета его и нестяжание были безмерные; ибо он даже и рубашки не имел, а были у него один подрясник и ряса — все в заплатах. Но он так утешался своей нищетой, как иной своим богатством. И когда куда отходил, не запирали двери своей кельи; так как в ней и не было ничего кроме книг, которые он брал из Болгарских монастырей и читал прилежно с великим вниманием. Впрочем, он скорбел и горько плакал о том, что лишился благодати Божией — святаго послушания. Так прожил юный старец в одиночестве, подвизаясь и преуспевая от силы в силу духовную, полагая ежедневно восхождения в сердце своем и разжигаясь ревностью Божественною к большим подвигам, а вместе и наслаждаясь огнеросною Божественною любовью в тишайшем душеспасительном и радостотворном безмолвии три года с половиною.

Таковы были подвиги и злострадания юного старца! Ибо в том и состоит подвиг и брань истинных монахов против богоотступных сил диавольских, дабы

грешная душа, хотящая спастись, понуждалась даже до крови и смерти противостоять и помощью Божиею побеждать их.

В то время, по смотрению Божию, прибыл из Валахии в Святую Гору вышеупомянутый старец, схимонах о. Василий, будучи вызван некоторым важным лицом. Нашел он там пребывавшего в безмолвии о. Платона и провел с ним несколько дней, поучая его и открывая ему о всех трех чинах монашеского жительства, и о всех христианских Таинствах от Святых Писаний. А о. Платон со слезами просил блаженного старца облечь его в мантию, что старец и исполнил, переименовав его из Платона Паисием. И стал Паисий учеником о. Василия. Тогда было ему 28 лет. Предав его Христу Богу и Пречистой Деве Богоматери, старец возвратился в Валахию, в свой скит Мерлополянчу.

Потом так, как бы через три месяца, прибыл из Валахии во Святую Гору молодой монах, именем Виссарион. Обшед некоторых тамошних отцов, он искал себе наставника и не нашел. Пришел он и к о. Паисию и со слезами просил его сказать ему слово о спасении души и о том, каков должен быть наставник, которому можно бы было вверить свою душу. Вздохнув от сердца, блаженный заплакал, и немного помолчав, молясь в уме, сказал: «Брат! о горестном деле понуждаешь ты меня говорить тебе, дабы обновилась болезнь сердца моего. Ибо и я также с великим тщанием и скорбью искал наставника и не нашел. И много скорбей претерпел я, да и теперь еще терплю. Потому сочувствуя тебе (ибо вижу, что ты объят чрезмерною печалью, и боюсь, как бы не впал в отчаяние), скажу тебе немного, по силе немогшего моего разума.

Спасение души, о котором ты меня вопрошаешь, не может с удобством иначе быть совершаемо, как толь-

ко чрез истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя исполнять все заповеди Господни, по слову Господа, говорящего: *иже сотворит и научить, сей велий наречется* (Мф. 5:19). Ибо как кто может наставлять другого на путь, которым сам не ходил? Должно прежде ему самому подвизаться до крови против всех страстей душевных и телесных, и при помощи Христовой победить похоть и ярость, и чрез смиренномудрие и молитву исцелить разумность души своей от безумия и гордости; также покорить душе сластолюбие, славолубие и лютое сребролюбие — эти злыя ехидны мира сего, и прочие все злыя страсти, против которых Сам Господь Иисус был начальником брани и первым вождем победы над ними, по сказанному: будучи изведен в пустыню, Иисус постом, смирением, нищетою, бдением, молитвою и сопротивлением от Божественных Писаний отразил сатану и дал венец победы сей на главу естества нашего, уча и нас тем же побеждать его, подавая нам и силу к тому. И так кто всеми этими добродетелями последует Господу своему и примет от Него служение, дабы и иных души врачевать, и на заповеди Его наставлять, тот за смирение свое получит вместе от Господа и силу победить и все вышеупомянутые страсти (совершенно); а затем, по благодати Христовой, в нем просияет такое дарование Духа, по слову Господню: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5:16). Таковой наставник самыми делами может и ученика своего безошибочно научить всем заповедям Христовым и всем добродетелям, в особенности же сим всеобъемлющим: смирению, кротости, нищете Христовой, долготерпению во всем, милосердию даже сверх силы, и горящей любви к Богу и к ближнему от сердца нелицемерной, от которой рож-

дается истинное духовное рассуждение. Такой наставник научит и душу свою полагать за все заповеди Христовы. Все это видя и слыша, учащийся от него, с верою и любовью последуя ему, может при помощи Божией и чрез его наставление, преуспеть и получить спасение.

Такого, брат, следовало бы нам обрести наставника. Но, увы, — какое наше время! Предвидя Духом Святым злополучие сего времени, Богоносные отцы, из жалости к нам, как чадам своим, в помощь нашу оставили нам все нужное в святых своих писаниях. По словам Божественного Симеона Нового Богослова, по истине мало таких и в особенности ныне, которые были бы способны должным образом пасти и врачевать разумные души. Пощение, бдение и образ благоговения может быть многие и показывают притворно или и на самом деле усвоили, также и говорить, и словами учить очень многие удобно могут; а чтобы чрез смиренномудрие и всегдашний плач и слезы отсесть страсти, и усвоить себе неотъемлемо всеобъемлющие добродетели, таких весьма мало. В подтверждение же своих слов Симеон приводит свидетельство древних Святых отцов: ибо Божественнейшие отцы наши говорят: желающий отсесть страсти плачем отсекает их; и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их. И так явно отсюда, что не плачущий на всякий день монах, ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, и никогда не бывает причастником дарований. Ибо иное есть добродетель, и иное дарование. Потому и ближайший к нам Богоносный отец наш, российское светило, Нил Сорский, все это с великим вниманием рассмотрев в Божественных Писаниях, и предвидя бедственные наши времена, и нынешнее человеческое нерадение, в своем предисловии на книгу свою советует ревнителям, говоря так: должно с особенным тщанием искать не-

заблудшаго наставника. Если же таковой не найдется, то святые отцы повелели нам учиться от Божественных писаний и наставлений Богоносных отцов, слыша Самого Господа говорящего: *испытайте писания и в них обряцете жизнь вечную* (Ин. 5:39). И если этот святой говорит это только о умном делании: то тем более необходимо обрести опытного делателя и незаблудшаго наставника в том, чтобы получить избавление души от всех злых страстей, и наставиться на правый путь делания заповедей Божиих.

Отсюда, брат, вытекает крайняя для нас необходимость с великою заботливостью и со многими слезами день и ночь поучаться в Божественных и отеческих писаниях, и с советом единомысленных старейших отцов обучаться исполнению заповедей Божиих и деланию Святых наших отцов. И таким образом, по милости Божией, при нашем самопонуждении, можем получить и спасение».

Слыша все это от о. Паисия, подумал тогда в себе монах Виссарион: чего еще искать. И тотчас пал со слезами к ногам о. Паисия, умоляя его принять к себе в послушание. Но о. Паисий и слышать не хотел о том, чтобы над кем начальствовать, так как сам желал жить в подначалии. А тот, с большим усердием припадая к нему со многими слезами, три дня неотступно просил его принять. Видя такое брата сего смирение и слезы, о. Паисий умилился и решился принять его, впрочем, не как ученика, а как друга, дабы жить средним путем вдвоем. И кому Бог подаст более разумения в святом Писании, чтобы друг другу открывать волю Божию, и возбуждать к исполнению заповедей Божиих и ко всякому доброму делу; также отсекал друг перед другом свою волю и рассуждение, слушаться в добром друг друга, иметь одну душу и одно произволение, и

все потребное для жизни иметь общим. И таким образом, определив начало, стали жить совместно единодушно по правилам святых отцов. И утешался юный старец душою своею, что по благодати Божией обрел мир душевный в сожитии с единомысленным братом, ради отсечения друг перед другом своей воли и рассуждения, — что по определению отцов есть послушание. Вместо же отца и наставника они имели учение святых и Богоносных отцов наших. И пребывали они в мире глубоком, подвизаясь, горя духом и повседневно полагая благое начало, дабы преуспевать в совершенное смирение и любовь к Богу и ближнему и друг к другу чрез исполнение Святых Божиих заповедей.

Но недолго наслаждались они таким тихим сладким о Боге, утешительным для души безмолвным житием, — всего четыре года и немного более (1754 г.). Ибо другие братия Святой Горы и приходящие из мира, слыша и видя такое их мирное и любовное о Боге житие и, сами имея великую к сему ревность, неотступным своим молением стали убеждать старца принять их в ученики. Он же много лет отказывался от сего и не принимал иного четыре года, а иного три. Напоследок, будучи убеждаем то непрестанным усиленным их прошением, то плачевным молением жившего с ним весьма братолюбивого монаха Виссариона, начал и против своего желания принимать по одному, возлагаясь на всемогущий Промысл Божий о душевном и телесном их окормлении. И в скором времени собрались около него братии восемь человек Молдавского происхождения. Поелику же они не помещались в двух калибах, то необходимо было им приобрести келлию с церковью Святого Константина. Тогда начали присоединяться к обществу старца Паисия и братия славянского народа. И собралось всех двенадцать братий. И начали вычи-

тывать и петь правило в церкви по-молдавски и по-славянски. Оказалась теперь крайняя нужда в иеромонахе и духовнике. И вот, согласившись, все братия начали усиленно смиренным своим молением упрашивать старца принять священство и духовничество. Но он и слушать о сем не хотел, говоря, что он по этой причине и из Валахии ушел. Однако, как он не отказывался от сего со слезами, они все более и более также со слезами припадая к ногам его, просили и умоляли не презреть прошения их, предлагая ему многия важные и благословенные причины, в особенности же следующую. Когда мы бываем на исповеди у других духовников, говорили они, то советы и заповеди, подобающие нашему жителству, которые мы от тебя принимаем, они своими советами опровергают; и от того мы получаем большой душевный вред. Ибо и из духовных многие, или летами, или разумом, юны. И Божественное Писание говорит: *Горе тебе граде, в нем же царь твой юн* (Екк. 10:16). Приведши эти слова, святые отцы говорят: горе братиям, у которых начальник или духовник молод и с цветущим телом, к тому же в особенности если неопытен в духовной жизни, который не стяжал ни правого разума и духовного по Богу рассуждения, и не ведает многообразия страстей и немощей душевных и телесных. Ибо если бы он был усердным исполнителем заповедей Христовых: то по своей мере не лишен бы был и дарований от Господа, как-то: духовного разума и рассуждения, милосердия, смирения и любви к Богу и ближнему, — каковые добродетели суть всеобъемлющие или главные и первейшие. Это подтверждает и Симеон Новый Богослов, говоря, что невозможно вседушно ищущему и толкущему, по слову Господню не получить и не обогатиться дарованиями. Это и многое другое высказывали братия, с плачем припадая к бла-

женному. А кроме того и почтенные старейшие отцы Святой Горы всячески просили и увещевали его не отказываться от иерейства; ибо знали, что он достоин был сего, и мог, при помощи Божией, привести многие души ко Господу чрез свои наставления, в особенности же любовью и смирением своим. И потому они неослабно советовали ему, даже с угрозою за преслушание, принять сан священный, говоря: как же ты будешь учить братию послушанию и отсечению своей воли и рассуждения, будучи сам преслушником и презрителем слёзного моления стольких просителей и нас? Разве не знаешь, что породило преслушание? Тогда старец, видя себя в такой со всех сторон тесноте неудобоизбежной, и против воли покорился, сказав со слезами: «Воля Божия да будет!» И рукоположен был во иерея, и определен духовником. И была великая радость чадам его духовным.

Потом, когда Господь умножил братию, так что они не помещались в церкви и келлиях святого Константина, тогда старец Паисий, по совещанию со своими братьями, выпросил ветхую и праздную келлию св. пророка Илии монастыря Пандократора, а вместе и благословение от Святейшего Патриарха Серафима, пребывавшего в то время в том же монастыре. И начали с основания устраивать скит во имя св. пророка Илии. Построили церковь, трапезу, пекарню, поварню, странноприимницу и шестнадцать келлий. Ибо старец имел намерение более пятнадцати братий отнюдь не принимать; потому и келлий приготовлено было на такое число. Тогда все они вместе с радостию переселились в скит, благодаря и прославляя Бога за то, что Он благоволил им средний путь монашеского жительства переменить на общежитие. Тогда более строго установил старец отправлять и правило церковное по чину

Святой Горы, разделив братию на две части, славян и молдаван. Затем он имел надежду, после таких трудов жить поспокойнее; а между тем подпал еще большим трудам. Ибо многие из братий Святой Горы и из ново-пришедших, видя такое у него в церкви благочиние, т. е. в пении и чтении, а также смирение, тихость и благоговение, и предстояние всех братий в церкви с благоговением и страхом Божиим, слово же в деле иереев и эклисиархов самое нужное, и отправлявшиеся ими службы с благоговением и кротостию, а вне церкви на общих послушаниях ручные труды со смирением и молчанием, и между братьями всегдашний от сердца мир, любовь и отсечение своей воли, к старцу благоговейное послушание с верою и любовью, а со стороны старца к духовным своим чадам отеческое милосердие, распределение по послушаниям благоразсмотрительное, во всяких телесных потребностях ко всем сострадание и нелицемерную любовь, — все это видя, возревали горячею ревностью присоединиться к такому жителству. И потому неотступно своею просьбою, со слезами и частыми поклонами, убеждали его и против желания принимать их. За неимением же келлий, по необходимости, внизу под келлиями, к каменной стене пристраивали по две и по три келлийки. Все братия вообще трудились в рукоделиях. Сам старец днем, вместе с братьями, делал ложки, а ночью списывал отеческие книги. Ибо вся жизнь его проходила во всеошном бдении, и более трех часов в сутки он не мог спать. Писание же отеческих книг состояло собственно в переводе их с греческого на славянский язык. Ибо старец, при помощи Божией, скоро обучился не только простому греческому, но и эллинскому языку от одного из своих братий, по имени Макария, хорошо знавшего сей язык, и по началу переводил книги под его руководством.

Вследствие сего добрая молва о старце Паисии разнеслась по всей Святой Горе, и все относились к нему с почтением и любовью; ибо удивлялись многим Божиим дарованиям в нем и прославляли Бога. Он был там духовником многим великим отцам, как и самому вышеупомянутому Святейшему Патриарху Серафиму. И святитель этот часто посещал его иногда по немощи на осле, а иногда и пешком приходил в скит, который отстоял от монастыря как бы на полчаса ходьбы. Тут они с наслаждением беседовали о духовных и душе-спасительных предметах и о вере, и о разуме духовном, о мужественном подвижничестве и о дарованиях наставника по разуму и учению Богоносных наших отцов, вместе утешаясь душами, и горя духом подражать вере их. Не один раз в год бывало и то, что Святейший Патриарх и начальствующие отцы монастыря Пандократора, по любви своей к старцу, просили его придти к ним в монастырь, и в день воскресный или какой-либо праздник отслужить самому Божественную Литургию с монастырским диаконом в великой церкви. Служил он там по-гречески неспешно и благоговейно, со страхом Божиим, непрестанно омочая ланиты свои слезами; ибо он никогда не мог без слез отслужить святую Литургию во всю свою жизнь. Видя это, Святейший Патриарх, стоя также со слезами, приговаривал: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» А стоявшие в алтаре, видя его всего так к Богу простертым и как бы измененным и плачущим, едва могущим говорить возгласы, настолько умилялись и плакали, что иные не могли и стоять в алтаре по причине слез, выходили оттуда и, удивляясь благодати Божией, прославляли Бога.

Одновременно с старцем Паисием жил на Святой Горе в Капсокаливском скиту, иной старец-молдаванин по имени Афанасий, с учениками своими. По летам он

был старше о. Паисия. Сей Афанасий, по наветам лукаваго, завидуя славе старца Паисия, начал вслух многим разносить злохуления против него, называя его не только льстецом и прельщенным человеком, но и еретиком. Он хулил и священную умную молитву, которой старец Паисий научал своих братий. Слыша все это, о. Паисий долго терпел так, как будто и ничего не слышал. Но Афанасий, разжегшись до нетерпимости завистию, написал и послал к нему письмо. В начале оно имело вид дружелюбного наставления, а затем содержало многия хулы, укоризны и многия неправые мудрования. Получив это письмо, старец Паисий, рассмотрев все в точности, пошел к своему духовнику, объяснил и прочитал его. Затем, вместе с духовником, они пошли к другим старцам соборным духовникам по сему делу. Все они, рассмотревши оное писание, оскорбились и велели о. Паисию написать ему ответ, обличая его заблуждение и неправоное мудрование. Вместе с тем они согласились, что, если старец Афанасий не раскается и не испросит прощения, обличить его на соборе Святой Горы. Как духовные отцы повелели блаженному, так он и сделал. Обличив невежество Афанасия четырнадцатью главами, в которых выяснено было его заблуждение, и опровергнуты были хулы и клеветы, он послал эти главы к нему. Прочитав их, Афанасий сознал свою погрешность, зазрел себя, раскаялся, и пришедши к старцу Паисию, просил у него прощения. Старец же Паисий с радостию простил его и, дружелюбно побеседовав с ним, открыл ему с любовью о своем с братией жительстве волю Божию, и отпустил его с миром.

Так пребывал в своем скиту старец Паисий. Братий же у него со дня на день прибавлялось. Собралось уже более пятидесяти человек. И никаким образом он не мог избежать того, чтобы не принимать со слезами и

усердным молением просивших его принять их в послушание. Чего только он не говорил? И чего не выставлял им на вид? И недостаток в келлиях, и трудность послушания, и нужду в телесных потребностях, и во всем скудость. Но чем более он с кротостию отказывал им, тем более и более они, припадая к стопам его, с плачем и рыданием умоляли его принять их. И, будучи убеждаем слезами их, как отец милосердый и исполненный любви к ближним, старец принимал, возлагаясь на всемогущий Промысл Божий о душевном и телесном окормлении их, как и выше было сказано. Потому многие почтенные отцы советовали о. Паисию взять в свое распоряжение монастырь, называемый Симонопетр; ибо он был празден, так как был в долгу. Подал старец о сем прошение Собору Святой Горы, и немедленно дано было ему на это благословение. И так взяв с собою половинную часть братий, старец переселился в монастырь. О долге же монастырском он немного что-то слышал. Но в монастыре этом пришлось ему прожить только три месяца. Ибо турки заимодавцы, услышав, что в монастыре собралось общество монахов, немедленно пришли требовать долг; и взяли насильно с неповинного старца семьсот левов. Вследствие сего, убоявшись других заимодавцев, он возвратился в скит.

Пребывая же в скиту и видя столь великую тесноту и скорбь братий, старец Паисий сокрушался и весьма скорбел душою, представляя неудобность места и совершенную невозможность общежития на Святой Горе такому единомудушному обществу и впереди не видя надежды к благоустроению обители. И вот с общего совета стали они готовиться к переходу в Валахию в страну Мунтянскую. Узнав об этом, Святейший Патриарх Серафим и другие почтенные отцы Святой Горы весьма

начали сожалеть о том, что старец намерен удалиться от них. Пришедши к нему в скит, они много увещевали и просили его не оставлять Святую Гору. Но когда узнали такую их крайнюю нужду и великое утеснение для братства и печаль самого старца, то сказали: воля Божия да будет!

И упал старец к ногам Святейшего Патриарха, лобызая их со многими слезами и прося у него последнего благословения. Также и Святейший Патриарх плакал, и со многим сожалением благословил его, обнимая и лобызая главу его, и со скорбью возвратился в свой монастырь. Старец же распростился и со всеми духовными отцами, испросив у всех на путь молитв и благословение.

III

Возвращение старца Паисия с учениками в Валахию

Когда все готово было к отбытию, нанял старец два корабля и в один вошел сам с своими учениками славянами, а в другой отец Виссарион с молдаванами. Всех братьев тогда у него было шестьдесят четыре человека. При помощи Божией, они благополучно доплыли до Царьграда, а от Царьграда до Галаца; и, вышедши на сушу, прибыли в Валахию, в скит именуемый Варзарегита. Но так как места для жительства в стране для них не нашлось, то старец Паисий по этому поводу прибыл в Яссы, где и принят был с любовью митрополитом Гавриилом и благочестивым господарем Григорием Каллимахом воеводою. В удовлетворение нужд старца с братией дан был ему в распоряжение монастырь Сошества Св. Духа, именуемый Драгомирна со всеми

его вотчинами. Благочестивый воевода утвердил грамотою, чтобы монастырь этот, со всем его братством, был свободен от всех податей; а преосвященный митрополит попросил епископа Радоуцкаго, чтобы передал старцу Паисию монастырь со всякою любовью и подобающею честью. И вселился там старец со всем собором своего братства, благодаря и прославляя Бога, с радостными слезами, о непостижимых судьбах Его и бесконечном милосердии, что приклонил сердца всех на любовь и милосердие к ним странным.

Спустя немного времени пришел посетить старца Паисия с его братией из скита Мерлополяны Валахской страны, любезнейший его, еще и в училищах бывший друг, иеромонах отец Алексей, также ученик старца Василия, и прожил в монастыре Драгомирне всю зиму, будучи задержан здесь любовью старца, ибо они часто наслаждались духовными беседами. И возжелал старец Паисий, дабы отец Алексей постриг его в схиму, так как оба они были учениками одного старца. Желание о. Паисия было исполнено, но имя ему не было переменено; а как он наименован был Паисием при постриге в мантию от старца Василия, такое имя оставлено было ему и в схиме. От сего случая все братство было в неизреченной радости. После же праздника пресветлого Воскресения Христова, когда о. Алексей возвращался восвояси, старец Паисий со всеми братьями провожал его с великою любовью и благоговением. Этот о. Алексей после старцев отцов Василия и Феодосия был в ски-ту Мерлополяне старцем.

После сего блаженный старец Паисий, отдохнув немного от трудов, начал возобновлять и устанавливать чин своего общежития по уставу Богоносных отцов наших, Василия Великаго и научившихся от него Феодосия Великаго и Феодора Студита, начальников общежития.

Это не то значило, чтобы чин этот только начинался; ибо он еще на Святой Горе введен был старцем Паисием среди своего братства и соблюдался; но после перемещения, соединенного с суетою, он действительно как бы вновь начинался, и, обновляясь, устанавливался. Во-первых, в церкви положено было соблюдать чин Святой Горы, по уставу Православной Соборной Восточной Церкви, как и прежде было. Петь определено было на правом клиросе по-славянски, а на левом — по-молдавски. Во-вторых, положено было, чтобы никто из братий ни под каким видом не дерзал что-либо из вещей называть: это мое, а это твое; но все посылаемое от Бога, иметь общим, с завещанием строго соблюдать правило общежития. А что кому было нужно, всем подавалось от старца. Трапеза для всех была общая, кроме больных, весьма престарелых и калек. Послушания внутри монастыря, как то: в поварне, пекарне и прочие должны были исполняться самими братиями. Разные рукоделия, нужные в общежитии, братия должны делать со страхом Божиим и каждый по силе своей, а не насильно и со смущением. В общих некоторых послушаниях преслушание, прекословие и самочиние, которыми разоряются заповеди Божии, должны были быть изгнаны из души всякого брата; а чтобы вместо сего первенствовали и царствовали в братстве послушание, смирение, терпение и мир, любовь и страх Божий, и над всем сим всесовершенное отсечение своей воли и своего рассуждения. На общих послушаниях положено было блюсти молчание уст; в уме же да действуется тайно и хранится молитва. И сам старец часто выходил с братиями на общие послушания, и вместе со всеми трудился со всяким смиренномудрием, молчанием и молитвою, подавая собою всем пример смирения и любви, и говоря: «Братия! никто из вас не дол-

жен оставаться в праздности, кроме крайне немощных и престарелых; ибо от праздности рождается всякое зло». В келлиях на едине братия должны упражняться в чтении писаний Богоносных отцов и молитве, умом в сердце художественно совершаемой, по преуспеянию каждого, полагая по силе частые поклоны со слезами. Все братия, и в особенности новоначальные должны были всякий вечер открывать свои помыслы духовным отцам. Ибо откровение — это есть основание истинного покаяния и прощения грехов, и надежда спасения душе, с печалью истинно кающейся в грехах. А если бы случилось между некоторыми братьями какое-либо неудовольствие, то непременно в тот же день должно было последовать и искреннее примирение, по Писанию: *солнце да не зайдет в гневе вашем* (Еф. 4:26). Если же кто так ожесточился бы, что и не захотел бы примириться, такового старец подвергал отлучению, чтобы он и на порог церковный не вступал, и молитву «Отче наш» не читал, пока не смирится.

На послушания вне монастыря старец определял и посылал таких братий, от которых не могло бы произойти какого-либо соблазна для мирян, ни вреда для душ их самих. Если за каким-либо делом неизбежно следовало бы нечто, ведущее к преступлению заповедей, то повеленное дело должно было оставлять. Лучше, говорил старец, оставить дело без исполнения, нежели презреть заповедь Божию и подвергнуться вечному осуждению. Вообще же сказать: в обители, как внутри, так и вне, во всех послушаниях, старец Паисий всегда старался, чтобы между всеми братьями были мир и любовь по Богу, благоговение и страх Божий, смирение и повиновение со всесовершенным отсечением своей воли и своего рассуждением пред старцем и друг перед другом.

Также ввел старец Паисий в своей обители и все прочие порядки, по уставу св. Василия Великого и других Богоносных отцов, заповедав хранить их ненарушимо, и заключив угрожением за преступления духовными епитимиями, вместе с тем изливая на всех своих духовных чад отеческое свое милосердие, и нелицемерною любовью всех объемля и согревая и поучая, благоразсмотрительно определяя послушание каждому по его силе, дабы все трудились благодушно и с усердием.

Больных, весьма немощных и престарелых повелел старец лечить в больнице и всячески успокаивать возлюбленному брату Гонорию, который несколько знаком был с врачебным искусством. Муж этот и духовною беседою мог утешать, и в телесных нуждах был весьма милостив; ибо чрез святое и усердное свое послушание и смирение преуспел в горячую любовь к Богу и ближнему и в разум духовный. Потому и блаженный старец имел сего прелюбезнейшаго ему брата над больными, как свой глаз. Ему только одному и дана была свобода, ради больных, самому брать в келлии старцевой деньги, сколько-бы он ни захотел. Его же после своей кончины по прошествии одного года (1795), старец, по воле Божией, взял к себе и в небесный покой.

Затем, все время проживая с братьями природными молдаванами, вышеупомянутым Макарием и Илларионом Даскалом и с другими, знавшими греческий язык, старец Паисий трудился в переводе отеческих и богословских книг на молдавский и славянский языки. И когда, в зимнее время, все братия собирались с послушаний внемонастырских, и наступал пост Рождества Христова: тогда старец начинал, из переведенных им книг, говорить поучения ко всему вообще братству с первой недели поста и продолжал до субботы Лазаревой. Каждодневно, кроме воскресных и праздни-

ных дней, собирались все братия по вечерам в трапезу, зажигались свечи, и приходил старец. Он садился на обычном своем месте, и читал или подвижническую книгу Св. Василия Великого, или Св. Иоанна Лествичника, или Св. Дорофея, или Св. Феодора Студита, или Св. Симеона Нового Богослова, или инаго какого-либо из Богоносных отцов. В один вечер читал он поучение на славянском языке, а в другой на молдавском. И когда на одном каком-либо языке бывало поучение, тогда братия другого языка читали для себя повечерие. А старец, читая поучение, в то же время толковал, приводя свидетельства из Святаго Писания обоих Заветов и из учения Богоносных отцов, и говорил (примерно) так:

Братия и отцы! С болезнованием сердца нам должно заботиться о спасении душевном, как учат Божественные отцы. Ибо Св. Иоанн Лествичник говорит: хотя бы мы и великие подвиги проходили в жизни нашей, но если мы не приобрели болезнующего сердца, то все они притворны и суетны. И Григорий Синаит говорит: болезнование сердечное и смирение и труд послушания, по силе каждого, с правотой сердца обыкновенно делают дело, как оно есть по истине. И еще он же говорит: всякое делание, телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносить плода проходящему его; потому что *с нужде восприимлетсѧ Царствие Небесное*, говорит Господь, *и нуждницы восхищѧт е* (Мф. 11:12). Многие много лет делали или делают безболезненно и поелику не приболезненно, с горячим усердием сердца, поднимали и поднимают труды покаяния, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святаго. И еще: с небрежением, леностию и слабостию делающие, может быть, как им думается и много трудятся; но никогда не собирают плодов. А кроме сего безболезненно монаше-

ствующие от уныния впадают в неполезные попечения и помрачаются. И Св. Симеон Новый Богослов говорит: посему я и говорю, что те, которые покаянием и слезами, смирением, послушанием и терпением, паче же нищетою и злостраданием, и перенесением насмешек и поруганий не подражали страстям Христовым, и причастниками поносной смерти Его не были, не бывают здесь причастниками и духовнаго Его воскресения, и не получают благодати Св. Духа. За какие же другие дела прославимся с Ним? Ибо Божественный Павел говорит: *если с Ним страдаем, то с Ним и прославимся* (Рим. 8:17). Если же мы стыдимся подражать страстям Его, которые Он претерпел за нас, и живет в нас нежелание терпеть это, т.е. земное мудрование плоти: то явно, что и славы Его не будем причастниками. И еще: без покаяния и слез, как мы сказали, ни одно из сих (дарований) ни в нас самих, ни в других некоторых никогда не было и не будет. Ибо и из Божественных писаний никто не докажет, чтобы кто-либо из людей возмог без слез и всегдашнего умиления очиститься от страстей, или соделаться святым, или принять Духа Святаго, или узреть Бога, или ощутить Его посещение внутрь себя, или когда принять Его совершенно обитателем в сердце свое, — если не предварит покаяние и умиление. Сие же все соделает Божественный огонь умиления вместе со слезами, или лучше посредством слез. И еще говорит: смотрите, как бы вам не обмануться мнением, будто имеете в себе Христа, ничего не имея, и не отойти из сей жизни с пустыми руками. Тогда вы восплачете и возрыдаете.

Все это старец Паисий говорил от Богоносных отцов братьям со слезами, убеждая их, дабы понуждались с горячим усердием к исполнению заповедей Христовых. Ибо все его учение, болезнование и попечение (о бра-

тиях) направлялось к той цели, чтобы все вообще, всем сердцем и всею душою хранили заповеди Божии, дабы время, данное от Бога на покаяние, не прожить в нерадении и не остаться бесплодными. В конце же поучения старец всегда прилагал и некоторое нравоучение об исправлении случавшихся между братьями погрешностей. Ибо он, более иных страстей, особенно боялся соращения с пути истины и падения юных и злолютой страсти сребролюбия, лучше же сказать — златолюбия и веществолюбия — *корня всех зол*, как сказано в Божественном Писании (1Тим. 6:10); почему и почти на всяком поучении приводил в пример Ананию и Сапфиру. Ибо он достоверно наперед знал, — о чем и весьма скорбел, — что если эта злолютая страсть любоимения воровски войдет в его братство, и если увлекутся ею любители ея: то заведенное им общежитие немедленно разорится до основания; что впоследствии и случилось. В самом деле, открыто и дерзновенно говорить — это твое, а это — мое, и иметь собственность, и каждому заботиться о себе и питаться, не есть ли это всесовершенное разорение единодушного общежития. Потому еще издавна в монастырях Драгомирне и Секуле, предохраняя братию (от упомянутой страсти), он прикровенно обличал их; и, показывая путь делания заповедей Христовых, часто со слезами увещевал их говоря: Братие! если будете усердно понуждаться к чтению Отеческих книг, и чрез содержащееся в них учение всегда себя исправлять и разогревать (души свои), по сказанному: *согреяся сердце мое во мни, и в поучении моем разгорится огонь* (Пс. 38:4): также если будете понуждать себя к прилежному молению на всякий день со слезами пред Богом и к деланию святых Его заповедей: то подастся вам от Христа Бога теплое усердие и ревность. И пусть никто не говорит, что невозможно на всякий день пла-

кать. Ибо говорящий сие говорит и то, что невозможно и каяться на всякий день. И таковые извращают и самую заповедь Господню, как говорит Божественный Симеон Новый Богослов.

Прежде же всего этого должно вам, братие, несомненно, с твердою верою и теплою любовью, приступить ко Господу, и, по слову Его, совершенно отречься мира сего и всех его красот и сладостей, а еще и своей воли, и своего рассуждения, и быть нищими духом и телом. И таким образом возжется в душах совершенных святая ревность. По времени же, при возрастании сего делания, подадутся от Господа, по мере делания, слезы, плач и малая некая надежда в утешение души; а потом алчба и жажда правды, то есть разженное усердие, *дабы ко всем заповедям Его направляться* (Пс. 118:128), как то: к смирению, терпению, милосердию и любви ко всем, в особенности же к бедствующим душевно, также и к больным (телом), злостраждущим и престарелым, что все, по Божественному апостолу, суть плоды Духа. И чтобы сносить немощи ближняго, и полагать душу свою за брата, и претерпевать случающиеся искушения, то есть обиды, поношения, укоризны, досаждения, и от всей души прощать друг другу всякия огорчения и оскорбления, и чтобы любить врагов, благословлять клянущих вас, добро творить ненавидящим вас, и молиться за творящих вам напасти, — все суть верховные заповеди Христовы. Ко всему этому и чтобы мужественно и со благодарением претерпевать находящие и телесные многообразные искушения: немощи, болезни, раны, лютые и безутешные временные злострадания ради вечного спасения душ своих. И таким образом вы достигнете *в мужа совершенна, в меру духовнаго возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13). И если пребудете в таком самопонуждении, то устоит и общежитие это до

тех пор, пока Господь восхощет. Если же вознерадите о том, чтобы внимать себе, и о чтении книг отеческих, то отпадете от мира Христова и любви, то есть от делания заповедей Христовых, и водворится между вами мятеж, молва и неустройство, душевное смущение, малодушие и безнадежие, друг на друга роптание и осуждение. *И за умножение сих беззаконий иссякнет любы многих* (Мф. 24:12), вернее же сказать, мало и не всех. И если так это будет, то вскоре разорится и общежитие это, сначала душевно, а по времени и телесно.

Этими и подобными им весьма многими наставлениями старец Паисий издавна, как сказано, со слезами предохранял всех, малых и великих, молил и увещевал твердо и всею душою держаться тихого, мирного и любовного, по заповедям Христовым, жительства. И такое имел он дарование, что словами своими и самого унылого мог воздвигнуть к ревности, и печального утешить. А когда не мог иного, весьма смутившегося и скорбящего душею, умиротворять словами, такого уверяя, со слезами увещевал и утешал, говоря, что радуется Господь о его покаянии, и убеждал иметь твердую надежду на милосердие Христово; иного же наконец в потребностях утешал своею щедродательностью. А где было нужно, обличал, запрещал, умолял, отлучал и долготерпел. По многократном же повторении сих способов, если иной не исправлялся, такого удалял (из обители). И так, к одному только ожесточенному, самочинному и развратившемуся, с прещением гнева Божия, относился он строго-взыскательно, как об этом выше кратко сказано. Тут он являлся, как некий грозный судия, гневаясь на такового, пока не смирится и покается; и тогда утешал его, наставляя и вразумляя ко исправлению с любовию и со слезами. И никто не отходил от него не исцеленным.

О гневе же своем сам старец одному духовному брату, на вопрос его, ответил так: а что я с гневом укоряю вас, то дал бы Господь и вам иметь таковой гнев! Ибо я поставлен в необходимость противиться стремлениям каждого из вас; и пред иным показываться имеющим гнев, которого, по благодати Божией, я никогда не имею, а пред другим плакать, дабы тем и другим, или, как говорит апостол, десными и шуиими доставить вам пользу. Быть же рабом страсти гневной да не будет мне! Подобным образом и когда говорил что в нравоучение братиям, возбуждая в них любовь и дерзновение к нему, часто так беседовал: не хочу я, братие, чтобы кто меня боялся, как какого страшного властелина; но чтобы все любили меня, как и я люблю вас о Господе, как моих духовных чад.

Скажем и о рассуждении сего пастыря духовного. Такой установлен был в его братстве порядок, чтобы всякий духовный отец объяснял ему о всяком брате, которого сам не мог умиротворить, и о причине его смущения. Причины же скорбей приключались братиям, как человекам, таковые: друг другу прекословия, укоризны и досаждения, и подобное сему. И когда какой-либо брат, одержимый скорбью, входил к старцу в келлию, старец уже уразумевал, что у него на сердце; и вскоре, преподав ему благословение, сам, предваряя его, начинал беспрерывно беседовать к нему, не давая самому ему говорить; и сладчайшими и утешительными словами своими далеко отводил ум его от постигшей его скорби. Во время же своего беседования старец всматривался в лице онаго брата и замечал устройство его нрава, разум и послушание. И если брат был человек разумный, то старец имел обыкновение высказывать ему что-либо высокое, и затем приводил толкование онаго Богоносными отцами. К сему прилагал и еще

нечто более высокое, и так удивлял и утешал его душу, что тот от радости духовной вменял все мирское — славу, радость и скорби в мерзость и мечту. Если же брат был простец, то речь свою к нему старец заимствовал или от обычных дел, или от святого послушания, и своими дивными словами восхищал ум его от скорби, и этого опять так утешал, что он от радости духовной укорял и себя и приключившуюся ему скорбь. А потом брат, или тот или этот, войдя в себя, и ощутив свою душу исполненною мира и радости духовной, бывшие же смущение и скорби исчезнувшие как дым от ветра, уже ни о чем не вспоминая, но приняв от старца благословение, отходил в радости, благодаря Бога. О, Божественная мудрость и любовь сего блаженного отца! Призывал брата не с тем, чтобы укорить его или побранить, или подвергнуть запрещению, но дабы утешить его, и умиротворить душу его и сердце. А как и что можно сказать о его сладкоречии? Ибо все его духовные дети готовы были повседневно стоять пред ним неотступно, дабы наслаждаться зрением светлого его лица и сладкою его беседою. Потому и все братия, малые и великие проводили дни свои в глубоком мире, любви и радости духовной. До девятого часа (вечера) двери у старца никогда не затворялись. Ибо иные приходили к нему по причине телесных потребностей, а другие с нуждами душевными. И с одним старец плакал; а утешив его, с другим радовался, как будто и скорби никакой не имел. По душевному своему устройению старец был, как незлобивое дитя, по истине бесстрастный и святой муж. Никогда не видели его скорбевшим о чем-либо вещественном, хотя бы и важная какая случилась убыль. Тогда только он скорбел, когда видел какого-либо брата, в чем-либо преступающего заповедь Божию, особенно по произволению. Ибо и за одну малейшую заповедь

Владыки Христа старец готов был душу свою положить и говорил: пусть все наше (приобретение) разорится, пусть погибнет и дело какое-нибудь; только бы соблюдены были нами заповеди Божии, и ради их души наши.

Многokrатно старец Паисий говорил духовным своим детям и сие: «Когда я вижу чад моих духовных подвизающимися и понуждающимися к хранению заповедей Божиих, и отсекающих волю свою, и неверующих своему рассуждению, и живущих в страхе Божиим, и со смирением проходящих святое послушание: то такую неизреченную радость ощущаю в душе моей, что не желаю большей радости иметь и в Царствии Небесном. Если же вижу некоторых нерадящих о заповедях Божиих, и держащихся своей воли, верующих своему рассуждению, и живущих без страха Божия, и святое послушание презирующих, от самочиния же и самоугодия объятых леностию и ропщущих, то такая печаль объемлет мою душу, что большей печали для меня и во аде не может быть, пока не увижу их истинно покающихся».

И начали братия от поучений отца своего и от чтения Божественных писаний разогреваться (сердцами своими) и преуспевать в любви к Богу и в терпении, заповеданном Иисусом Христом, хотя и не все в одинаковой мере. Ибо это и невозможно. Но одни из них, которые и были в большом количестве, достигли великой любви к Богу и ближнему, и чрез послушание и смирение совершенно умертвили свою волю и рассуждение, считая себя прахом и перстию и подножием всех братьев, и даже окаяннейшими всей твари. Ибо непрестанно, в тайне своего сердца, укоряя себя пред Богом, они претерпевали поношения, безчестия, укоризны, досаждения и всякий род искушений с великою радостью и великим благодарением Бога, принимая все это

как благодать Божию, и всегда желая сего. Другие же, в меньшем количестве, падали и восставали, т.е. согрешали (малыми грехами), и тот час каялись, претерпевая также укоризны, поношения, и искушения, хотя и с трудом и горечью; однако вседушно понуждались достигнуть первых, и о сем усердно и со слезами непрестанно молились Богу. А иные, немногие числом, были слабы и немощны душою, как младенцы, не имея еще возможности принимать твердую пищу, т.е. претерпевать укоризны и поношения. Для воспитания своего они еще требовали млека милости и человеколюбия и снисхождения к их немощам, пока не достигнут духовного возраста терпения. Они восполняли скудость свою одним только благим произволением и всегдашним самоукорением, многократно и выше силы своей понуждаясь претерпевать укоризны и поношения и оставлять свою волю, великий труд и пот, как кровь, изливая пред Богом, и в этом непрестанно прося помощи у Бога. Таковые хотя были самыми немощными, однако сочтены будут у Бога, как понуждающие себя ради получения Царствия Небесного. Вообще же все, хотя, как сказано, и не в одинаковой мере, понуждали себя исполнять заповеди Христа Бога нашего, и жить по учению Богоносных отцов. Ибо, как говорит св. Исаак, сокровенное делание заповедей врачует душевную силу. И сие произошло не просто и как ни есть, так как написано, что *без кровопролития не бывает оставления* (Евр. 9:22).

Радовался блаженный старец, видя духовных чад своих так усердно подвизавшимися; благодарил и прославлял со слезами Бога, а вместе и молил Его укрепить их Своею благодатию на больший подвиг; и непрестанно поучая, возбуждал их к большему усердно, говоря: чада! *не унывайте, куплю деюще* (Лк. 19:13). *Ибо се ныне*

время благоприятно, се ныне день спасения, говорит апостол (2Кор. 6:2). И можно было тогда видеть в монастыре Драгомирне монашеское жительство, как новое чудо, или богонасажденный земной рай. Ибо люди, будучи живы, отсеки свою волю ради любви Божией, волею своею и всеми чувствами были для мира сего мертвецы, т.е. как слепые, немые и глухие. Но как можно подробно высказать их сокровенное делание? Разве только скажем немного, как то: о их сокрушении сердечном, глубоком смирении, о страхе Божиим и благоговении, о внимании и молчании мысли, о приснодвижной в сердце молитве, горящей неизреченною любовию ко Христу Богу и ближнему; так что многие из них не только на едине в келлии, но и в церкви и в собрании на послушаниях, и во время беседы духовной, непрестанно источали слезы. А это показывало в них плоды Духа, т.е. веру, кротость и их любовь сердца к Господу. Справедливо сказал святой Исаак: собрание смиренных возлюблено Богом, как собор Серафимов. Во время такого мирного пребывания братства в монастыре Драгомирне, приключилась и скорбь блаженному старцу и всем братиям. Первый единоклубный его друг, о. Виссарион, по Божиему благоизволению, отошел ко Господу на вечный покой. Как старец, так и все братия горько плакали о нем. И установил старец ежегодно совершать в память его соборную панихиду и всему братству предлагать праздничную трапезу. Что и продолжалось до кончины старца Паисия.

Таково было оное благоговейное и исполненное святыни братство в монастыре Драгомирне, в котором старец Паисий многими трудами и слезами возобновил древний монашеский единоклубный чин. Ибо смотрением Божиим совокупив многия души во единоклубие и единомыслие и связав их любовию Божиею и смире-

нием Христовым, он сам первого себя во всем поставил примером для всех, и утвердил общее жительство, имевшее все подобие общих житий Святых отцов. И все братия понуждались, сколько возможно, следовать и подражать жительству сему и хранить чины и уставы его в те (по выражению современника) бедственные и плачу и рыданию достойные времена.

Но тогда как братство старца Паисия, пребывая в монастыре Драгомирне, наслаждалось глубоким миром, содеяв свое душевное спасение, неожиданно возстала страшная буря и страх смертный. Между двумя империями, Российской и Турецкою возгорелась война (1768 г.). Кроме сего Божиим попущением случилась и еще иная пагуба и страх смерти, — мор и голод (1771 г.). Но эти последние горестные беды, по милосердию Христову, вскоре миновались. И по истечении между Россией и Оттоманской империей шестилетней брани заключен был мир (1774 г.). Когда же Российское войско возвратилось из Молдавии в свое отечество, Римская держава стала требовать от турецкого султана обещанной ей части Молдавского княжества. И взяли католики монастырь Драгомирну под свою власть. Тогда старец много слез пролил; ибо горько плакал о душевном разорении братий своих, а еще сокрушался о том, что монастырь его перешел во владение папистов, с которыми Восточная церковь никогда не может иметь мира духовного. Также и братия весьма скорбели и горько плакали.

Когда же старец и сам несколько успокоился от печали и плача, и братию утешал надеждою на Бога, неожиданно получено было им от Секульского игумена письмо, с любовным приглашением к себе всего его братства. Возрадовался старец и прославил Бога, и, возложив всю печаль на Всевышнего, послал проше-

ния к благочестивому господарю Григорию Гике и к митрополиту. В них он со скорбью писал, что не может жить под властью папистов, и просил у них милости, чтобы дан был ему в управление монастырь Усекновения честные главы св. Иоанна Предтечи, именуемый Секул. Приложил и письмо, полученное им от Секульского игумена. Очень пожалели о старце и его братстве господарь и митрополит и дали ему в управление монастырь, который он просил, утвердив то грамотою. Получив грамоту, старец начал заботиться о переходе в Секул; и повелел братиям готовиться и собираться около стоявших на пути монастырских мельниц. Всех братьев тогда было у него, с непостриженными послушниками, триста пятьдесят человек. Не малую часть братии и двух духовников оставил старец в Драгомирне до сдачи монастыря, как и должно было; а сам пошел в церковь и там помолился Господу с горькими слезами, так как разлучался с этою обителью уже навечно. Всем же остававшимся плакавшим братьям преподал мир и благословение, утешая их в скором времени пришествии к нему. И вышедши из церкви и монастыря, он прибыл на то место, где собирались братия.

Собравшись таким образом, все они вместе отправились в путь и прибыли в монастырь Секул, со слезами благодаря Бога, и водворились там в 1775 году. Монастырь этот стоял на месте тесном, по обе стороны покрытый лесом высокой горы, на небольшой долине, вблизи маленького источника воды, который находился под горою. Потому и подъезд к монастырю был весьма каменист и неудобен, по причине источника, всем своим стремлением — текущего то в ту, то в другую сторону, а в особенности когда он наводнялся от дождей. Но место было тихое и безмолвное, и для монахов и ревнителей по Богу прелюбезнейшее. Потому

старец и братия весьма были этим местом обрадованы, и утешены от печали о Драгомирнской обители, и со слезами возсылали благодарение Богу. Все же прочие нужды и неудобства они решались претерпевать ради любимого им безмолвия и тишины. И установил старец Паисий в Секуле все порядки общежития по чину, каков был в монастыре Драгомирне. Всякую зиму (по вечерам) созывал он всех братий в трапезу и поучал их от Божественных и отеческих писаний о делании заповедей Божиих, — о послушании, смирении, страхе Божием и о всех Богоугодных делах и подвигах.

При таких заботах и трудах старца о братиях, начали они опять понемногу, чрез его наставление достигать того же устройства, как и в Драгомирне, подвизаясь и преуспевая благодатию Христовою, по молитвам своего отца. А он радовался и со слезами благодарил Бога, что, по желанию его, Господь даровал ему тихое и безмолвное место, и отнюдь не имел в помысле искать иной обители более просторной и с большими удобствами. Напротив, он рад был тишине и тесноте, которую от юности своей возлюбил Христа ради и к которой привык. Потому и братство свое поучал и увещавал, ради любви Божией, претерпевать все скорбное мужественно и со благодарением.

Однако нужды братий, великая скудость и недостаток келлий, а также мольбы и советы отцов духовных побудили старца написать прошение к князю Константину Мурузу, в котором выставлена была на вид крайняя нужда в келлиях. Благодетельный же князь, получив прошение, обратился к сенату своему с вопросом: каков монастырь Секул, в котором пребывает старец Паисий с братией. Тогда один из главных сенаторов, бывший некогда в монастыре Секуле и все хорошо знавший, отвечал: монастырь Секул тесен, и церковь там мала. Не

для такого многочисленного братства он устроен. И стоит он на месте неудобном; ибо дорога к нему каменистая, очень затруднительная и неудобная к перевозке необходимых жизненных потребностей. Услышав это, христоробивый князь с соболезнованием сказал сенаторам: нет ли в нашем княжестве такого монастыря, в котором можно бы было успокоить сего старца Паисия? Они отвечали: во всем нашем княжестве нет более просторной обители, как монастырь Нямец. В нем и церковь большая, и дорога к нему очень удобная; от Секуля же отстоит он только на два часа пути. Обрадовался сему князь и предписал старцу, повелевая ему, без всякого рассуждения и ни на кого не взирая, переходить в монастырь Нямец: в нем и церковь большая, и дорога к нему очень удобная. Когда же получил старец это предписание и узнал из него неожиданное повеление, то весьма возмутился духом. Скрылся мир его, безмерная скорбь объяла его душу. Восплакался он горькими и неутешными слезами до изнеможения и недоумевал что делать. Весьма смутились и братия, в особенности же духовные отцы — истинные ревнители по Богу, любившие тихое и смиренное монастырское жителство и с соболезнованием сердечным желавшие преуспения душам братии, над чем много и трудились. Они одни с великою горестью соболезновали старцу об имевшем быть душевном разорении братий.

Что же было потом? Печаль и скорбь старца так усилились, что он и от роду не испытывал того. Горько плакал и болезненно неутешно рыдал о том, что предвидел разорение и погибель душевного устройства братий; еще же и о том, что должны были прекратиться общие его поучения к братиям, которые он говорил им, при общем собрании в трапезе, — с одной стороны потому, что невозможно будет всем им вместе собираться, так

как они будут разделены (одна часть в Нямце, а другая в Секуле), с другой же стороны потому, что будут приезжать гости, миряне и важные особы, и невозможно будет запретить им, чтобы не приходили послушать поучения. А чрез это пресечется его нравоучение, которое он всегда прилагал в конце своего поучения касательно исправления случавшихся между братьями поползновений, в которых подобает, по Писанию, *согрешающих обличать при всем собрании* (1Тим. 5:20), не указывая на лица, устрашая их гневом Божиим, дабы согрешившие постыдились, и убоявшись исправились, а неповинные большее возымели опасение и охранение от греха. Неутешно скорбел об этом старец и непрестанно плакал день и ночь.

Когда же он собирался писать к князю прошение об оставлении его в Секуле, пришли сюда начальствующие из монастыря Нямца. Припадая к нему со многими слезами, они смиренным прошением и неотступною мольбою начали умолять его, чтобы он не обижал их и не расстраивал на старости жительства их, прибавляя к сему — чтобы им не плакать на него до смерти. Едва мог старец терпеть от жалости, слушая слова эти, уязвлявшие его святую душу, боголюбивую и по истине братолюбивую, кроткую и всем мира, пользы и спасения желавшую. Показав им предписание князя, он с горькими слезами говорил: видите, отцы святые! вот причина смущения и скорби нашей и вашей. Но да известит вас Христос Господь, что никогда мне и в мысль не приходило, чтобы учинить такое беззаконие и насилие и опечалить души ваши, и за преступление заповеди Божией подпасть вечному осуждению. Сами вы знаете, что и Секул заняли мы не по насилию нашему. Но бывший в нем игумен, блаженной памяти отец Нифонт, видя наше смущение вследствие зависимости

от папистов, сам, по любви своей к нам, приглашал нас к себе, так как желал жить с нами, скончав здесь и жизнь свою благочестно. Тогда мы, по любовному согласию, писали о сем ко властям и получили просимое. И сказал им еще: как бы я дерзнул учинить такое злодеяние? Какими бы глазами взглянул я на ваши святыя лица, имея совесть свою судиею и обличителем в причиненной мною вам обиде? Как бы я приступил к Престолу Божию, дабы причаститься страшных и Божественных Таин, имея плачущих и обвиняющих меня пред Господом за насилие мое? Да не будет сего, да не будет! Напротив, я буду писать к князю и со слезами просить и молить его, чтобы оставил и нас и вас мирно пребывать в своих обителях. Ибо мы здесь, по благодати Божией, имеем глубокий мир. В рукописи на поле приписано: о горе мне! сколько скорбящих и воздыхающих на нас!

Такою и подобною более пространною беседою старца Паисия быв успокоены, начальствующие Нямецкаго монастыря возвратились в свою обитель. Блаженный же старец написал к князю весьма плачевное прошение. Ибо каких умилительных и убедительных он слов не употребил в нем? Каких благословенных причин не представил? Каких в этом писании он не изъявил прошений и слезных молений от всего своего братства, желая отказаться от Нямецкаго монастыря и вместе принося благодарение Богу за безмолвное и тихое пребывание в монастыре Секуле? Написал он со смирением, при многих слезах, и о имевшем последовать для братии душевном вреде и о разорении тишины и безмолвия их, и об иных многих, имевших быть подобных сим причинам. Написав таким образом прошение, старец послал оное с первым духовником обители своей, молдаванином, благоговейным о. Иринархом, ко-

торый знал и греческий язык, присоединив к нему и еще другого духовника! И ожидал ответа в надежде, что князь исполнит его просьбу. Посланные пришли с прошением к князю. По прочтении же сего прошения, они начали и словесно в подробностях объяснять ему все, и со слезами припадая к ногам его, и представляя многия душевредные причины, умоляли его, чтобы он оставил старца с братством пребывать в Секуле без смущения и соблазнов, но никак не могли упросить князя. Ибо он повелел приготовить старцу предписание, в котором ко всему написанному приписал своею рукою и такие слова: «Сотвори послушание, иди в Нямец, нисколько не рассуждая». Утвердив же эту бумагу собственным подписью и печатью, он отдал ее духовникам и отпустил их с миром.

IV

Перевод старца Паисия в Нямец, и блаженная его кончина

Возвратились посланные с грамотою от князя. И когда старец прочитал и увидел написанное в ней с повелением: «Сотвори послушание, иди в Нямец», то горько заплакал и не знал, — что делать. И так усилилась и объела душу его безмерная печаль, что он не мог ни есть, ни пить, ни спать, и весьма изнемог телом; ибо предвидел окончательное разорение душ братий своих. Со своей стороны и все братия были в страхе, скорби и великом смущении, как бы старец не умер от безмерной печали. Потому старейшие из духовников и братии, собравшись вместе, пришли к нему больному, и начали со слезами просить его, чтобы он оставил такую безмерную печаль и подкрепился пищею. Го-

ворили ему: какая нам польза, если ты безвременно умрешь, и мы без тебя останемся сиротами? Что нам тогда делать? Он же, как муж благоразумный, видя чад своих духовных, так сильно о нем сожалевших, плакавших, смущавшихся, и смерть его считавших для себя великою бедственнымю потерею более всякаго их разорения, помолчал немного и, возведши око ума своего ко Господу, тяжело вздохнул, горько заплакал и сказал: «Тесно нам, братие, отовсюду». Потом встал с постели, сотворил крестное знамение, поклонился иконе Пречистой Богоматери и сказал: «Да будет воля Божия! Пойдем и нехотя».

Пищею он немного подкрепился, а спать не мог. Затем, призвав трех духовников и несколько прочих братий, послал их в монастырь Нямец, вручив им и предписание от князя, чтобы его там прочитали, и приготовили келлию для него и для других более нужных иереев и певцов. Братия исполнили, как им было повелено, и возвратились назад. Тогда старец распределил всех братий — каким идти с ним в Нямец, и каким оставаться в Секуле. Назначил тут для управления и одного духовника, по имени Иларион. И вшедши в церковь со слезами помолился Господу, приложился к святым иконам и преподал всем остававшимся плакавшим благословение, утешив их такими словами: всякий брат во всякой скорби душевной и телесной пусть приходит ко мне без всякаго препятствия. Ибо расстояние от Секула до Нямца было только на два часа пути. Наконец с горькими слезами вышел старец из церкви и отправился в путь. По причине же своей уже глубокой старости и немощи он брал по необходимости в помощь одного только коня; ибо до самой смерти гнушался всякаго славолубия. Братия же, как пчелы окруживши его одноконную колесницу, шли потихоньку пешком, на-

слаждаясь его духовною беседою. Иные его провожали, а иные с ним шли; и таким образом прибыли в монастырь Нямец, в самое повечерие праздника Успения Пресвятыя Богородицы 1779 года.

Там, вшедши в церковь при пении «Достойно есть», старец поклонился святым иконам. Подошел и к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, много пред Нею плакал и вручал себя и братию Ея заступлению, хранению, покрову и окормлению, со слезами облобызал оную, возложив на Владычицу по Боге во всем всю свою надежду. Потом, вышедши из церкви, пришел в келлию и немного отдохнул; но уснуть от великой печали не мог. Таким образом, он уже пять суток провел без сна. Когда же настало время бдения, старец, хотя и с великим трудом от болезни и слабости, пришел в церковь и слушал Божественную службу, сидя, молясь в то же время Пречистой Богоматери, чтобы хоть немного заснуть ему. При конце вечерни и начале утрени начало клонить ко сну. Потому он вышел из церкви, пришел в келлию, поспешно лег и уснул и спал три часа. Когда же проснулся, ощутил в голове легкость и малое некое укрепление в теле, совсем освободившись и от печали. Потому со слезами вознес благодарение Христу Богу и Пречистой Богоматери.

После литургии старец созвал к себе начальствовавших в монастыре Нямце и любезно побеседовал с ними наедине, обещаясь во всем до смерти успокаивать их и воли у них отнюдь не отнимать. Вместе с тем он принял от них то из монастырского имущества, что они сами ему выдали, ничего не расследывая. Таким образом, они искренно примирились; по прошествии нескольких лет приняли постриг в схиму и поживши благочестно, преставились ко Господу. Только немногие, жившие там прежде братия вышли оттуда. Прочие же

присоединились к братству старца Паисия, и таким образом из двух составилось одно братство, и водворился душевный мир. Тогда старец написал к князю донесение о принятии монастыря Нямца и о примирении и соединении двух братств в одно. Уведомил его при сем и о крайней нужде в келлиях.

Когда прочтено было князю это донесение, князь очень обрадовался и повелел написать грамоту (о том, что Нямец передать в заведывание старцу Паисию) и утвердить своеручными подписями и печатями князя, митрополита и сената. Написал и от себя старцу письмо, благодаря его за послушание и обещаясь помогать ему в келлиях и во всех прочих нуждах. И отдал письмо с грамотою посланным от старца братьям.

Получив эту грамоту и письмо от князя, старец начал управлять обоими монастырями, по дарованному ему Богом благоразумию, с любовью и кротостию. Но теперь труды его усугубились. По милости князя, он устроил в Нямце больницы и прочие нужные келлии; так как и свои братья и странники монахи, престарелые, хромые, слепые и расслабленные, не имевшие где голову приклонить, приходили к нему, прося его с плачем и рыданием ради Христа оказать им милость. А старец определял их в больницу и повелевал брату Гонорию, о котором выше было упомянуто, чтобы он имел об них всякое тщание и попечение, и заботился об их успокоении. Служителям заповедовал, чтобы прислуживали больным, как самому Господу, чтобы каждую субботу мыли им головы и переменяли сорочки, чтобы очищали их одежды, кровати и постилки от всего, в особенности же от насекомых; а летом чтобы одежды часто пересушивали на солнце и выветривали. Внутри больницы заповедовалось соблюдать всевозможную чистоту, ежедневно окуривать ладаном или иным полезным

курением, чтобы не было тяжёлого воздуха; пищу готовить самую лучшую, также и хлеб и вино. И все были признательны, — со слезами прославляли Бога, благодаря всегда и старца за его милосердие и попечение о них. Приходившие монахи странники, так же успокаиваемые, пребывали в больнице, кто сколько хотел, седмицу, две и месяц. И никто никогда не говорил им ни одного слова, — что сидишь в праздности? А иные просили старца, чтобы благословил им и перезимовать, и он благословлял; не имевшим же одежды и сорочек подавал по их потребности. Когда же наставало лето, и странники уходили, давал им нужное для пути в сугубом количестве, и таким образом отпускал их с миром. Принимал также старец и мирян мужеского пола, страдавших от разных болезней и от духов нечистых, и не имевших где главу приклонить. Пища подавалась им от общей трапезы, только в иной больнице. И жили они там, сколько хотели, иные даже и до смерти.

Увеличился тогда и состав братства. В монастыре Нямец, с ближними скитами, было до четырехсот братьев, кроме живших в Секуле, где всегда было до ста человек. Из них брал некоторых старец к себе в Нямец, а из Нямца также некоторых посылал в Секул. Всех их, там живших, он посещал только однажды в год, в праздник Усекновения честные главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; а после праздника, как и прежде у него было в обыкновении, говорил там поучение от Святаго Писания, прилагая к сему какое-либо (частное) нравоучение. И в один вечер говорил на славянском языке, а в другой на молдавском. В Секуле пребывал он девять дней. В это время вся братия, от малого до великого, свободно могли входить к нему и объяснять все свои нужды телесные и душевные; и всех он успокаивал. А тем, которые из больницы отнюдь не

имели возможности приходить к нему, он преподавал благословение чрез духовного отца Досифея, и всем им приизобильно выдавал все нужное для удовлетворения их телесных потребностей и для успокоения. Этот духовный отец Досифей всех в братстве превосходил как попечением о больных, милосердием и состраданием, так и кротостию и смирением, тихостью и любовью ко всем. Ибо часто видали, как этот сердобольный отец по целой ночи просиживал около трудно больных с состраданием и воздыханиями, иного утешая надеждою на выздоровление, а другого получением спасения, подавая таким образом немалую им отраду в тяжких болезнях.

Отпраздновавши Секулярский праздник, блаженный старец Паисий возвращался в монастырь Нямец, неся в старости сугубые труды, то есть попечение и сердечное болезнование о спасении душ всех братий обоих монастырей, и за все воссылая благодарение премилосердому Богу.

В монастыре Нямце храмовым праздником в великой церкви был праздник Вознесения Господня. К этому времени издавна собирается сюда бесчисленное множество народа обоего пола и разных чинов, т. е. господ и поселян, богатых и убогих, не только из Молдавии и Валахии, но и из иных стран, которые приходят ради поклонения чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. И всех их старец Паисий, по страннлюбию Авраама, старался по возможности успокаивать. Тогда он четыре дня подряд не имел отдыха. С утра до вечера двери его келлии были отворены; и всякому богатому и бедному, желавшему войти к нему, препятствия не было. Всех приходивших он любезно приветствовал, благодаря их за подъятые ими в пути труды и обещая им от Господа и Богоматери, за их веру и любовь к Ней, душевную и

телесную награду. Преподав же им благословение, отпускал их в гостиницу и в другие, приготовленные для того, келлии. К тому еще Богомудрый и Богоблаженный старец употреблял такую предосторожность. При начатии праздника определял некоторых благоговейных братьев, летами, разумом и страхом Божиим исполненных, надзирать за немощными братьями, день и ночь обходя и осматривая, как бы не произошел какой соблазн. А братия, зная волю отца своего, и сами охраняли друг друга. По окончании же праздника, все воссылали благодарение Христу Богу и Пречистой Его Матери, сподобившей их мирно и благопоспешно отпраздновать пресветлый Господний праздник.

Так жил старец со своим братством в монастыре Нямеце. Но вот восстала страшная буря и страх смертный. Опять возгорелась жестокая война трех империй. Города и села Молдавии запустели; ибо все жители разбегались по горам и лесам, где только кто мог укрыться от ярости турок. Когда же, чрез недолгое время, появилось и расположилось у подошвы гор Молдавских Немецкое войско; тогда все жители возвратились восвояси. Вступило в Молдавию и российское войско; а с ним и князь Потемкин, с сопутствовавшим ему архиепископом Амвросием, прибыли в город Яссы. И ярость турок тотчас исчезла. Этот архиепископ, пребывая в Яссах, и слыша о блаженном старце Паисии и о его братстве, возымел непреодолимое желание увидеть его очами. Объяснив об этом высшей власти и получив дозволение, он прибыл в монастырь Нямец и с великой честью и благоговением принят был старцем. Отдохнув же от пути, почетный гость проводил два дня в духовных беседах с старцем; а в день воскресный служил собором Божественную Литургию и произвел старца во архимандрита. Это было в 1790 году. Пробыв в монастыре

еще два дня, и преподав всем мир и благословение, он утешенный удалился. Все братство провожало его с великою честью и любовью.

Получив, хотя и против воли, степень архимандрита, старец даже и в мысли отнюдь не увлекся славой мира сего, и ничего даже и малейшего от своего устройства и смиренномудрия не променял на гордость житейскую, которую обличил Божественный наперсник Христов, говоря: Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: *яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1Ин. 2:15–16). Подражая таким образом своему Господу, старец Паисий, чрез смиренномудрие и пламенную к Богу и ближнему любовь и чрез точное исполнение всех заповедей Господних, пребыл невредим от оной высокой степени священства и чести; но оставался таким же, как и прежде, в делах, словах и мыслях даже до смерти.

Затем все братия в монастыре Нямце по внешности жили в покое. Но духовное их житительство, в сравнении с первым единоклубным, мирным и любовным по Богу пребыванием в Драгомирне и Секуле, окончательно и безвозвратно ослабело. Причины сему были: молва, обеспеченность, смятение и у каждого попечение о самом себе, а в следствие этого оставление чтения Божественных и отеческих писаний и внимательности к себе. Об этом и прежде плакал и скорбел смертельно старец, как предвидевший все это, имевшее быть. Боясь этого во всю свою жизнь, он болезновал сердцем и наставлял всех братий, младших и старших, переписывать и перечитывать отеческие писания, дабы, ревнуя жителству древних святых, они держались тесного Евангельского пути и избегли бы нерадивой и притворной монашеской миролюбивой жизни.

Потому и сам старец, до самой своей смерти, с великим прилежанием занимался переводом с греческого на славянский язык отеческих и богословских книг, дабы доставить пользу и окормление душам, которые после него захотят подвизаться, ревновать и внимать учению Богоносных наших отцов. И удивляться надо письменным его трудам. Телом он был совсем немощный. На всем правом боку были у него раны. На кровати, где почивал он, обкладывался кругом книгами. Тут у него лежали разноязычные словари, Библия греческая и славянская, грамматика греческая и славянская и книга, которую он переводил; а среди книг зажженные свечи. Сам же он, как малое дитя, сидя согнувшись, писал по целой ночи, забывая и немощь тела и тяжкие болезни и труд. О, бесстрастнейший святой муж! О, душа чистая, соединенная с Богом! Весь он любовью прилеплен был к Богу; весь и к ближнему пылал любовью. — Кто от имеющих здравый разум может усумниться, и кто не познает и не прославит Творца Дародателя, слыша об этом блаженном муже, бывшем избраннике еще от младенчества? Ибо хотя он и не был научен от людей внешним наукам, *но пришел в мужа совершенна* (Еф. 4, 13), и, будучи умудрен чрез исполнение заповедей Христовых, соделался избранным сосудом, быв научен свыше от благодати Божией, при тщательнейшем во всю жизнь чтении Божественных и отеческих писаний. И так как по слову святого Исаака, смиренномудрым открываются тайны, то и слово старца Паисия, исполненное благодати, было сильно и действенно. Оно искореняло страсти и насаждало добродетели в душах с верою и любовью слушавших его. Ибо говорит Божественное писание: *Вознесох избранного от людей моих* (Пс. 88:20). Таким образом, кого Господь избрал, того и вознес на высоту Божественного разума и после мно-

гих его трудов просветил ум его к познанию всех Божественных писаний. При том украсил его Бог и всеми божественными дарованиями. Видевшие все это в нем своими очами, и слышавшие своими ушами (современники) несомненно свидетельствуют о нем следующее:

- 1) В нем, как в чистейшей обители, жила Ипостасная Божия Премудрость со Безначальным Своим Отцем и Божественным Духом. И от сей Премудрости чрез его уста истекал медоточный источник Божественных учений, услаждавший души и иссушавший лукавые страсти.
- 2) В нем был разум Божественный, посредством которого он право разумевал догматы Православной нашей веры, содержащиеся в святом Символе, также Евангельские заветы и заповеди, угрозы и обещания, а еще правила святых апостолов и всех святых Вселенских Соборов и великих церковных учителей и святителей, и толкования их, вместе с тем учения и наставления Преподобных и Богоносных наших отцов, и от всей души крепко защищал их, и неврединно хранил, как зеницу ока.
- 3) Имел он дар совета, посредством которого право и истинно, по учению и наставлению святых и Богоносных отцов наших, преподавал всем просящим от него наставления. И кто с верою принимал их и упражнялся в делании заповедей Божиих по его учению и совету, тот преуспевал во смирении, терпении и любви.
- 4) Имел дар крепости, пребывая твердым в вере, любви и надежде на Промысл Божий во всех скорбях и искушениях.
- 5) Имел страх Божий, храня заповеди Господни, как зеницу ока; ибо и за одну малейшую заповедь он

готов был положить душу свою. Тому же учил и все свое братство.

- 6) В нем была любовь огненная, которую он от юности вседушно возлюбил Господа своего, и которая, преуспевая, все более и более воспламенялась, и разливалась равно на всех ближних. Ибо он всех разогревал своею любовью и ревностью, всякому соболезнавал, всякому сострадал, объемля душею своею в особенности духовных своих чад. Впрочем он не отвращался и всякого человека, приходившего к нему, и просившего у него милостыни, душевной ли, или телесной, и не отпускал от себя без удовлетворения,
- 7) Мир всегда он имел со всеми; ибо никогда ни на кого не скорбел и никого не презирал, хотя бы что и потерпел от кого. Так же наставлял жить в мире и всех своих чад духовных.
- 8) Долготерпение с кротостию соединены были в нем неразрывно и как бы сросщены. Ибо никогда не видел в нем гнева или смущения, разве только за преступление заповеди Божией; но всегда он являлся кротким и терпеливым. Ибо обличал и запрещал он с кротостию, наставлял и поучал с любовью, миловал и долготерпел с надеждою исправления согрешивших.
- 9) Незлобие и простота в нем были младенческие; ум же и разумение — Божественные и высокие, а не младенческие.
- 10) Смиренномудрие же его было велико и известно (вполне) только единому Богу. Ибо блаженный сей старец подвигами духовными и вышеестественными трудами подражал преподобным и Богоносным отцам нашим. Ради любви Божией, от юности, противостав до крови всем страстям, он презрел по сло-

ву Господню все, что в мире, род, славу и богатство; не пощадил и души своей, но возлюбил тесный и прискорбный Евангельский путь. Потому и Господь Своею благодатию покорил под ноги его и даровал ему в поправление ярость и похоть и все злыя душевные и телесныя страсти. Когда же он достиг меры мужа совершенного, Господь украсил его и всеми сказанными дарованиями Святого Духа.

Украшен был сей святой муж и всеми внешними достоинствами. Лицо его было бело и светло, как лицо ангела Божия. Взор тихий, слово смиренное и чуждое дерзновения. Всех он любовью привлекал к себе, как магнит железо; ибо весь исполнен был благодати, изливая на всех милость. Ум же его всегда соединен был любовью с Богом. Свидетелем сему были слезы. Ибо когда он говорил что братьям от Святых Писаний, утверждая истину, сердце его горело любовью ко Господу, лицо его цвело духовною радостью и сияло любовью к ближнему, а очи его проливали слезы. Но какие подъял блаженный старец труды и подвиги, со тщанием и великим усердием, относительно познания (чистаго разумения его) правого Евангельского и истинного монашеского пути и касательно познания чистаго разумения его, безопасного от подсад и прилогов (вражиих) с десной и шуйей стороны, которое (разумение истинного пути) поощряет ко всем по Богу добрым делам всякую душу, и в особенности понуждающую себя к соблюдению заповедей Господних, как говорит о сем ясно святой Петр Дамаскин. И какие изливал он горькие слезы, с печалью и воздыханиями, и в каких находился недоумениях, со смирением припадая к Богу о том, чтобы обрести искомое! По целым дням и ночам он исследовал Божественные и отеческие писания, прилепляясь к

Богу верую, надеждою и горящею в сердце любовью к Нему, ища и толча смирением, постом и непрестанными молитвами со слезами, во всякое время. И по благодати Божией обрел в сердце своем, по слову Господню, источник воды живой, от которой и сам напоявался до сытости, и всем искавшим подавал независтно.

Что есть монашество и в чем заключается сущность его делания, и что это за тайна общежительного монашеского послушания, и какое доставляет оно преуспеяние послушнику, с духовным разумом проходящему оное, все это старец Паисий изъяснил и научил от Божественных писаний. И еще: что есть видение и умная сердечная молитва, то есть умом в сердце совершаемая, как этому он научен был вышеупомянутыми святыми отцами и собственным опытом навыв при помощи благодати Божией, — все всем ищущим открыл непогрешимо, не только словесно, но и чрез писания. Впрочем там только открывал он это, где получал повеление или будучи убеждаем крайнею необходимостью; ибо он был весьма смиренномудр и удалялся от похвал, как от некоего зловония. Но сколько он, с самой своей юности, убегал и удалялся чести и славы человеческой, столько же во многих странах прославлял его Бог; и имя его пред всеми, и низшими и высшими, было и есть почтенно. И беседа о нем ведет беседующих к прославлению Бога. Ибо, прославляя его, люди славят Бога, явившего в недавние бедственные и лютые времена истинного угодника Своего и незаблудного наставника монашеского общежития.

Не лишен был старец и дара прозорливости. И что он предвидел, то сбывалось. Так он предсказал благочестивому воеводе Григорию Гипе лютую смерть; ибо многократно видел во сне висевший над его головою меч на одном волоске. Что вскоре и потерпел оный во-

евода. По повелению турецкого султана ему отрубили голову; и старец много плакал о нем. Еще часто старец с воздыханиями плакал об одном брате своего общежития, и много увещавал его, чтобы он в некоторых погрешностях исправился; но брат оный не слушался и откладывал свое исправление. В третий день после увещания он утонул. Еще старец много просил и увещавал одного брата не уходить из обители; а наконец сказал ему со слезами: «Брат! послушай меня; ибо не увидишь ты того места, куда хочешь идти». Но тот не послушал и в четвертый день на пути умер. Блаженный старец много плакал о нем. Много и еще было подобных предсказаний старца вследствие его прозорливости.

О чудесах же и исцелениях старца Паисия нет нужды и писать; ибо не по чудесам одним познается святость по истине святых мужей, что они святы и непорочны пред Богом, а по истинной Православной вере и по точному знанию догматов о Боге, и по строгому хранению всех Апостольских и Соборных правил и преданий Православной Восточной Церкви, и по жизни непорочной, согласной со всеми Евангельскими и отеческими заповедями. Ибо многие и нечестивцы и еретики, попущением Божиим и содействием диавола, творят чудеса. О них сказал Господь: *Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим Именем силы многи сотворихом* (Мф. 7:22). И отвечава речет им: *не вею вас, откуда есте. Отступите от Мене вси дилатели неправды* (Лк. 13:25. 27), презревшие и поругавшиеся Моим святым заповедям. К право верующим же говорит: *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте*. И еще: *Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И: не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (Ин. 14:15. 21. 24). И св. Иоанн Златоуст также учит о сем, говоря: узнавать праведна-

го мужа, что он свят, должно не по чудесам и пророчествам, а по доброй его жизни, как сказал Господь: *от плод их познаете их* (Мф. 7:16). Плоды же праведного мужа указал великий апостол, говоря: плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение и прочее. А *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5:22–24). Таковыми словами изобразил Божественный апостол жизнь, преуспеяние и плоды христианина, живущего в мире, и монаха, дабы каждый из них старался приобрести в себе свои плоды. И преуспеяние христианина (мирянина) в том состоит, чтобы он только оставил всякое зло и приобрел выше-сказанные плоды. Преуспеяние же монаха в том, если он всему распнет себя, т. е. миру сему, страстям и похотям. Таковой будет ли творить чудеса, не будет ли творить, известно станет, что он свят и друг Божий.

Потому старец Паисий все чудеса и исцеления, бывшие по его молитвам, приписывал, как и должно, Божией Матери.

Теперь, по обозрении всей жизни старца Паисия, насколько это в свое время возможно было, тайные же его деяния представив Единому Всеведцу Господу, мы уже приблизились и к его блаженной кончине.

Среди обычных трудов старца Паисия настало наконец и для него время отдать общий неизбежный долг, — приблизилось разрешение души от тела. И, по мнению бывших при нем, еще прежде многих дней он получил от Господа извещение о своей кончине. Ибо оставил уже и перевод книг, а только прочитывал и исправлял места, которые требовали исправления. Затем впал старец в тяжкий недуг, разболелся и был так болен четыре дня. В воскресный же день ему стало легче; и он изъявил желание слушать Божественную Литургию; пришел в церковь и сидел. Пред началом причастного стиха вошел

в алтарь и причастился Святых Таин. А по окончании Литургии старец уже едва мог придти в свою келлию. Его вел и поддерживал брат, который ему прислуживал. С тех пор он еще труднее проболел три дня. В это время ходившие за ним отцы Гонорий и Мартирий, никого не допускали к нему, кроме духовных, благоговейнейших и старейших из братий; ибо старец желал скончаться в тишине. В четвертый же день, когда приблизился час кончины, он еще причастился Божественных Таин и затем, призвав двух духовников Софрония славянина и Сильвестра молдавана, преподал чрез них мир и благословение всему братству. Об избрании же настоятеля ничего не сказал. И так скончался, как бы уснул, предав святую свою душу в руки Божии 1794 года в 15 день ноября, прожив от рождения 72 года.

Немедленно послан был от всего братства вестник с письмом в Яссы к Митрополиту Иакову о преставлении старца. Митрополит же попросил боголюбивого епископа Тумского Вениамина, который в последствии был Митрополитом всей Молдавии, чтобы он отправился в монастырь Нямец на погребение. Когда разнесся повсюду слух о преставлении старца Паисия, собралось в обитель бесчисленное множество народа, монахов и мирян, священников, господ и простолюдинов обоего пола. И все они оплакивали кончину его горькими слезами. Три дня ждали епископа на погребение, но на четвертый всем собором честно похоронили тело его в великой церкви, на правой стороне.

А на другой же день по погребении ночью прибыл и боголюбивый епископ, и на утро служил собором Божественную Литургию и панихиду. Вскоре после сего этот боголюбивый святитель, по согласию Собора, и по благословению Митрополита, поставил первого в братстве духовника, отца Софрония старцем и архимандритом

монастыря. Потому все, находившиеся в скорби братия получили некое утешение, душевно умиротворившись; ибо все братия молдавского и славянского рода любили его за его любовь ко всем и смирение, в особенности за крайнее его милосердие. После же отца Софрония был старцем отец Дорофей; а за отцем Дорофеем отец Досифей. Оба эти старцы, прежде своей кончины, по слабости от старчества уволились. После отца Досифея старцем был отец Иоанн. Все эти четыре старца были славянского происхождения. По смерти же отца Иоанна первым старцем молдавского происхождения был отец Сильвестр. Все эти духовные мужи и другие, подобные им, были священными учениками старца Паисия.

Сказав немного кое-что об избранных учениках блаженного старца, опять обратимся к нему самому, и закончим это о нем сказание так: О, душа смиренно-мудрая и кроткая! О, муж, исполненный рассуждения Божественного! О том только он во всю свою жизнь любомудрствовал, чтобы иметь себя ниже всех людей, как невежду и бездерзновенного, как раба и должника всем братиям. Ибо он хорошо навыв сему от Божественного апостола, так говорящего: *аще кто мнится мудр быти в вас в вещи сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1Кор. 3:18). И от Самого Господа, сказавшего: *аще кто хочет старей быти, да будет всем слуга* (Мк. 9:35). Так он и при кончине поступил, никого не дерзнув назначить после себя старцем, как выше сказано, но представив Христу Богу и Боголюбивому епископу и святому Собору братий избрать старца и наставника, кого сами рассудят. А сам, как исполнивший долг своего служения, отошел ко Господу.

Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном

Письма, устав и слова — Источник: Трезвомыслие: сборник творений русских подвижников благочестия об основах духовной жизни в молитве Иисусовой: в 2 т. / [схиигум. Авраам (Рейдман), сост., предисл.]. — Москва: Паломник; Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь, 2009

Житие — Источник: Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном. — М.: Паломник, [1995?]. — 104 с.

Оглавление

ПОУЧЕНИЯ СТАРЦА ПАИСИЯ

ПОУЧЕНИЕ ОБ УМНОЙ ИЛИ ВНУТРЕННЕЙ МОЛИТВЕ

Предисловие старца Паисия	7
Глава 1. Против хулителей умной молитвы. О том, что умная молитва есть делание древних святых отцов, и против хулителей этой священной и пренепорочной молитвы	8
Глава 2. Откуда эта Божественная умная молитва имеет начало, и какие свидетельства Богоносные отцы приводят о ней из Священного Писания	17
Глава 3. О том, что эта священная умная молитва есть духовное художество	34
Глава 4. Какое нужно предуготовление тому, кто желает проходить это Божественное делание	36
Глава 5. О том, что такое эта священная Иисусова молитва по качеству своему и действию	38
Глава 6. О том, как должно в начале обучаться действию умом в сердце этой Божественной молитвы	41

Как мирянину можно спастись?	47
--	----

КРИНЫ СЕЛЬНЫЕ ИЛИ ЦВЕТЫ ПРЕКРАСНЫЕ, СОБРАННЫЕ ВКРАТЦЕ ОТ БОЖЕСТВЕННОГО ПИСАНИЯ

Предисловие	51
Слово 1. Краткое изложение мыслей, располагающих к покаянию	52

Слово 2. Борьба против уныния, лености и расслабления	56
Слово 3. Умилительное поучение, отсекающее всякое превозношение и гордость человеческую и обращающее душу во источники слез	57
Слово 4. О благодати Божией	61
Слово 5. О чувствах душевных и телесных, о добродетелях и какая добродетель от какой рождается. О больших и начальных добродетелях. Если кто эти добродетели исполнит, тому и прочие все подчинятся	62
Слово 6. О вере	63
Слово 7. О любви	63
Слово 8. О посте	63
Слово 9. О воздержании	66
Слово 10. О бдении	67
Слово 11. О молитве Иисусовой	67
Слово 12. О смирении и смиреномудрии	68
Слово 13. О безмолвии и молчании	68
Слово 14. О нестяжательности	69
Слово 15. О рассуждении	69
Слово 16. О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются	70
Слово 17. О телесных страстях. Отчего оне происходят и чем побеждаются	72
Слово 18. О том, чтобы со вниманием пребывать всегда .	73
Слово 19. Сокращенная речь о всех душевных и телесных страстях	73
Слово 20. О бесстрастии	74
Слово 21. О чистоте сердечной и душевной	75
Слово 22. О помрачении ума, то есть нерассудительности	77
Слово 23. О трезвости ума, то есть внимательности	78
Слово 24. О молитве Иисусовой, которая скоро вселяет благодать и удобно спасает душу	81
Слово 25. О том, чтобы никогда ни о чем не заботиться ..	83
Слово 26. О непрестанной молитве	84
Слово 27. Четыре связующие добродетели	85

Слово 28. О том, чтобы заботиться о внутреннем, в излишние же попечения не вдаваться, но непрестанно молиться Богу	87
Слово 29. Чем сохраняется трезвость ума, отчего происходит сонливость и холодность нашей мысли, угашающая святую теплоту в душе и усердие к Богу?	93
Слово 30. О сне. Как должно бороться со сном желающим хорошо потрудиться ради Бога в уединенной жизни	94
Слово 31. О том, чтобы молиться с великим вниманием во псалмах и молитвословиях	99
Слово 32. О смущении и страхованиях бесовских	100
Слово 33. О том, чтобы терпеть напраслину и всякое укорение и досаждение	101
Слово 34. О том, чтобы терпеть скорби	105
Слово 35. О разнообразии браней бесовских и о том, как отсечь начало прилога всякого помысла и похоти ...	108
Слово 36. О различных скорбях и тяготах от бесов	114
Слово 37. О страховании	117
Слово 38. О том, чего особенно боятся бесы	118
Слово 39. Краткие избранные святоотеческие слова о необходимейших предметах	119
Слово 40. Что такое инок	121
Слово 41. О том, что полезно бежать от мира	122
Слово 42. О том, что есть от Бога — внушение или вражий прилог	125
Слово 43. О несомненной вере	127
Слово 44. Увещание	127
Слово 45. Заключение	128

ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ В МОНАШЕСКИЙ ЧИН

Как должны иноки всегда воевать против трех врагов ...	130
Часть первая. О ежедневной брани и о том, как иноки должны ополчаться против этих трех врагов и побеждать их	131
Часть вторая. О начале иноческого и о том, что значит быть иноком	135

УСТАВ СТАРЦА ПАИСИЯ	141
О принятии братьев в иночество, о больнице, о странноприимнице, о ремеслах	155

ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ

ОТВЕТ ОТЦАМ ДОРОФЕЮ И ГЕРОНТИЮ О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ЕСТЬ МЯСА	167
ПИСЬМА ИЕРЕЮ ДИМИТРИЮ	
Письмо первое иерею Димитрию	172
Письмо второе иерею Димитрию	192
ПИСЬМО НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ АРЗАМАССКОЙ АЛЕКСЕЕВСКОЙ ОБЩИНЫ	196
ПИСЬМО ОТЦАМ ПОЛЯНОМЕРУЛЬСКОЙ ОБИТЕЛИ	206
ПОСЛАНИЕ ИЕРОМОНАХУ АГАФОНУ, НАСТОЯТЕЛЮ ПОЛЯНОВОРОНСКОЙ ОБИТЕЛИ	211
ПОСЛАНИЕ К ИГУМЕНУ СКИТА ЦЫБУКАН ФЕОДОСИЮ	217
ПОСЛАНИЕ К НИКИФОРУ ФЕОТОКИ	219
ПОСЛАНИЕ К ОТЦАМ, ОСТАВШИМСЯ В ДРАГОМИРНЕ	223
ПОСЛАНИЕ К УЧЕНИКАМ НА ХУТОР НЕКШАНЫ	230
СЛОВО К ОТЦУ ФЕОДОСИЮ, АРХИМАНДРИТУ ПУСТЫНИ СОФРОНИЕВОЙ	236

ЖИТИЕ МОЛДАВСКОГО СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

Предисловие	269
I. От рождения до водворения старца Паисия на Афоне ..	270
II. Пребывание старца Паисия на св. Афонской горе	288

III. Возвращение старца Паисия с учениками в Валахию	304
IV. Перевод старца Паисия в Нямец, и блаженная его кончина	325
Источники	343

В издательстве **СИНОПСИСЪ** вышли книги
протоиерея Константина Островского

**На приходе и в семье: статьи, ответы
на вопросы, разные истории**

576 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,6 x 2,85 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-905472-48-0
Тираж: 10 000 экз.

Автор интересно, на примере собственного опыта рассказывает, как воспитывать современного ребёнка православным христианином, даёт конкретные рекомендации, как организовать работу воскресной школы, как обустроить приходскую жизнь православной общины, даёт советы в непростом деле восстановления и реставрации храмов.

Есть разделы, в которых автор отвечает на вопросы верующих о духовной жизни.

Книга будет полезна молодым священникам, сотрудникам приходов, церковным педагогам, родителям, а также широкому кругу читателей.

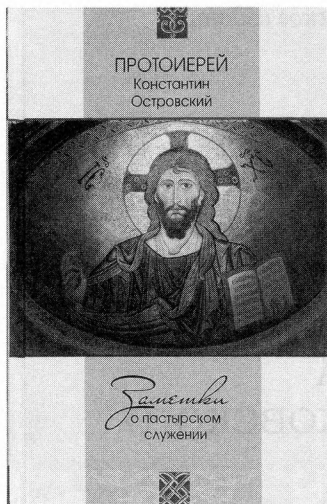
**Красные врата: советы пастыря,
избранные письма**

488 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,4 x 20,6 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-905472-60-2
Тираж: 4 000 экз.

Книга протоиерея Константина Островского «Красные врата» составлена из двух частей, объединённых общей задачей: помочь православному человеку, ищущему духовный путь, обрести его.

В первой части книги, «Вхождение в Церковь», даются краткие наставления о молитве, о покаянии, об устройстве православной семьи и приходской общины.

Вторая часть, «Отец в удалённом доступе», составлена на основе писем пастыря прихожанам, по разным причинам оказавшимся вдали от родного храма.

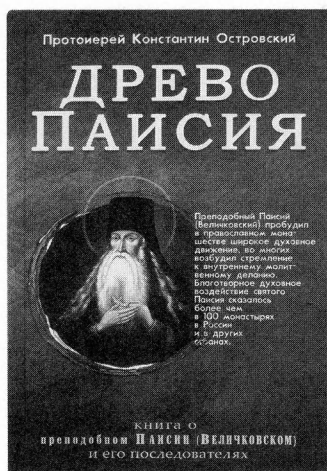
Заметки о пастырском служении

360 стр., бумага офсетная
Размер: 20,7 x 13,2 x 2,1 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-6042761-6-7
Тираж: 3 000 экз.

Книга сложилась на основе заметок, использованных автором при подготовке и проведении занятий по пастырскому богословию со студентами Коломенской духовной семинарии.

Издание состоит из нескольких разделов. Первый посвящен пастырскому призванию. Во втором идет речь о молитве. Духовничеству, то есть пастырской помощи людям в их старании жить молитвенно и свято по заповедям Божиим, посвящен третий раздел. Затем идет раздел, посвященный созданию и деятельности приходской общины. В заключительном разделе говорится об устройстве домашней (в смысле семейной) церкви христианина и, в первую очередь, священника.

им, посвящен третий раздел. Затем идет раздел, посвященный созданию и деятельности приходской общины. В заключительном разделе говорится об устройстве домашней (в смысле семейной) церкви христианина и, в первую очередь, священника.

Древо Паисия. Книга о преподобном Паисии (Величковском) и его последователях

252 стр., бумага офсетная
Размер: 22 x 14,9 x 1,85 см
Переплет: твердый
ISBN: 978-5-6043595-3-2
Тираж: 5 000 экз.

Книга посвящена преподобному Паисию (Величковскому) и его духовному наследию. Преподобный Паисий не только сам достиг христианского совершенства, но своим примером и с помощью опубликованных им книг о молитве и борьбе со страстями указал деятельный путь ко спасению множеству своих учеников и через

них другим монахам и мирянам в России, на Украине, в Молдавии, Румынии, Греции и в других странах.

Содержание книги «Древо Паисия» можно назвать свободной компиляцией текстов: житий святых, жизнеописаний подвижников благочестия, повествований о монастырях.

Приобрести книги Вы можете в интернет - магазине издательства «Синописъ»

knigipochtoi.ru
8 800 511 79 72

Духовно-просветительское издание

Паисий ВЕЛИЧКОВСКИЙ
ПОУЧЕНИЯ, СЛОВА,
УСТАВ И ЖИТИЕ
СТАРЦА
ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

Дизайн макета и верстка

К. МОСКАЛЕВ

Ответственный редактор

Е. НОСКОВА

Корректор

А. СЕРБИН

Подписано в печать 15.03.2021.

Формат 60×90/16.

Тираж 5000 экз. Заказ № 277.

Отпечатано в Обществе
с ограниченной ответственностью
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru р-д-п.рф

Сборник, включающий в себя наиболее полное
святоотеческое наследие молдавского старца,
преподобного Паисия Величковского, которо-
го называли «отцом русского старчества».

Преподобный Паисий Величковский воз-
родил умное монашеское делание —
молитву Иисусову.

С духовным наследием Паисия связана исто-
рия старчества в Оптиной, Глинской пустынях
и других монастырях русской Церкви. Пер-
вые оптинские старцы — преподобные
Лев, Макарий, Моисей — были
прямыми учениками учеников
преподобного Паисия, а их
учеником явился
святой Амвросий Оптинский.

серия «Древо Паисия»

СИНОПСИС
KNIGIPOCHTOI.RU

ISBN 978-5-6044855-9-0

9 785604 485590

